

ВОКРУГ **СВЕТА**

6 1967
ИЮНЬ

НАУЧНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ ЦК ВЛКСМ
ПУТЕШЕСТВИЙ, ПРИКЛЮЧЕНИЙ И ФАНТАСТИКИ

НАВСТРЕЧУ ПЯТИДЕСЯТИЛЕТИЮ ВЕЛИКОГО ОКТЯБРЯ

«АМУРСК НАЧИНАЛСЯ, КАК И КОМСОМОЛЬСК, С ПАЛАТОК. ПО БЕРЕГУ ТЯНУЛАСЬ ЧЕРНАЯ ЦЕПОЧКА ИЗБ НАНАЙСКОГО СЕЛА. НА МЕСТЕ БУДУЩЕГО КОМБИНАТА СТОЯЛ НЕТРОНУТЫЙ МАССИВ ТАЙГИ. ВСЕ БЫЛО ТАК ЖЕ, НО СОВСЕМ ИНАЧЕ. СТАРШИЙ БРАТ — КОМСОМОЛЬСК — ДАЛ НОВОЙ СТРОЙКЕ ВСЕ...»

Комсомольск-на-Амуре... Героизму первостроителей, сегодняшней жизни города и его младших братьев посвящен очерк нашего специального корреспондента Л. Филимонова «Взорванная тишина».

«ЗА ВОЛЬНЫМ И МОГУЧИМ ОБЛИКОМ РЕКИ ОТКРЫВАЮТСЯ РАДОСТЬ И ЗАБОТЫ, ПРИНОСИМЫЕ ЧЕЛОВЕКУ ВОЛНАМИ ДУНАЯ; ЗА ЧЕТКИМИ КОНТУРАМИ МОСТОВ — ЕДИНЕНИЕ ЗЕМЕЛЬ, СТРАН, ЛЮДЕЙ...»

Очерк нашего специального корреспондента Л. Чешковой.

«ВОЛНЫ ОБРУШИВАЮТСЯ НА МОЛ ТО СПЕРЕДИ, ТО СЗАДИ, НО ИМ НЕ УДАЕТСЯ НАСТИГНУТЬ УХОДЯЩУЮ ОТ НИХ ДОБЫЧУ.

ТЕПЕРЬ БОЙ БУДЕТ ПРОДОЛЖЕН В БОЛЬНИЦЕ, БОЙ ЗА ЧЕЛОВЕКА, КОТОРЫЙ НЕ ДОЛЖЕН ПОГИБНУТЬ...»

Эпизод из жизни сегодняшней Арктики.

«Стриж второго батальона» — рассказ Льва Успенского о мужестве советских солдат в годы Великой Отечественной войны.

В нашей «Кают-компани» Умберто ди Винченцо Нобиле — человек с дирижабля «Италия».

«Море без огней» — приключенческая повесть японского писателя Бэна Минагами.

Вести из Австрии, Болгарии, Венгрии, Ирака, Италии, Колумбии, Мексики, Монголии, с Новой Гвинеи, из ОАР, Румынии, США, Судана, Таиланда, Уэльса, Франции, ФРГ, Шотландии, Чехословакии, Югославии.

ак рождаются города...

Первая топографическая отметка, первая колея. А затем и первая скважина, первый дом...

Так рождались многие из тех трех тысяч городов и поселков, названия которых появились на карте после Великого Октября.

«Около трех тысяч» — простая статистическая цифра. Но представьте себе без этих трех тысяч населенных пунктов современную карту нашей Родины!

И из них девять сотен таких, что носят имя города... И многие — крупные центры промышленности, науки, культуры: Магнитогорск, Запорожье, Норильск, Новокузнецк, Березники и, конечно, Комсомольск-на-Амуре. Первенец социалистических новостроек.

Они возникали — и расцветали молодые промышленные районы, строились гидростанции, разрабатывались новые месторождения.

Этим городам не исполнилось еще и четырех десятков, но они уже имеют солидное, хоть и совсем еще молодое потомство — Ангарск, Дивногорск, Братск, Мирный, Волжский...

Новыми улицами, новыми городами отмечают молодые строители 25 июня — День советской молодежи. А вместе с ними отмечают этот день молодые геологи, топографы, металлурги, химики, энергетики...

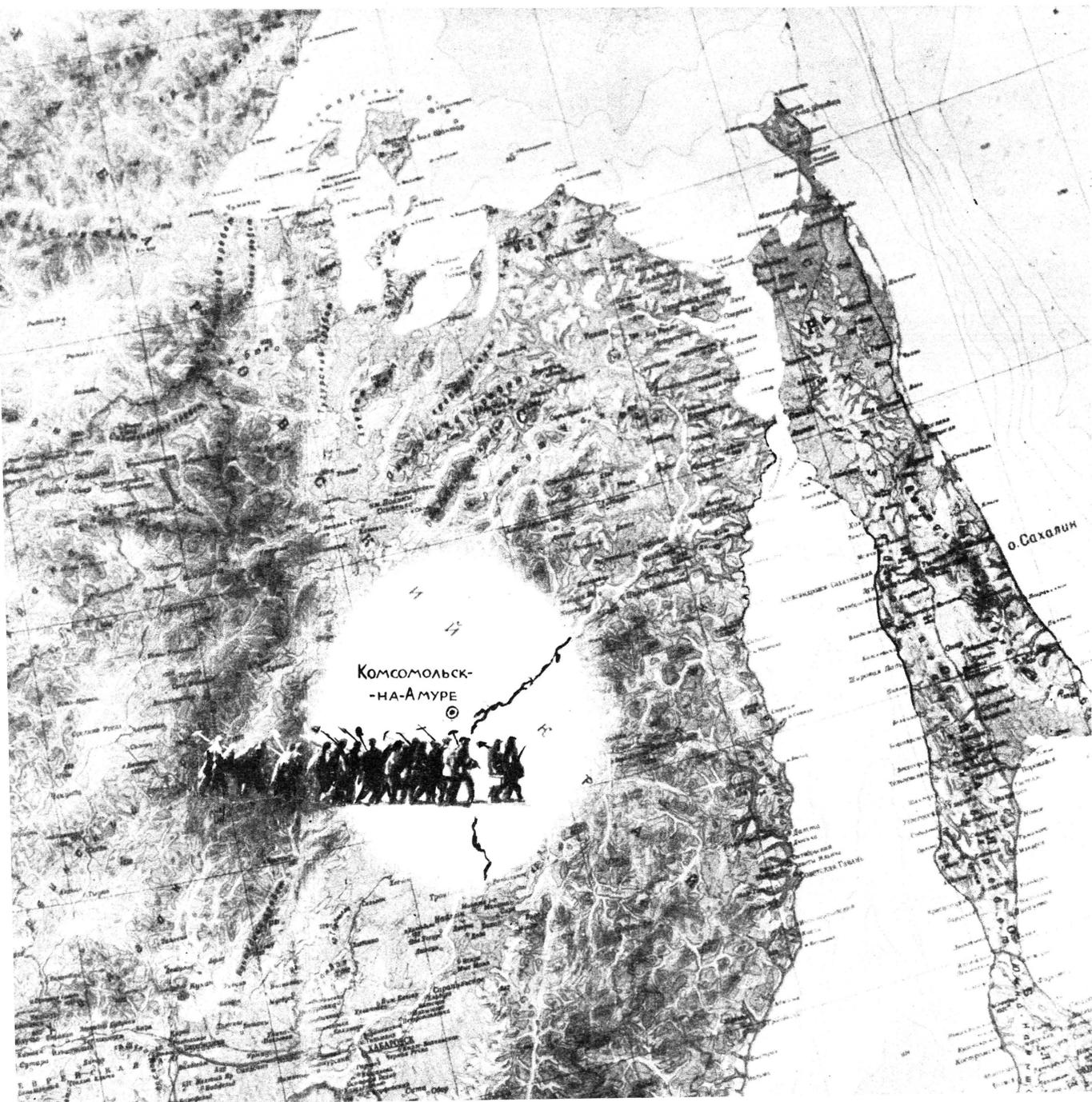
Молодое поколение строителей опирается на героический опыт отцов, опыт первостроителей, опыт, обогащенный и подкрепленный ныне, в шестидесятых годах, достижениями современной строительной техники, новейшей научной теорией градостроительства.

ПЕРВАЯ КОЛЕЯ...

Фото Н. КЛЮЧНЕВА

ВЗОРВАННАЯ

Рассказ о городе
Комсомольске-на-Амуре
и его младших братьях

ТИШИНА

Л. ФИЛИМОНОВ,
наш спец. корр.

*О, как мечтали мы увидеть город
Над этой приамурской синевой!
Но прежде, чем увидели его...*

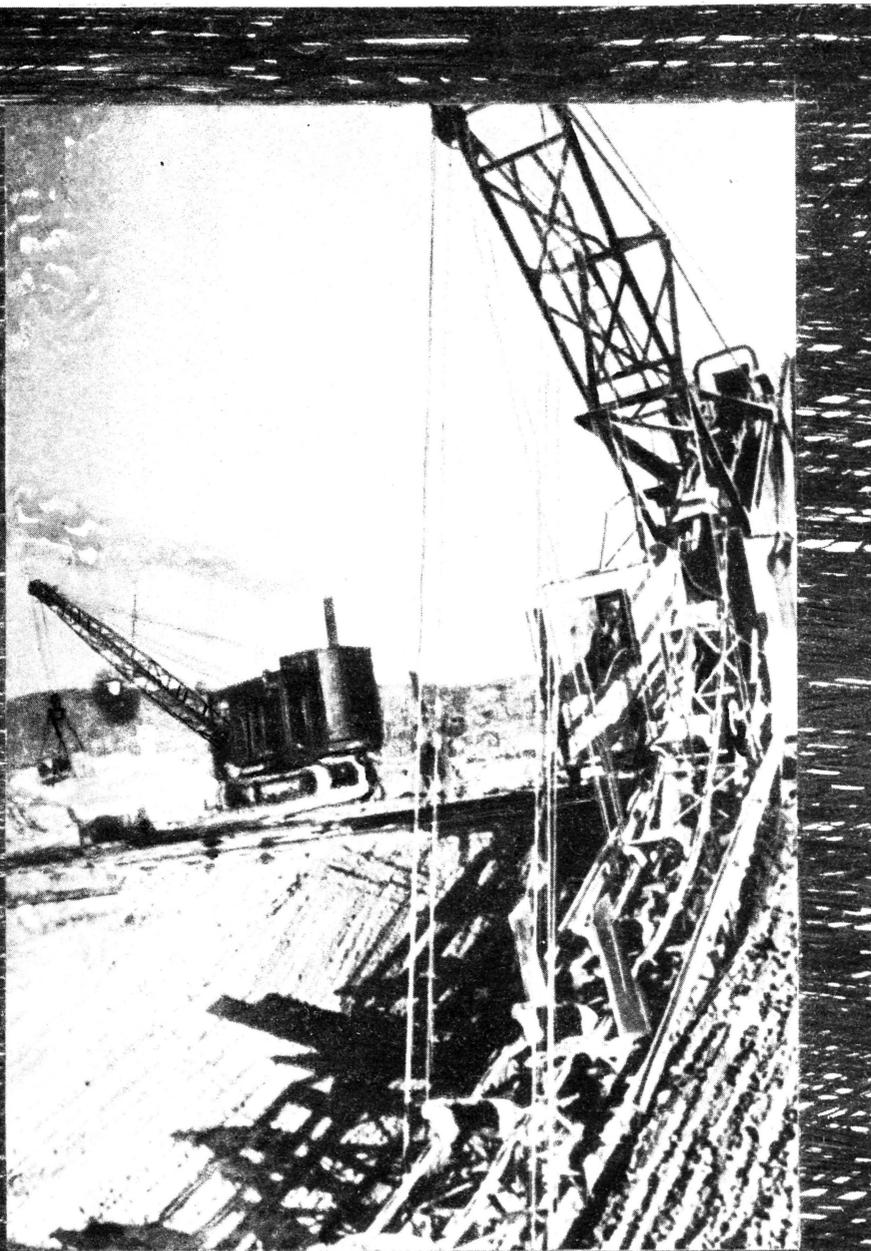
Но прежде... Прежде было многое. И были, в частности, вот эти строки, сто лет назад написанные капитаном корпуса лесничих А. Будищевым:

«Необширная береговая возвышенность у станка Мылки и гольдской деревни Джон-мэ, хотя на вид кажется местностью удобною для заселения, но ни по пространству своему, ни по качеству земли и положению с другими местностями не предвещает хорошей будущности, так как место низменное, удаленное от гор настоящего материка и со скудною почвою».

Из тех ребят, что в один из непогожих майских дней 1932 года сошли на берег возле упомянутой возвышенности, едва ли кто-нибудь слышал о предсказании лесничего. Они уже знали другое — то, что писала в эти годы «Правда»: «...чудовищно богатому краю, девственному, как будто он только найден, до крайности нужен новый городской центр на новых путях с запада на восток и с юга на север; там — лес, золото, там — руды, в Амуре — рыба и, наконец, Амур — путь в Тихий океан».

Их целью был завод. И не один завод — десятки. Могучая передовая индустрия. Ее нужно было создать в кратчайший срок. В кратчайший, потому что медлить было некогда — уже сгущались тучи грядущей мировой войны. В Маньчжурии копили силы самураи. В Германии стальные короли подсаживали в кресло канцлера опасного маньяка.

Да, медлить было некогда. И рабочий день строителей нового города был начат в тот момент, когда на берег с парохода опустили сходни. В вечерних сумерках, когда амурская волна уже легко качала разгруженные пароходы, они сошлись на первый зафиксированный в летописи Комсомольска митинг. И здесь один из будущих комсомольчан внемного, может быть, нескладной,

1932

КОМСОМОЛЬСК. ПЛОЩАДЬ ИМЕНИ ЛЕНИНА.

но горячей речи с предельной убежденностью провозгласил их кредо:

— Мы Днепрогэс построили! Построили! Сталинградский завод и Харьковский — построили! Челябинский тракторный строим? Магнитку? Хибиногорск? Нас тут пугает кое-кто: мол, из тайги придут медведи. А не медведи, так мошка да комары съедят. Не надо нас пугать! Мы не уйдем, пока не выстроим здесь город. И после тоже не уйдем!

А город уже начался — на берегу в тревожно-дымных отблесках костров белели первые палатки.

Все, чем пугали, было: и медведи, и мошка, и комары. Дожди, и грязь, и лютые морозы. И не было ботинок и сапог, порою не хватало и лаптей. Было голодно, были болезни. Многие были, но испугало немногих.

Когда на следующий по приезде день они готовы были взяться за работу — а начинать пришлось с расчистки леса, с рубки деревьев и корчевки пней, — то выяснилось, что на всю партию на-

шлось лишь два десятка топоров. И полтора десятка пил. Но никто не собирался ждать, пока доставят все, что нужно.

Они пошли в тайгу и на ходу изобрели «нахальный метод».

— Почему «нахальный»? Ну... мы считали это все-таки нахальством — идти валить тайгу без топоров. А где их было взять? Нашли канат. Привяжем за вершину... Как? По-разному. Пониже дерево — набрасывали, как аркан. Повыше — лазить приходилось. Ну, а потом беремся за канат — и дружно — раз-два, взяли! Погнетса, потрещит лесина да и ляжет вверх корнями. Хороший метод был — пни корчевать не приходилось. Четыреста процентов нормы выдавали в день. Вот, может, он поэтому еще «нахальный» — на всю бригаду два-три топора, а выработка по четыре нормы.

Тайгу, как выяснилось, можно корчевать без топоров. Но вот без кузницы и без слесарной мастерской, без электрического освещения работа не пошла. Тогда один из тех, кто прислан был руководить строительством, нашел единственно возможный выход: он вызвал демобилизованного моряка Зангиева.

— Ты, Костя, говорят, механик?

— Да. И еще электрик.

— Так вот, нужна нам механическая мастерская. Позарез. Давай берись, организовывай.

— А из чего? Ведь ничего же нет.

— Ищи, Зангиев. Ищи, как хлеб ищут. Придумывай, что хочешь, но через неделю должна быть мастерская. Понял?

— Как не понять... Попробую.

И Костя стал искать. Он разыскал в деревне кузнеца. Кузнец сидел в избе и складывал в сундук пожитки. Он собирался уезжать — строительству нужны были дома, их покупали у крестьян, хозяев же переселяли в близлежащую деревню Киселевку.

Нет, оставаться он не хочет, не след бросать своих, одной родни, считай, что полсела. На стройку? Нет, у нас своя работа, деревенская — коня перековать, ошиновать колеса...

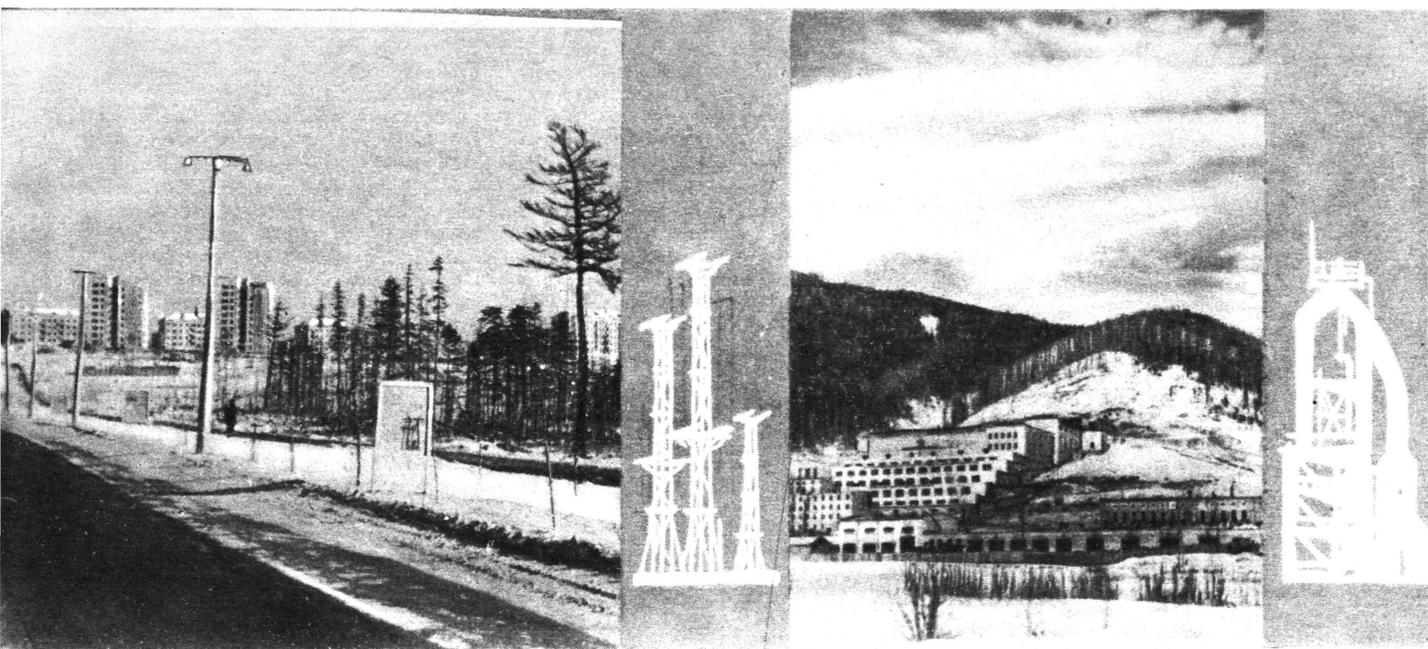
— Послушай, ну тогда продай нам мех. Все остальное, может быть, достанем — кувалду там, щипцы. А мех нам не достать.

— Ты, парень, что — в уме? Да как же я, кузнец, без меха?

— Так у тебя ведь два?

— А ты свое считай, — обиделся кузнец. — Два или пять,

«СЫНОВЬЯ» КОМСОМОЛЬСКА — СОЛНЕЧНЫЙ И ГОРНЫЙ.

кому какое дело? Вот тебе, парень, бог, а вот порог.

У печки четверо чумазных ребятшек во все глаза разглядывали Костю. Как будто знали, что в кармане флотского бушлата лежат большие круглые конфеты — их выдавали на паек.

— Ну что ж, хозяин, извини и до свидания, — гость вытащил конфеты, протянул их малышам. Те, оглянувшись на отца, схватили лакомство и убежали в угол. Хозяйка посмотрела на сияющие рожки детей, потом перевела глаза на мужа:

— Отдал бы мех-то, Ваня...

Кузнец махнул рукой:

— Раз баба говорит, отдать придется. Да нет, какие деньги, так бери. Сам говоришь, есть у меня еще один. Уж не взыщи, который поновей — себе оставляю.

Второй этап «индустриальных» поисков дал Косте кузнеца, московского молотобойца с «Шарикоподшипника» Кузьму Бородина, который с первого же взгляда забраковал продемонстрированный Костей мех.

— Утильсырье. На сгибах весь протерся. А вот, гляди, дыра — кулак пролезет. А вот еще...

— Да, в общем-то, конечно... Но другого нет. Починим этот.

— А чем починешь? Кожу надо.

— Найдем.

— С себя, что ли?

— А хоть бы и с себя.

Зангиев сел на землю, стянул свои морские сапоги — предмет всеобщей зависти — и на глазах у пораженного Кузьмы отрезал голенища.

— Прикинь-ка. Хватит?

— Должно.

Но кожи не хватило. То ли Кузьма неэкономно раскроил, а может, дырок оказалось больше, чем считали. Узнав об этом, Костя чертыхнулся.

— Ну, больше нет, Кузьма, как хочешь. — Задумался, спросил: — Сукно пойдет?

И тут же принялся выпаривать из флотских брюк широкие вставные клинья.

— Вот буду я теперь, как жорик, в узких брюках. Смотри, что-бы теперь хватило.

Кузьма полез в шалаш, порылся в чемодане и кинул Косте длинные носки из теплой и колючей шерсти:

— Держи, заправишь свои дудочки.

«Горячий цех» был пущен за два дня до срока. С утра над

кузницей курился дым и слышались тяжелые удары молота — Кузьма и Костя ковали первое кузнечное изделие.

В те годы первым было многое. И первый шаг по берегу и первый дом. И первый родившийся здесь ребенок.

Этой тетради тридцать пять лет. Она — ровесница Комсомольска. Шуршат голубоватые листы, мелькают даты...

«10 мая. Первая бригада в сорок человек ушла на сплав леса по Силинке.

12 мая. Открыта первая столовая в бывшей часовне.

3 июня. Заложен первый барак.

1 июля. Вышел первый номер печатной газеты «Амурский ударник».

4 июля. Открыта постоянная аэросвязь с Хабаровском. Пришел первый самолет с почтой.

7 ноября. Открытие первого кинотеатра «Ударник».

24 декабря. Первый зимний колхозный базар».

— Веселый был базар, как праздник. Нанайцы из окрестных стойбищ повезли мороженой кеты, свежего мяса, черемши. Нанайцы вообще к нам хорошо относились. Когда у нас были за-

труднения с продовольствием, они частенько привозили на стройку рыбу, мясо и даже денег не хотели брать. И мы, естественно, в долгу не оставались. Ребята часто бывали в стойбищах с концертами, лекциями, кино возили. Ну, словом, дружно жили. Вот...

И опять шуршат листы:

«1 Мая 1933 года. Сегодня была первая праздничная демонстрация. Все высыпали из изб, землянок и шалашей, собрались на берегу Амура, построились в колонну. Духовой оркестр заиграл марш. В колонне шли тысячи юношей. Кое-где мелькали красные косынки девушек. Вслед за знаменосцами неторопливо шагали нанайцы-охотники. Они несли полосатую шкуру уссурийского тигра, натянутую между двумя шестами».

Владелец дневника был человек, уже взявший у жизни почти шесть десятков лет и все остальное, что в этом возрасте причитается каждому — морщины, седину, недуги. По праздникам на его пиджаке звенели награды, с которыми не стыдно показаться на людях, но постоянно он носил лишь одну — значок почетного строителя Комсомольска. Он видел много разных городов — в расцвете славы, залитые солнцем и в жутком хаосе дымящихся руин. Он видел много городов, но жить согласен лишь в одном.

— Есть города и лучше, кто же спорит? Но... все зависит от точки зрения. Вы приезжаете и смотрите на Комсомольск глазами ленинградца или москвича. Попробуйте взглянуть на него так, как смотрим мы, — с палубы первого парохода.

Сырая полоса прибрежного песка, цепочка черных изб, часовня и амбары на столбах — от зверя, а дальше, сразу за околлицей, таежное болотистое редколесье. Вокруг на сотни километров глухомань — лишь крохотные стойбища по берегам затерянных в тайге речушек. И здесь им предстояло жить — приехавшим из Ленинграда, Киева, Москвы, Одессы, Харькова, Ростова... словом, им было с чем сравнить свое новое место жительства.

Село, построенное в прошлом веке, — полсотни полусгнивших изб, палатки на песчаном берегу, землянки-норы да наспех, из чего попало сбитые уродливые шалаша — таким был поначалу городской ансамбль. Понадобился

год массового подвига, чтобы построить 59 барачков.

Первая зима. Она пришла с морозами, еще не виданными большинством приехавших, с бурями и ледяными ветрами. Одежда, за лето истрепанная на лесосеках, грела плохо. Замерз Амур, и встали пароходы, снабжавшие стройку продуктами. Нехватка витаминов открыла путь цинге. Использовав все местные ресурсы, врачи решили вывезти тех, кто заболел, в Хабаровск. Но ехать согласились далеко не все из них...

— Я расскажу вам о Гоменюке, — сказал старожил, — его бригада плотников была одной из лучших. В ту зиму...

Андрей ходил на костылях — цинга взяла его железной хваткой.

— Ложись, Андрей, не мучайся.

— А кто бригаде даст работу?

— Ты что, незаменимый, что ли?

— Нет. Просто не надо меня заменять. Я пока еще в состоянии.

В конце концов он слег. Парни из бригады по утрам вытаскивали бригадира на солнце. За бешеные деньги добывали в Пермском молоке, как драгоценность, приносили мерзлую картошку. Варили в котелке кедровую хвою и, невзирая на протесты, вливали в обеззубевший Андреев рот зеленогорький, пахнущий смолой отвар.

Врач приказал: Андрея увезти на первой же машине. Какими-то путями он выбил для Гоменюка путевку на курорт. Упрямый плотник отказался наотрез:

— Нет, хлопцы, не поеду. Не бойтесь, не помру. Мне здесь курорт не хуже Крыма. Я встану, хлопцы. Скоро.

Ребята уговаривали, спорили, ругались и, истощив все доводы, «давили на сознательность»:

— Путевка ж пропадет, Андрюха. Врач доставал, старался. Ты думаешь, легко ее достать?

— Пусть отдадут кому-нибудь другому. А я без курорта поднимусь.

Он оказался прав — и вскоре встал.

Хоть и трудная была зима, но дело шло.

«1 декабря. Заложена прачечная. В столярном цехе начата установка оборудования.

3 декабря. Закончена постройка магазина.

10 декабря. Сдана в эксплуатацию больница. Проводится конкурс на лучший барак.

24 декабря. Вступила в строй баня на сто человек в день.

10 января. Открылась лыжная станция на 5-й линии в шалаше № 18».

Десятки новеньких, с иглолочки барачков. Столовая, пекарня, магазины, прачечная, баня, больница, техникум, кинотеатр, газета — все это за год. Могли мы говорить, что город есть? Я думаю, могли. Имели основания. Он получился, может быть, не очень уж красивым — для нас это был лучший город на земле. Произошла какая-то переоценка ценностей, потеряли значение старые мерки, появились новые этапы. Мы сравнивали то, что сделали, не с тем, что оставили дома, а с тем, что было здесь же год назад. А главное, мы создали необходимый минимум жилья и получили, наконец, возможность начать строительство завода.

Через тринадцать месяцев после приезда комсомольчане положили первый камень в фундамент первого завода. И с этого момента отдали индустрии города все силы и внимание. Вслед за первым заводом заложили второй. За ним третий, четвертый, десятый... И возле каждого из них вставал поселок. Поселки — Копайгород, Коммунар, Брусчатка, Гидрострой, Амуртяжстрой, Амурстальстрой — ширились, росли и на глазах сливались в город, в сплошной жилой массив.

Мой собеседник открыл шкаф — на полках тесными рядами выстроились папки. Он вытащил одну из них, принес на стол и аккуратно развязал тесемки.

— Тут у меня есть любопытные материалы. Я собираю все, что имеет отношение к истории города — прессу, воспоминания первостроителей, фотографии. Вот ознакомьтесь-ка...

«Население молодого города росло сказочно быстро. В 1932 году здесь жило 5,9 тысячи человек, в 1934 — 24 тысячи, в 1936 — свыше 50 тысяч, а к пятнадцатилетию Комсомольск насчитывал уже 100 тысяч жителей».

Первостроители по городу шагают, как по биографии — дома и улицы у них неотделимы от истории, от собственной их жизни. Первая школа — здесь Женя Дикопольцев, Герой Советского Союза, получил аттестат зрелости. Поселок Победа — здесь был первый аэроклуб, в котором Алеша Маресев впервые взял в руки штурвал самолета.

— Маресьев, Дикопольцев... Комсомольчане были не последними из тех, чью грудь украсили звезды Героев. Ну вот хотя бы Петя Шемендюк — истребитель, товарищ Маресьева по аэро клубу. Погибший под Черкассами танкист Игнат Хоменко. Саша Кретов, учитель из Нижней Тамбовки, тоже танкист и тоже погибший... Миша Сазонов и Петя Плешков — первостроители, оба стали героями на Днепре. Гриша Тарасов, с которым еще тайгу корчевали, — на Одере. Леша Павловский — его живьем сожгли фашисты! — был начальником цеха на «Амурстали». На «Амурстали», кстати, появился и первый в городе Герой Труда Леша Войтович — один из тех парнишек, что шестнадцатилетними встали к мартенам взамен ушедших на войну отцов.

Война... В одной из папок — фронтовые дневники. Не глядя, наугад он взял тетрадь. Сорок второй. Валдайские высоты, Северо-Западный фронт.

«...Наша бригада воюет на одном из трудных участков фронта, южнее озера Ильмень. Ведем тяжелые бои. От некоторых отборных фашистских частей остались одни номера. Летом и осенью прошлого года фрицы ходили в психические атаки — в полный рост и с сигаретами в зубах. Теперь они опасаются высунуть нос из блиндажей и окопов.

...Третьи сутки длится бой на Пунктирной. Песок забил механизмы. Пулеметы, автоматы, винтовки отказали и у нас и у немцев. Деремся гранатами, штыками, прикладами. Ночью фашисты пошли в контратаку. Несколько минут в кромешном мраке происходит страшная схватка. Враг не выдерживает и откатывается.

...Между фашистскими и нашими позициями — участок мертвого леса. Снаряды скосили вершины деревьев. Голые, изуродованные стволы стоят, как кресты на погосте. Все застыло в напряженной готовности к бою. Очень тихо. Слышно, как березы позванивают обмерзшими ветвями. Внезапный грохот потряс небо и землю. В испуге содрогнулся лес. Огненный вал встал над линией обороны противника, закрыл ее черными вихрями взрывов. Пехота поднялась в атаку. Яростный бросок — и вот они, фашисты, на расстоянии убойного огня. У одних лица перекошены злобой, у других — словно мертвые, со стеклянными глазами. Оче-

ди наших автоматов сеют смерть. Еще три минуты схватки, и фашисты не выдерживают. Они бегут по ложине, наполненной сизым дымом, по снегу, запятнанному ожогами разрывов. На поле боя сотни трупов. Ветер гонит от трупа к трупу забрызганную кровью фотокарточку белокурой фрау. На картотке надпись: «Храни и вспомяни!». Мертвые не вспоминают.

Все правильно. Они хотели нашей земли. Они ее получили — полный рот...»

— Миша... — дверь, приоткрывшись, скрипнула.

— А? — Он поднял на жену отсутствующий взгляд.

— Вот тебе и «а». Не воскресенье завтра — будний день. В шесть часов на работу. Я чай согрела, выпей да ложись.

— Да, да... Ложусь... Который час? Ну, не сердись, старушка.

— На тебя сердиться — воду решетом носить. А спать надо вовремя. Пятьдесят пять тебе, не двадцать.

Что ж, спать так спать — утро вечера мудренее. Но сон не идет, и он лежит, прислушиваясь к ночи. Будильник притаившимся зверьком глядит из темноты зеленовато-фосфорическими точками и четко, словно шарики на кафель, роняет звонкие секунды. Негромко дребезжит оконное стекло — куда-то по ночным делам прошла машина. Качается на улице фонарь, качается на потолке струящийся прямоугольник света, в прямоугольнике, как странный плод на длинном черенке, висит, отсвечивая, лампочка. Морозный ветер, налетающий с Амура, приносит перестук далеких поездов и замирающе-тревожный голос паровоза.

Пятьдесят пять — не двадцать... Скажите, как точно подметила. Он вспомнил разговор с одним молодым парнишкой в морозный вечер на автобусной остановке. Парень был зол, ругал мороз, ругал автобус, где-то задержавшийся, и говорил, что в ближайшие же дни его и духу не будет в Комсомольске. А когда разговорились поподробнее, выяснилось, что совсем не в Комсомольске дело, и не в автобусе, и не в морозе. Парнишка оказался архитектором, приехавшим сюда работать, и просто-напросто ему не повезло с работой. Поручают все мелочь какую-то. Эскиз оформления детского сада — грибочки раскрасить, безрезки рассадить, песочницы расставить. Планно на торцевую стену. И с видом бла-

годетелей — привязку типового дома. А он ведь может, черт возьми! Когда он защитил диплом, профессора пророчили...

Он никуда, конечно, не уехал. И получил в конце концов свое большое дело. Настолько настоящее, что поначалу даже растерялся: как мне, такому молодому и неопытному... Он был, конечно, молод и неопытен, и это знали все не хуже, чем он сам. Но архитектором он был способным, и это тоже поняли все. А молодость... В этих краях она скорее достоинство, чем недостаток. Средний возраст комсомольчанина — двадцать шесть лет.

На днях старик зашел к парнишке на работу. Проект был уже выполнен на ватманских листах — большой спортивный комплекс. Чуть-чуть смущаясь, архитектор перекалывал листы.

— Восточная трибуна... Западная. Зал тяжелой атлетики. Коток. Гараж на сто велосипедов. А это внешний вид, фасад... Здесь удалось найти оригинальное решение.

Монументальный и воздушно-невесомый фасад трибуны уносился вверх — его влекли высокие пилоны, взметнувшиеся, как следы ракетных кораблей. Да, это было сделано рукой талантливого мастера...

— Вы собирались, кажется, уехать?

— Уехать? — изумился архитектор, словно услышал что-то крайне несуразное. — Уехать, когда здесь... Тут скоро знаете что будет! Вы видели проект застройки центра?

Разговор они закончили на пустыре — на самом большом пустыре Комсомольска. Он начинался у белеющего вдалеке вокзала и тянулся до закованного в лед Амура.

— Смотрите... Вот здесь Дом советских и партийных организаций. Дальше Дом профсоюзов, Дом спорта, выставочный зал и зал общественных собраний. Гостиница, Дом финансовых организаций. Это единый административный центр. За ним торговый центр: универсам, ресторан, комбинат бытового обслуживания. Там комплекс культуры: кино-театр, музей, кинолекторий, планетарий, ТЮЗ, оперно-драматический театр, Дворец молодежи. На берегу Амура — зона отдыха. Речной вокзал, гостиница. Цирк. Зеленый театр. Кафетерий. Дома культуры, металлургов и строителей. Там студенческий городок... Там жилой комплекс будущего...

— Так, значит, будете комсомольчанином?

— Ну, конечно. Здесь предстоит отличная работа.

Уж это точно — предстоит. Кому-кому, а архитектору работы хватит на всю жизнь. Не только в Комсомольске. В тайге уже встают подростки-города — их называют сыновьями Комсомольска. В распадке среди сопков вырос Горный, украсивший лесистый склон горы ступенчатыми корпусами фабрики, дающей самую дешевую в Союзе оловянную руду. В долине Холдами прорываются сквозь тайгу светлые корпуса Солнечного и трубы огромного горно-обогадательного комбината. Здесь тоже залежи касситерита. Как и в других местах, где возникают стройплощадки для будущих таежных городов, — в Лунном, Красивом, Перевальном, Фестивальном, Спутнике, Востоке-2.

Вверх по течению реки на месте старого селения Падали растет гигант дальневосточной лесохимии — Амурск.

Дорога из города в аэропорт — это дорога из Комсомольска в Амурск. Нужно лишь не сворачивать влево в тридцати километрах от Комсомольска. И тогда, километров еще через сорок, из леса вырастут раскрашенные в шахматную клетку трубы ТЭЦ и корпуса огромного лесопромышленного комбината. Это город Амурск предъявляет визитную карточку.

Гигант дальневосточной лесохимии. Он очень популярен здесь — о нем и говорят, и пишут, и снимают фильмы. Вот что о нем писала «Правда»:

«Амурск — это первый на Дальнем Востоке лесохимический комплекс, по нынешним масштабам один из крупнейших в мире. Семь миллионов кубометров древесины будет перерабатывать он ежегодно в картон и вискозу, кормовые дрожжи и этиловый спирт, в древесноволокнистые плиты и искусственный белок».

Вот «Молодой дальневосточник»:

«Заводы вискозной облагороженной сульфитной и сульфатной целлюлозы, фабрика тарного картона — это только первая очередь гиганта. А потом вступят в строй заводы кормовых дрожжей, производства скипидара, талового масла, флотомасла и одорантсульфата. В Амурске будет перерабатываться без отходов пять миллионов кубометров древесины в год».

Но лучше всех он говорит о себе сам — цехами, трубами, энтузиазмом строящих его людей, размахом грандиозной стройки. И городом, который в девять лет — не скопище бараков, не поселок, а настоящий современный город, красивый, чистый, комфортабельный, умело вписанный в пейзаж. Он поднимался сразу набело — многоэтажными домами, со всеми полагающимися городу атрибутами.

Он начинался, как и Комсомольск, с палаток. По берегу тянулась черная цепочка изб на-найского села. На месте будущего комбината стоял нетронутый массив тайги. Все было так же, но совсем иначе. Здесь не пытались корчевать тайгу «нахальным методом», никто не ссорился из-за пилы и топора. Здесь люди сразу же взялись за рычаги бульдозеров и тракторов, кранов и экскаваторов, за баранки автомобилей. Старший брат — Комсомольск дал новой стройке все: материалы и сборный железобетон, сотни машин и самое лучшее оборудование. А главное, поставил рядом с новичками своих строителей, прошедших суровую школу строительства города юности. А через год Амурск рапортовал: есть десять тысяч квадратных метров жилой площади.

Однажды здесь встречали группу молодежи, приехавшей со всех концов страны на стройку, ставшую ударной комсомольской. На митинге приветствовавший их первостроитель говорил:

— Вам выпала большая честь. Вы будете строителями города, который по праву считается сыном Комсомольска.

Один из молодых взглянул на длинный ряд пятиэтажных корпусов, пожал плечами и шепнул соседу:

— Не сын, а маменькин сынок. Ему отчаянно хотелось палаток, грязи, голода, цинги и комаров — всего, чего так хочется в семнадцать лет, пока ты просто-напросто не знаешь, что это такое. И был он поэтому страшно разочарован.

Володя Ван, начальник производственного отдела строящегося комбината, придерживался несколько иного мнения:

— По-моему, это здорово, когда не надо тратить время на устройство быта и можно сразу же начать работать. У нас не так уж много времени.

Что-то, а цену времени и настоящему жилью Володя знает.

Вечерняя десятилетка, и вечерний институт, и жизнь с семьей — женой и сыном — в общежитии — достаточная в этом смысле стройка. И новая квартира в новом доме, полученная им в Амурске, его отнюдь не разочаровала. Квартира в самом деле хороша: просторно, чисто, ванна, газ. Широкое окно выходит на центральный проспект города. Из этого окна Амурск как на ладони — и город и огромный комбинат.

— Вон, видишь нашу ТЭЦ? Знаешь, кто ее строил? Рыжов Николай Григорьевич — тот самый, что строил первую ТЭЦ Комсомольска. А корпус рядом — это завод вискозной целлюлозы. В этом году сдаем его в эксплуатацию, — он на секунду задумывается. — Да, с ним пришлось повозиться...

«Повозиться...» — сказано просто и буднично. А между тем это был эпизод, достойный первостроителей Комсомольска.

Цехи завода оснащались иностранным оборудованием. Одна из фирм, поставившая комбинату варочные котлы и шаровые емкости, отказалась дать информацию о технологии сварки — это был секрет фирмы. Заграничные специалисты предложили свои услуги. Они считали, что сначала нужно построить специальный цех, смонтировать в нем вспомогательное оборудование и лишь затем приступить к монтажу котлов и емкостей. Срок монтажа фирма определила в два года. Но эти темпы не устроили амурчан. Они нашли свое решение, по мнению фирмы, дерзкое и рискованное. С точки зрения инженерной мысли оно было действительно дерзким. Что же касается риска... Сорок лучших сварщиков стройки взялись доказать свое право на этот «риск». Из солдатских палаток сшили несколько огромных шатров и натянули их над монтажной площадкой. За шесть месяцев сварщики закончили работу. Три с половиной километра швов они сварили так, что иностранные эксперты лишь развели руками — придраться было не к чему.

Строителям сегодня нужно уметь решать сложнейшие задачи современной техники на уровне последнего слова строительной науки.

Амурчане по-хозяйски, заглядывая в будущее, относятся к тому, что строят. Вот у Володи Вана, например, есть своя «конек». Это очистные сооружения комбината, уникальные по конструкции и

грандиозные по масштабам: отстойники, кислородные обогатители, станция биологической очистки, пруд-накопитель на несколько десятков миллионов кубометров.

— Зимой мы не будем сбрасывать в Амур использованную в производстве воду. Река подо льдом, течение замедленно, кислорода в воде очень мало. Будем накапливать воду в пруду — его нам хватит на полгода работы — и только после ледохода начнем спускать.

— Откуда у тебя такой особый

интерес именно к этой части производства?

— Да, очевидно, с детства. Я вырос в маленькой деревне, в которой абсолютно все были потомственными рыбаками. И мать моя была рыбацкой.

— Прости, Володя, ты напец?

— Нет, ульч. Есть у нас на Амуре такая народность. Так вот, когда я научился плавать, мать стала брать меня с собой на лов. Однажды я, забывшись, плюнул за борт. И тут же получил затрещину от матери. Река

тебя кормит, дурак, сказала она мне, а ты в нее плюешь...

Другое время — и другие трудности. И подход к этим трудностям тоже другой. И уровень строительства другой. А цель одна — и у первостроителей Комсомольска, и у тех, чьи рабочие руки поднимают его «сыновей», и у тех, кто сейчас взрывает тишину в таежных углах, и в пустыне, и на дальнем севере.

Комсомольск-на-Амуре — Москва

ПЕРВАЯ КОНСТРУКЦИЯ. ТАК РОЖДАЮТСЯ ГОРОДА. Фото Р. НАГИЕВА

Это был второй батальон в составе одной из бригад морской пехоты. В 1943 году он стоял на южном побережье Финского залива, на знаменитом Лебяженском пятачке. На крайней границе Ораниенбаумской республики — так по-домашнему, но и почитительно, с тонкой иронией, однако и с высоким уважением — называли тогда фронтовики крошечный, 60 километров на 20, клочок скудной болотистой земли, за два года войны не покорившийся фашистам.

Место было особенное, и война в этих местах — особенная. Где-то там, на юге и севере, проходили чудовищной силы военные циклоны и антициклоны. Миллионы людей, подхваченные ими, то наступали, проходя сотни километров, то отступали на такое же расстояние. Тысячи танков устремлялись в прорывы. Армии захватывали в плен десятки тысяч фашистских солдат, а случалось, теряли в боях немало и своих бойцов. Все там грохотало, перекручивалось вихрями, взрывалось, обрушивалось, как водопад в реке, падая с высот в непомерные бездны...

У нас же вот уже почти двадцать четыре месяца все было неподвижно, точно прихваченный холодом бетон. Война тут — пожалуй, в единственном пункте восточного фронта гитлеровцев — с сентября сорок первого года стала позиционной, как в дни первой мировой.

Все те же части стояли друг против друга и с нашей стороны и с фашистской. Все те же командиры, поднимаясь утром мыться под сосны, где были повешены рукомойники и где в легкой песчаной земле вода за такой срок прибила уже мыльные ручки неизменного течения, видели на юге, поправее — лесистую Дедову гору, полее — голую и страшную гору Колокольню; на обеих сидели гитлеровцы.

Все там же, где их устроили два года назад, были расположены склады и камбузы, дотики и двоты... Когда-то их наспех, в великом волнении и тревоге открыли ленинградцы, торопливо замаскировывали саперы и моряки. А теперь над накатом выросли из сыпучего песка карликовые березы; зеленой шубой покрыл их хвощ; кое-где прямо-на засыпке залиловели и покачивались на ветру мелкие нежные колокольчики и песчаная гвоздичка. Диантус арэнариус. Тонюсенькие, точно острыми ножи-

Лев Успенский

СТРИЖ

цами нарезанные, микроленточки ее белых лепестков нервно вздрагивали, если слишком близко разрывалась мина или падал тяжелый снаряд, но успокаивались через минуту — дело привычное! Малиновки и славки в этих случаях переставали петь тоже на самый короткий срок, пока сыплется сверху песок, ползут клочки торфяного мха да сосновые иглы...

О людях же и говорить нечего. Привыкли. Обросли бытом. Воевали, но неподвижно. «Несусь я, точно так, — ядовито цитировал Козьму Пруткову начштаба батальона Зиф, самый образованный из говорливых мужчин батальона, — но двигаюсь вперед. А ты — несешься сидя!» Вот и мы воевали сидя. Честно, мужественно, но... Но — сидя!

Как во всякой воинской части на фронте, у нас, несмотря на это сидение (а отчасти и благодаря ему), за такой срок появились свои приметные люди. Разные, всякого покроя знаменитости. Прославился, скажем, этот самый

Зиф, человек с фамилией, похожей на сокращение, — тем, что оказался начальником штаба батальона, хотя был офицером административной службы и носил серебряные шевроны. Это было редким случаем, но начштаба из него вышел превосходный, хоть шевроны меняя!

Все знали и капитана Котова, уверявшего, что он «не любит, чтобы на войне было скучно, любит, чтобы было весело». Исходя из такой своей платформы, он удумал штуку: стал подбирать неразорвавшиеся немецкие снаряды, извлекать из них взрывчатку (ее скоро накопилось много), соорудил из артиллерийской гильзы небольшую mortarку и однажды открыл из этой mortarки ураганный огонь по вражеским дотам, стреляя консервными банками, начиненными невесть чем. Банки летели с непередаваемым дребезжащим визгом и воем; «невесть что» при разрыве разлеталось на приличное расстояние... После первого же обстрела гитлеровцы пришли в такую ярость, что вся их

ВТОРОГО БАТАЛЬОНА

артиллерия добрых сорок минут была всеми калибрами по песчаному холму в болотце, где установил свою mortarу Котов...

Котовскую потеху начальство скоро запретило: он добывал напояние для своих снарядов в выгребных ямах и тому подобных местах, и нашим подумалось, что враги, сделав анализ содержимого, могут еще обвинить нас в ведении бактериологической войны. Котов торжественно перенес mortarу в старый сарай в лесу, надписав на его двери: «Музей моего презрения», а в батальоне долгие месяцы радовались позору гитлеровцев. Да и у наших соседей тоже постоянно можно было слышать: «А, это тот Котов, который...» У Котова, превосходного вояки, скоро образовался длинный перечень куда более серьезных заслуг... Но если бы вы знали, как любит русский, советский солдат и матрос помяться в пекле боя!..

Был у нас снайпер Бышко,

Рисунки Г. ФИЛИППОВСКОГО

славный тем, что, имея рост 193 сантиметра и довоенный вес 108 кило, получал — по особому приказу — двойной паек... По тем временам такая личность представлялась на самом деле легендарной. Техник-интендант Вася Мамонов точил горячие слезы, выдавая на Бышка положенные ему двести граммов спиртного вместо законных ста... Технику-интенданту семнадцати сантиметров до законного рубежа не хватало! Но были у нас, конечно, и не забавные, а истинные герои. А среди героев — настоящих героев, ничуть не менее отважных и самоотверженных, чем на любом другом участке фронта, от Баренцева моря до Новороссийска, — чаще всего мы летом того года поминали троих. О них-то я и собираюсь повести сейчас разговор.

Нечего спорить: на первом месте в этом ряду стояла самую судьбой определенная пара: старшина Михайлов Василий Михайлович и санитарка Шелестова Катя.

Старшина был человеком могучего телосложения (до двойного пайка он недобрал «спичечного коробка» — ровно пяти сантиметров, но в плечах был, пожалуй, ничуть не «щавее» Бышка). Лицо его было нельзя сказать, чтобы хмурым, но каким-то чрезвычайно спокойным и серьезным, всегда сосредоточенным на никому не открываемых мыслях, на внутренней заботе своей. Редко кто видел Василия Михайлова улыбающимся, да, пожалуй, оно и лучше было: при его строгом римском профиле, при холодноватом свете серых глаз, при такой фигуре, какой мог бы позавидовать любой чемпион по легкой атлетике, при железных мускулах и необыкновенной силе, при двух Красных Звездочках на борту бушлата — кто мог бы поручиться за чувства и поведение наших, довольно многочисленных, девушек-краснофлотов, если бы старшина ко всему еще и улыбался! А так они только робко козыряли ему, встречаясь на узких прифронтовых тропках; козыряли и слегка краснели, понимая, что старшина, вежливо им отвечая, почти не замечает их... Но, надо сказать, все они были уверены, что одну из них он все-таки замечал — маленькую, очень тихую, совсем похожую на девочку-школьницу, вопреки морской форме, Катюшу Шелестову.

Старшина Михайлов был разведчик и притом разведчик не обычного класса. Его делом было следить там, по ту сторону фронта, за эффектом действия огня наших фортов, в первую очередь — Красной Горки. Для этого он летом, и зимой, и в осеннее разведье, когда было нужно, переходил фронт — иногда один, иногда ведя нескольких товарищей — и потом живал в тылу у врага, случалось, неделями. Он наблюдал в непосредственной близости падение советских двенадцатидюймовых снарядов.

Переход фронта — дело не простое, но все единогласно говорили, что Василий Михайлович прорывается на ту сторону так же просто, как большой тяжелый шмель сквозь тонкую паутину. А еще чаще он проходил сквозь эту паутину словно порыв ветра, не затронув ни единой ее нити. Вот только что говорил с комбатом Смирновым тут, в блиндаже, а три часа спустя уже радисты принимают от него шифрованную радиограмму откуда-то из-за Дедовой горы или от самого Копорья. И радисты знали, но жи-

когда не рисковали посмеяться тому, что почти всегда, если не было особой горячки, в этих своих сообщениях Вася Михайлов, помимо прочего, передавал частное поручение — привет Катюше Шелестовой.

Я не буду заниматься тут психоанализом, не буду разбирать всякие там возможности (это много месяцев подряд делали девушки и женщины нашего батальона). Я скажу только, что между этими двумя лицами в те дни существовала всеми признанная и всеми уважаемая, для многих завидная, многим не совсем понятная дружба. И скажу я еще, что корень дружбы этой был в том, что разведчик Михайлов и санитарка Шелестова до войны жили не просто в Ленинграде, а в самом удивительном, лучшем из лучших месте, не сравнимом ни с какими другими местами этого города и всего земного шара: на Выборгской набережной реки Большой Невки, в доме номер сорок три дробь два, на углу Флюгова переулка... Вот как!

Живучи там, они, может быть, и виделись многократно, но совершенно не знали друг друга. Да и что общего могло быть между тридцатилетним (или около того) степенным дизелистом с завода имени Карла Маркса, лет пять назад отслужившим флотскую службу на Подплаве, между взрослым человеком, кормившим большую семью сестры, и девчуркой, только-только к сороковому году кончившей школу

и поступившей ученицей на «Светлану»? Однако оба они родились и выросли именно в этом привлекательном пункте нашей земли; вот только встретились не там, а возле деревень Вяреполь и Усть-Рудица, «посреди войны», на южном берегу залива...

Кто бывал на фронте, знает, как соединяет там людей такой неожиданный случай: один общий дом! Не город — дом, да еще какой! Да еще в самом удивительном месте мира, на углу Флюгова и набережной! Разве есть где-нибудь на земле другой такой неописуемый угол? Разве горят где-нибудь над рекой такие закаты, как тут, над потемневшей к вечеру стрелкой Каменного острова? Разве уходит еще где-либо за спиной, вправо и влево, к Лесному и к клинике Вилье старый Сампсониевский, ныне Карла Маркса, проспект? Нет! Нигде так не звенят трамваи вдали. Нигде над кирпичной башней текстильной фабрики не поднимаются увлекаемые током воздуха в чистое, голубое небо такие белые пушинки прядильных оческов; нигде так не поют по вечерам девчата, уходя со смены с «Красной зарей», не звучит баян где-то у Старой Деревни, не бегут по радужному, как мыльный пузырь, лону закатной реки — сразу двух рек! — спортивные гички и распашные...

Конечно, другие, удивясь, говорили: «Ну знаете. И у нас в Саратове...» или «Э, нет! Вот у нас на Ланжероне...» Но Васи-

лий Михайлов и Катя Шелестова понимали: это все тоже, конечно, неплохо, но разве можно сравнить! Флюгов переулок! Скажешь, и сердце обольется теплом...

Старшина был классный разведчик, но и Катя к тому времени, как они натолкнулись друг на друга, была уже не простой девушкой. Еще в первых горячих боях до стабилизации фронта, работая на самой передовой, она на себе — маленькая, восемнадцатилетняя, тихая — вынесла изпод огня шестерых тяжелых, огромных, мускулистых и беспомощных, как малые дети, краснофлотцев... Ее одну из первых комфлота Трибуц самолично наградил Красной Звездой. А теперь, когда таких случаев на долю наших санитарок больше не выпадало, она уже почти выучилась на фельдшера, и многие из бойцов, видя ее, говорили: «Ну, Катенька, если меня — тьфу, тьфу — цапапнет, ползком приползу, только бы к тебе...»

Вот такими были эти две наши примечательные личности, совсем разные. А потом прикрепилась к ним и еще одна «личность» — вовсе уж неожиданная.

В старшине было восемьдесят килограммов веса, в Кате Шелестовой — пятидесяти пяти полных не набиралось, а эта «личность» весила всего двадцать семь граммов на Катиных медицинских весах. Тем не менее она тоже была личностью примечательной и широко известной даже за преде-

лами нашего подразделения, именно как третий член тройцы, как ее самая странная ипостась. Ничего особенного: в соседней бригаде имелся при штабе найденный разведчиками медвежонок; комендантская команда за речкой Коваши воспитывала зайца, носом зацепившего проволочку, настороженную от немецкой мины, и оглушенного взрывом до полной дурости; а вот в нашем батальоне, ко всеобщей зависти, прижился стриж. Да, стриж, птица. Он и был этой третьей личностью.

* * *

Отстоял отличный весенний день, наступил тихий теплый вечер. Сзади, в стороне моря, тлела апельсинового цвета заря. Пахло еще клейкими березовыми листьями. В кустах вдоль речки — с десяток соловьев... Даже немцы не стреляли, и в свежем вечернем воздухе начали, как конькобежцы-фигуристы, показывать чудеса только что прилетевшие стрижи... Так было до девятнадцати ноль семь. А потом выше стрижей — много выше! — появился «хейншель», разведчик... Он неспешно полз по небу и ныл. И наши зенитчики начали, пока подлетят ястребки, лениво гонять его... В конце концов два или три разрыва хлопками нависли над левым крылом «хейншеля», он покачнулся и ушел...

В это самое время старшина шел из штаба в блиндаж к своим разведчикам по дорожке. Взвизгнуло несколько осколков, и вдруг на дорожную пыль метрах в десяти от него, Михайлова, упало что-то черненькое. И запрыгало по земле...

Старшина подошел, наклонился, закачал головой... «Эх ты, летчик, летчик! — с огорченной укоризной проговорил он. — Вот и долетался! Подбили тебя... Пропало твое дело, пилот!»

На его большой ладони, смотря прямо ему в лицо круглыми черными бусинками, тяжело дыша, лежала раненая птица. Правое крылышко ее висело. Капелька красного виднелась на коричневатых перьях. Тончайшая косточка была повреждена крошечным, в несколько миллиграммов, но все же убийственным осколком.

Подошел начштаба Зиф, который знает обо всем и все. «Это стриж! — авторитетно сказал он. — Ципселюс апус... Скажи пожалуйста, в первый раз вижу: перебито крыло. Пропало дело...»

Дело, несомненно, и впрямь пропало бы, но в эту самую минуту от речки с тазом прополосканных марлевых бинтов на дорогу поднялась санитарка Шелестова. И тотчас все переменилось.

Стриж теперь лежал на ее маленькой теплой ладошке: как-то уютнее, спокойнее он лежал, чем у старшины. Катя дышала на его головку. Катины губы дрожали. «Беденький ты мой, маленький! Птичка ты моя милая! — бормотала она над ним. — Не бойся, маленький: все будет хорошо! Вылечим твое крыло, глупый! Опять полетишь, вот увидишь...»

...Не всегда лучше, когда человек очень много знает. Катя Шелестова посмотрела не на Зифа, а на старшину, и тотчас чуть заметная улыбка тронула его губы; правда, кроме Кати, ее вряд ли кто видел, а Кате, по-видимому, она была не в такую уж диковинку: «Лубок надо. Совсем легонький, и вот такой...» — «А думаешь, срастется?» — спросил, шевельнув бровями, старшина Михайлов.

Начштаба Зиф начал портить дело. Если послушать его, можно было подумать, что он сам до войны работал стрижом, — так он детально знал про них все. По его словам, такого стрижа ни приручить, ни прокормить нельзя. Стрижиные — ципселиды! — самые низкоорганизованные птицы, ближе всего стоящие к ящерицам. Они питаются исключительно живыми насекомыми, которых ловят на лету. Этот раненый стриж, конечно, никакой пищи принимать не будет, и...

Катя Шелестова сердилась и повышала голос еще куда реже, чем старшина улыбался, но тут

она прямо закричала на лейтенанта административной службы. «Замолчите! Слышать не хочу... Вас-то никто не просит его кормить. Миленькая ты моя птичка!.. Вася! Сделай лубочек... Ящерица!»

Старшина-балтиец, если дойдет до того, может сделать все, даже протез крыла какому-нибудь херувиму, если еще херувимы не все вымерли. Лубок был сделан из кусочка самого легкого дерева — бальзы и такой, что пришелся на стрижиному косточку тютя в тютю, с точностью до 0,001 миллиметра. А вот накладывать его на поврежденный сустав пришлось уже хирургу Шнирману.

Нельзя сказать, чтобы Шнирман принял это задание с восторгом: «Только этого мне не хватало, прелестное вы создание, Катенька, всяких козодоев перевязывать! — ворчал он. — Вы мне скоро лягушку принесете или змею заставите хвост надставлять!»

Но воркотня была для проформы: «Как-никак любопытное зада-

ние: весь-то лубок — сантиметр и семь десятых!»

Какой-нибудь час спустя стриж, перевязанный по правилам науки, был посажен на железную заслонку в индивидуальном блиндажке старшины Михайлова, на заслонку высоко под потолок, в трубе «буржуйки», и эта заслонка стала на долгие месяцы его неотчуждаемым трибежищем...

К утру следующего дня начштаба Зиф был посрамлен вторично: стриж не только ел мух из рук своей спасительницы, но истреблял их такое множество, что Катя пришлось бы очень туго, если бы в дело не вмешался Костя Климов, приемный батальона, десятилетка, привыкший во все совать свой нос. Через каждые три минуты Костя появлялся возле Кати, выгучив свои светлоголубые шальные глаза: «Кат-тя! Ты погляди, какую я М-м-марью Петровну поймал!» — чуть приоткрывал он сжатую в кулак ладошку, в которой тонко и отчаянно жужжала эта «Марья Петровна». И Катя пинцетом сажала муху в баночку, а потом пинцетом, за одно крыло, подносила к Стрижику, и Стрижик весь трепыхался, стараясь, как птенец, просительно трепетать крыльями, и хватал муху, и жадно глотал...

Сказки сказываются медленнее, чем делаются дела, особенно на фронте. Не прошло и двух недель, как Стрижка начал перепархивать по землянке, потом — вылетать наружу и отдыхать на старом проволочном заграждении против ее входа. Наконец он полетел по-настоящему. И тотчас же выяснилось, что у стрижей есть психология, да еще какая: куда там ящерицы!

Лейтенант Зиф предрекал, что как только Ципселюс апус почувствует себя в силах — только его и видели: стрижей над штабными землянками носилось множество. Катя Шелестова в тихой гордыне своей полагала, что стриж не может улететь так сразу от нее: все-таки она ему стала вроде как приемной стрижей. А Стрижка, во-первых, и вовсе не думал улетать, и, во-вторых, совсем не от Кати, а от старшины Михайлова! Именно старшину, первым его поднявшего, он раз навсегда возвел в сан своего спасителя и теперь желал быть с ним неразлучным.

Утром он обычно с первыми лучами солнца вылетал из старшинской землянки и носился не плоше других своих собратьев над соснами и полянами прифрон-

тового леса. Но стоило только старшине в полосатой тельняшке, жмурясь от света, выбраться за дверь, птица откуда ни возьмись с радостным визгом пикировала прямо к нему. И начиналась игра: старшина шел по тропке на камбуз или на Сухой холм посмотреть сверху на метеорологию оком разведчика, а стриж носился в голубой бездне над ним. И как только его коварному другу приходило на ум вдрызг шарахнуть в куст или, как умеют только настоящие разведчики, кинуться в старую воронку и замереть там, со Стрижом начиналась «комедия, как в Шапито на Фонтанах», по словам одессита Шкляренки. Стриж приходил в великое волнение. Он метался, делал виртуозные горки, закладывал вертикальные виражи над самой травой и до тех пор не успокаивался пока не обнаруживал своего царя и бога. Восторженно вереща, он подлетал тогда к нему «по горизонтали», свечой уходил ввысь, кидался камнем оттуда на притаившегося и продолжал эту игру до того момента, пока старшина не признавал себя побежденным и не вставал во весь рост, протянув приятелю в виде наеста не палец (на крепком пальце его стрижиные лапки не держались), а специально обструганную белую палочку. Он носил ее теперь при себе в противогазе.

Удивительно это было: если старшине приходилось отправиться в тыл, в штаб или, что случалось примерно раз в месяц, «туда», в очередной поход, стриж принимал его отлучку как печальный, но неотменимый факт. Он, правда, несколько тускнел: не носился так весело в пространстве; боже сохрани — ни с кем не заводил игры «спрячься — найду», но довольно часто подлетал тогда к Катюше, посещал иной раз доктора Шнирмана на его крыльчке, утомившись кое-каким осторожным вниманием Костьку Климова... Пожалуй, только к серебряным шевронам лейтенанта Зифа он выказывал крайне огорчившее того пренебрежение. Но все это до прибытия старшины. Старшина являлся, и все начиналось снова... Стрижик забывал всех.

Нельзя сказать, чтоб это так уж совсем не задевало Катю Шелестову; немного задевало: в каждом из нас сидит ребенок! Но ее успокаивало существенное обстоятельство: ведь Стрижик любил Васю Михайлова, а никого другого. Будь она сама стрижом...

Жуже огорчала ее иная способность Стрижика. Ципселюс апус — вольная птица!.. Между нами и гитлеровцами прямо лежало двухкилометровое, зловещее на вид торфяное Бабе болото. Бабе, наверно, потому, что на нем искони веков местные крестьянки собирали клюкву. По эту сторону — мы и лес, по ту — холмы Копорского нагорья и они — фашисты. Так вот, Стрижик не признавал никаких рубежей, ни ничьей, мертвой земли, ни линии фронта... С Сухого холма острый глаз мог постоянно видеть: носится эта серпообразная летучая тварь над нами, а вот она — среди других таких же — уже над болотом; фью! — и замелькала все они со своим стрижиным верещанием туда, к врагам: какая им разница? Катя не любила смотреть на это: она даже на тени от облаков сердилась: идут, ничего не замечая, от нас к ним, от них к нам... Точно там и тут одно и то же...

Так все шло, шло и, наконец, кончилось тем, от чего на фронте не отгородиться: несчастьем.

Седьмого числа старшина Михайлов повел за линию фронта очередную разведгруппу, и главное, не свою, армейскую: проводником пошел. А в ночь на девятое все четверо из состава этой группы вынырнули далеко на левом фланге из болота. Двое были ранены, один — тяжело. А старшина не вернулся. На том краю болота наших, при возвращении, перехватил вражеский дозор. Началась перестрелка, и Василий Михайлович приказал всем отходить по азимуту 303 под его прикрытием. Они, путаясь в кочкарнике, по которому он провел их туда, как по парку, кое-как отошли. А он не вернулся.

Тяжко бывает воинской части, когда вот так пропадает в ней без вести человек. Товарищ Да еще такой товарищ, такой общий любимец и герой, каким был у нас Василий Михайлович...

Двое суток все, точно под непонятно низким потолком, внагибок ходили: давила одна общая мысль... «Эх, Вася, Вася! Где ты?»

Разведгруппа наскочила на врага на самой опушке болота. Если бы Михайлов остался невредимым, он, прикрыв отступление товарищей, вышел бы через эту омшару скорее и раньше, чем они. Значит, либо его отрезали от дороги домой и он выживает (но это правдоподобно только на сутки, до следующей ночи), либо его

ранило, и он задержался где-то в глубине торфяника. А тогда вопросы становятся злыми: ранило?.. А как? Задержался, отлеживается?.. А где?

Девятого мы еще с надеждой смотрели друг другу в глаза. Де-

сятого начали отворачиваться: сроки истекали. В ночь на одиннадцатое, пожалуй, надежд у нас, если честно говорить, уже не осталось. Коли на то пошло, мы только считали необходимым с грехом пополам поддерживать

их в разговорах, «чтобы Шелестова чего не подумала».

На Катю Шелестову нам смотреть было с первых мгновений несчастья невыносимо. Нет, она не билась в истерике, не рыдала, не ломала рук. Она окамене-

ла. Окаменела на одной страстной мысли: «Он жив!»

Бледная, как та марля, которую она каждый день простирывала в речке, она только смотрела на нас огромными гневными глазами, и под этим взглядом каждый, от комбата Смирнова до простого краснофлотца, начинал чувствовать себя последним негодяем: мы же ничего не делали, чтобы выручить старшину!

Нет, это, конечно, не точно: не делали! Комбат приказал перенести возможно ближе к передовой самый сильный из громкоговорителей, имевшихся в нашем распоряжении. По ночам он работал на полную громкость: Василий Михайлов, если он был жив, если он полз между торфяными кочками, в кустах багульника и голубики по проклятому Бабьему болоту, должен был слышать его голос и ориентироваться по нему.

Дважды или трижды разведчики производили короткие поиски в злосчастной омшаре, но, конечно, возвращались ни с чем: полтора километра в ширину, три с лишним — в длину; темная, густейшая заросль; на каждом шагу — мочлявины с железистой, остропахучей водой... Где искать неподвижное тело в этом первоизданном хаосе?

Во вторник комбат сговорился со штабом района: из тыла прилетела трепыхалка По-2, раза три или четыре перекрестила болото на бреющем... Враги, заподозрив что-то, начали бить по трясине; летчик улетел, ничего не обнаружив.

Но всего этого было недостаточно Кате. Тысячу раз на дню она поднималась на Сухой холм, садилась там на старый белый валун и смотрела туда, в рыжее пространство болота; смотрела, смотрела... И когда ее маленькая фигурка попадала нам на глаза, самые толстокожие из нас то хватались за голову, то били кулаком по чему попало, то закусывали губы, точно острая боль вдруг не давала дохнуть. «А! Еще эта Шелестова тут! И без нее тошно!»

А одиннадцатого утром случилось.

Комбат Смирнов только что позавтракал, когда к нему в штабной блиндаж, едва доложившись, ворвалась санитарка Шелестова. Вот теперь на ней и впрямь лица не было. Теперь она вся тряслась, плакала, задыхалась, не могла ничего объяснить толком.

— Товарищ комбат! Товарищ комбат! Скорее, скорее! Он там!

Я знаю где: под тремя елушками, середь самого болота. Он живой, ему помочь надо!

Комбат, насупясь, встал, однако, из-за стола.

— Да откуда ты взяла, Шелестова?

— А туда... А туда... Туда Стрижик пикирует! О-о-ой!

Дело в том, что предшествующие дни Катюша Шелестова если отчасти и огорчалась тем, что, как ей казалось, никто в батальоне ничего не делал для спасения товарища, то искренний ее гнев вызывал только этот незначительный персонаж, Стрижик. Стрижик считал отсутствие старшины вполне естественным... Не впервые! И то, что у него не появилось никакого смутного чувства тревоги, что птичий инстинкт, о котором столько говорится и пишется, не подсказал ему опасения, почудилось Кате сначала успокоительным, а потом гадким. Признаком полного равнодушия, какой-то изменой... Где логика? — спросите вы. А откуда быть логике, когда лицом к лицу встречаются война и любящее женское сердце?

Стриж все эти дни вел себя самым беспечным образом: носился вокруг батальонных построек, ловил мошек, преспокойно улетал на десятки минут то за Ломоносово, в наш глубокий тыл, то за фронт, к врагам... Все три ночи он, как всегда, ночевал на своей печной заслонке в старшинской землянке. И вдруг сегодня с утра с ним произошло неожиданное.

Первым это заметил мальчик Костька... По утрам, пока насекомых еще мало, стриж ежедневно появлялся над Костькой, и Костька кормил его заранее заготовленной живностью из рук, очень дорожа этой честью. Стоило парнишке закричать пронзительным дискантом: «Стрижка, Стрижка!» — он налетал на кормильца сразу со всех сторон, за ночь ему подвонило брюшко. А сегодня не получилось!

Стриж, правда, принесся к Косте, но, сделав над ним круга два-три, с визгом помчался к болоту... Вернулся и унесся опять... И теперь — «Кать, ты слышишь, Кать!» — он никак не летит домой. Он неустанно кружится над омшарой и все время пикирует там в одно и то же место!.. «Вот поди глянь сама!..»

Катюшу не надо было приглашать. Как только она и далеко отставший Костя оказались наверху у валуна, быстрая птичка с пронзительным верещанием промельк-

нула над ними... Раз, два, круг, другой, как серпом режет, как серпом... И вот он уже несется вдаль... Вот он над зелено-рыжим печальным пятном болота...

Там — не на самой середине омшары, а несколько правее ее центра и чуть ближе к врагам, нежели к нам, — был еле заметный бугорок, на котором росли, кое-как впившись в зыбкую почву, три едушки чуть повыше, чем окружающий хилый сосняк... Были там еще и мелкие березы, но эти три елки поднимались над ними, мотая по ветру крестообразными маковками. Сегодня, в яркий солнечный день, они были видны очень хорошо — отовсюду видны; от немцев, с юга, лучше, чем от нас, против солнца... И так же хорошо Катини преданные глаза увидели над ними стрижа. Крошечная черточка, еле заметная быстролетная точка то взлетала высоко над этими елками, то стремглав падала вниз до самой земли, точно так, как недавно, когда старшина прятался от своего крылатого вырощенника и выхоженника вон там, между батальонными блиндажами, в старору, поросшей бурьяном канаве... «Товарищ комбат! Он там! Он живой! Скорее, скорее!»

Вообразите себя на месте комбата Смирнова. Война — дело такое, не шуточное... Без вести пропал человек, разведчик! Если он там, в болоте, насквозь протреливаемом с обеих сторон, — надо посылать туда, к самому немецкому переднему краю, других людей, таких же, как он... Бывало; попавшие в трудное положение бойцы давали о себе знать. Ракетой, дымовой шашкой, поразному, но как на войне полагается. А тут — стриж?.. Чепуха какая! Бабы выдумки! А вместе с тем...

— Зиф, дай-ка мне твой цейсовский, я свой в чистку отдал... Пойдем посмотрим, а? — неуверенно сказал комбат. — Веди, Шелестова, откуда это видно... Ну, юни разводить не будем: война... Шелестова, война!

Старший лейтенант административной службы Зиф давно перестал высказывать научные точки зрения на пернатых — черт их ведает; в книгах про такое не пишут! С биноклем они трое поднялись на Сухой холм.

— А что ты скажешь, начштаба? — проговорил Смирнов после долгого и внимательного наблюдения за районом трех елок. — Ничего там, конечно, не видно, но...

Такая гушара, и место более или менее сухое... Если разведчику надо отлежаться... Как раз!.. Никому пока ни слова... Слышишь, Шелестова? Днем туда, конечно, соваться нельзя... Да и здесь, на Сухом, чтобы народ не болтался: оттуда тоже можно увидеть! А ночью... Ну, ты свободна, Шелестова! Пойдем-ка, Зиф, потолкуем с комиссаром...

Комбат полагал, что до вечера тайна останется тайной: несерьезно как-то, птицы всякие, стрижи... Лучше без разговорчиков на эту тему! Но он недоучел (а вернее, не заметил), что за спинами у них, вытарашив глаза, слушал все разговоры Костька Климов. Час спустя пришлось уже в приказном порядке запретить бойцам лезть на холм, какие бы ни были тому предлоги. Два часа спустя к комбату явился первым Николай Бышко, снайпер.

— Товарищ командир батальона! — подпирая накат теменем, загудел он. — С моей стороны... Если будете добровольцев вызывать... У меня там на просечке точка была. Я это место с завязанными глазами найду...

— Не могла выдержать! — вспылал Смирнов. — Раззвонила на весь фронт дура девка...

Но дура девка была тут решительно ни при чем. Весь батальон обегал дурак парень Костька, и теперь все прямые подчиненные Михайлова, его выученики-разведчики, стучались в командирскую дверь: «Разрешите доложить, товарищ командир батальона...» Два Петрова, Джапаридзе, эстонец Куус...

А дура девка совершенно преобразилась. Ее милое лицо горело от возбуждения, она то обливалась слезами, то кидалась обнимать первую попавшуюся из девчушек... Еще бы! К вечеру в медпункте Шнирман приказал ей поставить и держать наготове две — две! — койки. В сумерках вся разведка была вызвана к командиру. И как только стемнело, один из Петровых и лучший снайпер батальона Бышко без шума вышли из штабного блиндажика и исчезли во мраке на скате к Бабьему болоту.

Их провожали Смирнов и Зиф. «Ну, смотрите, ребята!» — вполголоса проговорил вдогонку комбат... Но смотреть было не на что: к ночи собрались тучи, тьма крошечная, только-только разведчиком витамин «Цэ» для ясновидения жевать. Говорят, по-мощает...

Я не берусь описывать часы ожидания: не то нужно перо. Ни комбат, ни Зиф не спали в штабе. Доктор Шнирман каждые три минуты выходил на свое крыльцо, опускался на скамеечку в густых кустах и курил в кулак: на крыльце — нельзя; говорят, огонек от папиросы в бинокль виден на пять километров!

Катя Шелестова, теперь уже не скрываясь, ломала руки, а слезы ожидания то и дело высыхали у нее на горячих щеках, как на электроплитке. К Кате потихоньку пришли две девочки из девичьего кубрика: «С ума ж ей сойти одной-то!» Единственный, кто спал безмятежно, это Стрижик на своей буржуйной трубе. Он ни в чем не сомневался. Он свое дело сделал...

Для пушей нервотрепки, как всегда, случилось за эти часы много неожиданного. Во-первых, около двадцати двух гитлеровцы начали постреливать за болотом; не сразу разобрали, что это не против нас, а у Костовича, куда левее. В двадцать три тридцать вернулся ни с чем Петров; как-то они с Бышко потеряли друг друга, и он промазал: не нашел тех елушек... И у него создалось впечатление, что фашисты, в свою очередь, направили сегодня в болото поиск... А может, так только, примерещилось... Тревожно!

Около часа кому-то из ожидавших на улице послышался там, в том направлении, славный крик... Оторопь охватила всех, и хорошо, что крик повторился: видимо, сова придавила где-то в болоте зайчонка: знаете, как зайцы в беде человеческим, детским голосом кричат?..

И вот, наконец, уже около двух ночи постовой на внешнем посту возле полуразрушенного моста, на дороге, которая уже два года вела в ничто, услышал со стороны трясины тяжелое дыхание. Хрип, шелест...

Несколько секунд он раздумывал, потом негромко крикнул:

— Приставь ногу!

— Вань, ты? — спросил натужный голос из темноты.

— Я это, Бышко... Ну, еле донес... Я его тут положу; оповести разводящего...

На том посту был телефон. Часовой позвонил в штаб, и тотчас в ночи замелькали осторожно включаемые и тотчас же гасимые фонарики с батарейками; по траве и песку побежали бледные круги света, послышались голоса.

Нужно ли говорить, кто первым оказался у места, где на пышной приречной траве, с подложным под голову бушлатом Бышко лежал слабый, как младенец, старшина. Форменка на нем была разорвана: Бышко умело, но по-мужски перевязал двойную рану — входное отверстие ниже ключицы, выходное против левой лопатки, но надеть форменку в рукав уже не смог.

Носилки поставили рядом. Нет, Катя не сказала ни слова, не закричала, даже не вздохнула громче, чем до того. Но как только ее маленькие руки коснулись руки беспмятного старшины, он тотчас пошевелился... Странная слабая улыбка тронула его освещенные скупым светом фонарика синие губы.

— Никак вы, Катерина Алексеевна? — шепотом спросил он. — Ну добро. Видать... еще погуляем мы с вами по Флюгову! А я уж... и не мечтал!

И тут-то вот Катя Шелестова, наконец, разревелась, как в мирное время, — громко, бурно, пусть хоть немцы услышат...

Слава нашего стрижа облетела обе бригады морской пехоты. Кто бы ни прибывал в батальон Смирнова, обычно прежде всего спрашивал: «А этот ваш знаменитый Филин (или «ваш Ястреб») жив еще?»

«Филин» превосходно себя чувствовал в течение всего лета. Он довольно спокойно перенес длительную разлуку со старшиной, пока тот с месяц лежал в Лебяжьем в госпитале. Как только Василий Михайлов, еще бледный и чуточку «поправившийся», как говорят теперь, а по-настоящему не изживший больничной одутловатости, появился снова на маленькой лужайке между штабными землянками и домишками, стриж, радостно верезжа, закружился над ним. И старшина покорно лег в канаву, и все смотрели, как птица металась вокруг, пока не обнаружила своего друга... Теперь уже нельзя было односторонне назвать старшину спасителем стрижа: стриж сполна вернул свой долг...

Все стояли и смотрели, как птица — опять! — пикирует на лежащего. Смотрела, сжав перед грудью руки в маленькие кулаки, и Катя Шелестова. А я стоял поодаль и думал... Я думал, что хотелось бы мне сейчас до конца понять, что делается у них теперь в головах, у всех троих; что они вспоминают — девушка, старшина и птица... О чем они думают?

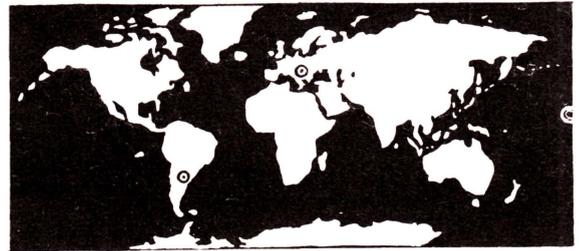
ПРИКЛЮЧЕНИЯ

Даниэль Камю шевельнул рукой и подплыл к Шарлю Бонэ. Тот, похоже, что-то говорил, но разобрать было нельзя: голову плотно облегал шлем. Люди оставались некоторое время неподвижными, потом взялись за руки и описали круг. Все эти несложные операции происходили в воздухе при скорости падения 200 километров в час.

С земли за воздушным па-де-де внимательно наблюдает тренер Жак Дюбур. Нырнувшие в небо люди оставляют за собой ярко-красный след на фоне облаков: это из их башмаков, помечая путь, сыплется цветная пудра.

А путь сложный. Он начинается в кабине спортивного самолета, откуда прыгает парашютист. Но в первые секунды он еще не парашютист, ибо камнем падает вниз, навстречу земле, закручивающей в сумасшедшем хороводе лоскуты полей, меховые шкуры лесов и спичечные коробки домов. Хотя нет, сравнение с камнем здесь не подходит. Человек вполне уверенно чувствует себя в свободном полете, проделывает в воздухе всевозможные упражнения, кульбиты, штопоры. На такой скорости обыкновенные земные секунды становятся до необыкновенного емкими, вещая и прозу инструкций наставников и неизъяснимое наслаждение от парения в пустоте. А сама «пустота», оказывается, заполнена тугими складками воздуха, на которых человека подбрасывает, как на морской волне...

ГДЕ·КОГДА·ПОЧЕМУ·ГДЕ·КОГДА·ПОЧЕМУ

ГДЕ·КОГДА·ПОЧЕМУ·ГДЕ·КОГДА·ПОЧЕМУ

Школа французского тренера Жака Дюбура готовит парашютистов высокого класса. Пять лет назад его питомцы прыгали на Монблан и на Килиманджаро (об этом сообщалось в № 2 и 12 «Вокруг света» за 1982 год). Кстати, самолет вел над горными вершинами знаменитый «ледовый пилот», недавно погибший швейцарец Герман Гейгер. О нем мы тоже писали — в № 3 нашего журнала за этот год.

У парашютистов обширная программа тренировок и экспериментальных прыжков, сформулированная в трех девизах школы Жака Дюбура: «Безопасность, точность, наслаждение». Да, да, именно наслаждение от этого спорта, где «одна секунда парения в воздухе равна месяцу отпуска», как писал репортер журнала «Париматч» после прыжка в компании питомцев Жака Дюбура.

Люди в высоких болотных сапогах медленно пробирались через заросли камыша к чистой воде. Где-то там должна была сесть только что пролетевшая стая диких гусей. Но вот кто-то неосторожно ступил, хрустнула ветка, стая, шумно хлопая крыльями, поднялась в воздух. Выстрелов не последовало. Охотники, как громом пораженные, смотрели на пролетавших над их головами птиц. Гуси были голубые, зеленые, красные, розовые. В ярких

лучах весеннего солнца они поплыли радугой — точно ожила сказка о Жар-птице.

Но сказка сказывалась недолго. Дело было в общем просто. Сотрудники охраны природы решили вместо кольцевания попробовать красить птиц. Хвосты и крылья самых обыкновенных гусей окунали в раствор краски. Затем пернатых поместили в клетку. Остальные гуси сделали сами. По обыкновению они начали чистить перышки, разнося краску по всему телу.

Когда «разноцветные» возвратились в стаю, сородичи их встретили с нескрываемым любопытством. Они оказались в центре внимания. В скором времени старый вожак был смещен, и его место занял гусь нежно-голубой окраски.

Казалось бы, найдено остроумное решение для определения миграции гусей. Однако ученые вскоре убедились, что проблема далеко не решена. Яркие птицы стали прекрасной мишенью для пришедших в себя стрелков. Правда, орнитологи не теряют надежды на то, что им, быть может, еще удастся провести закон, запрещающий убивать цветных гусей.

РИСУНКИ ПО ОБЛАКУ НЕ СТРЕЛЯЙТЕ ЖАР-ПТИЦ!

ПЕРВОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ ТУТАНХАМОНА

Оставались последние дни: срок концессии на раскопки подходил к концу. Пока все старания были безрезультатны, и Картер уже готовился к отъезду, чтобы попытать счастья в другом месте.

Нетронутым оставался лишь небольшой участок земли. 4 ноября 1922 года, приехав на раскопки, Картер был поражен непривычной тишиной. Его ждали. Случилось едва ли не чудо: после стольких месяцев труда из-под слоя земли вдруг показалась ступенька лестницы. Затем другая. Никаких сомнений: это должна была быть усыпальница, не уступающая самым знаменитым некрополям фараонов. Об этом же говорило и выгравированное изображение шакала Анубуса над девятью вратами Египта.

Картер так вспоминает об открытии: — Трясушимися руками мы разобрали часть стены. Теплый воздух, вырвавшийся из отверстия, чуть не задул свечу, которую я держал в руках. Постепенно глаза привыкали к полумраку, и мы уже различали изображения животных, статуи, поблескивающее повсюду золото. Пожалуй, никогда еще в истории археологии подобная картина не вставала перед человеческим взором...

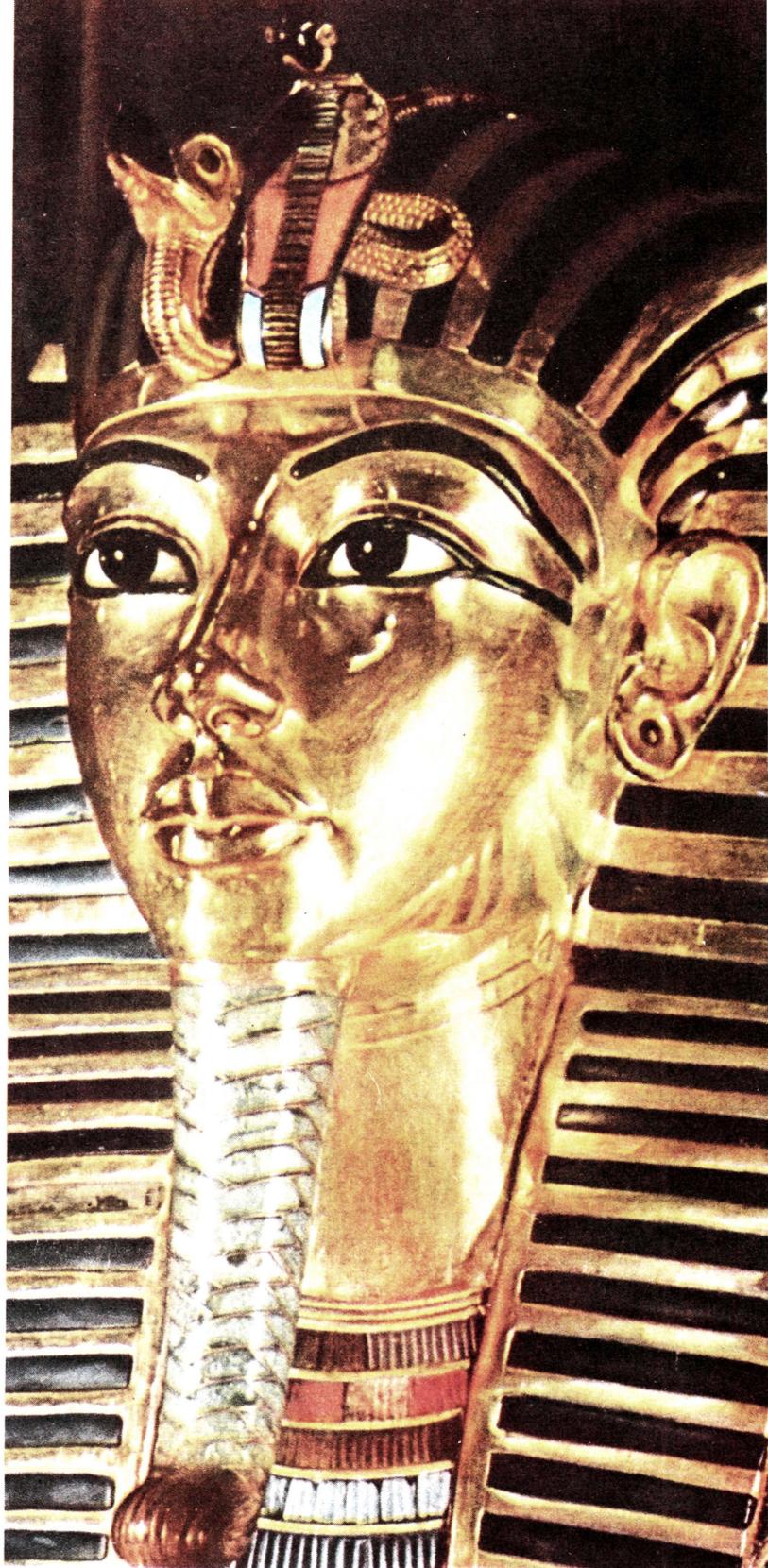
Всего в усыпальнице оказалось четыре комнаты, тесно заставленные статуями богов, охраняющих последнюю обитель фараона. В одной из комнат находились три вставленных один в другой саркофага, богато украшенных росписью. Последний саркофаг был из золота и весил 110 килограммов. Внутри него — плотно закутанная в ткани и украшенная драгоценностями мумия. Голова мумии закрыта искусно сделанной золотой маской.

Некрополь, обнаруженный в долине фараонов английским археологом Говардом Картером, принадлежал египетскому фараону Тутанхамону, одному из последних правителей XVIII династии, царствовавшей с 1580 по 1320 год до нашей эры.

Ничем особо примечательным не прославил себя Тутанхамон: ни громкими победами, ни высокими пирамидами, ни мудрыми реформами. Да и умер он, когда ему было всего девятнадцать лет. Как ни странно, он добился славы после смерти. Помните Нефертити? Образ вечной красоты и вечной любви. Разве мало этого для вечной славы? Так и Тутанхамон, вернее, его прекрасная маска стала символом вечной юности.

Десять лет упорного труда ушло на то, чтобы извлечь и реставрировать тысячи предметов, найденных в некрополе Тутанхамона. После реставрации они были выставлены в Каирском музее.

И вот недавно большая часть экспонатов впервые покинула пределы Египта, чтобы со-

вершить путешествие в Париж, где в Пти Пале открылась выставка, посвященная истории Египта.

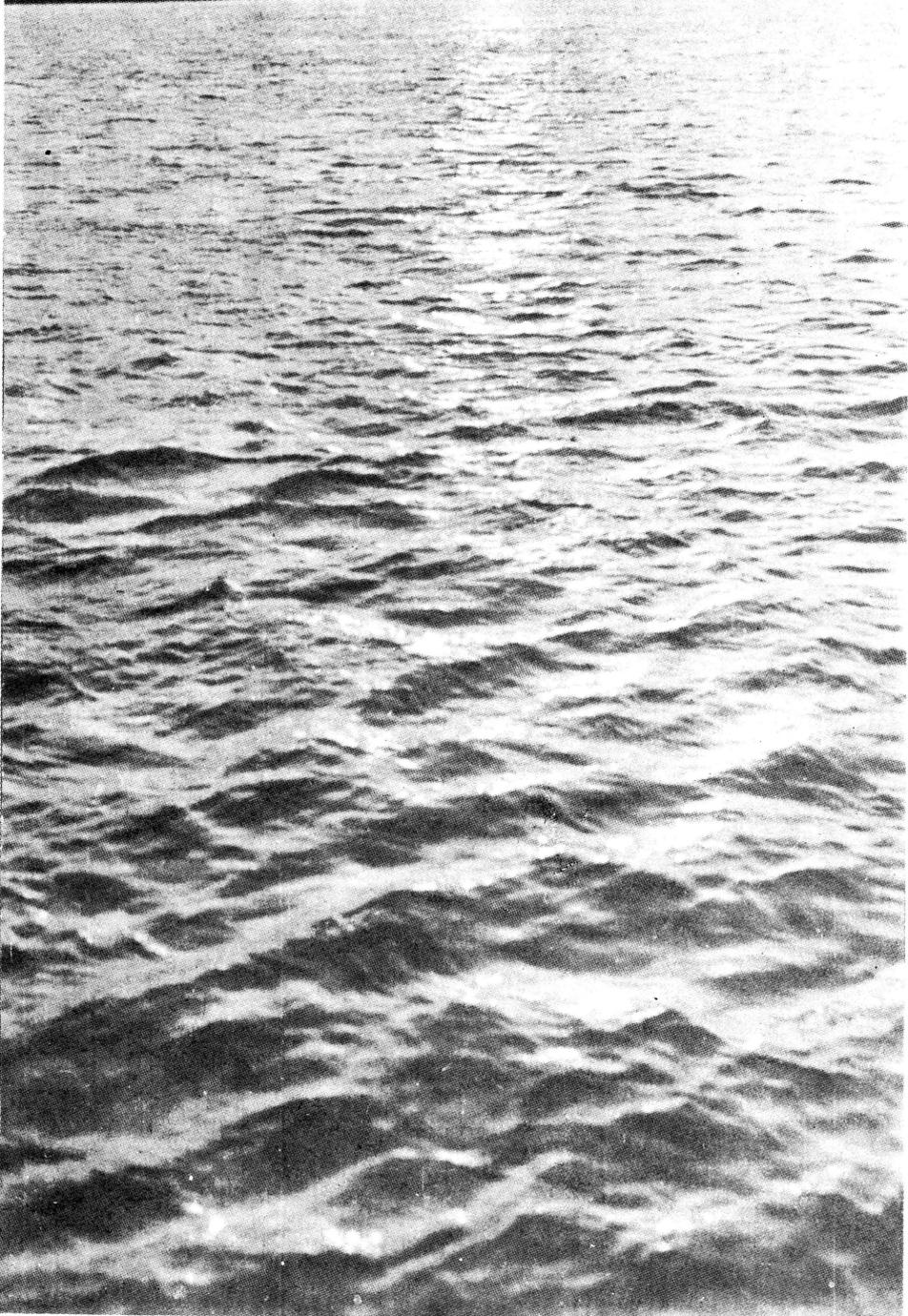
Один из залов посвящен Тутанхамону. Впервые за девятнадцать лет жизни, впервые за многие века, что прошли с его смерти, Тутанхамон отправился в путешествие.

ПРИКЛЮЧЕНИЯ

ДУНАЙ:

Л. ЧЕШКОВА, наш спец. корр.

Это неизъяснимо волнующее чувство: подплывать к незнакомому городу. Далекий, еще ступенчатый расстоянием, он кажется похожим на тот, что остался за кормой: та же дымка над массивами домов, те же шпили и трубы в небе. Но вот город приближается, его рисунок становится отчетливее. И ты узнаешь знакомые по рассказам и книгам зубчатые стены древнего Братислав Града, или шпили Рыбацкого Бастiona, или строгий силуэт памятника Павшим борцам в Видине...

Во время странствий по земле дунайской мы испытывали радостное чувство узнавания и открытия несчетное число раз. И чувство это не притуплялось, не стиралось, а, напротив, ото дня к дню становилось острее.

Быстрые воды Дуная несли нас, экспедицию журналистов придунайских социалистических стран, к Черному морю; лишь у причалов они, казалось, замедляли свой бег, чтобы на недолгие дни передать нас сухопутным дорогам Чехословакии или Венгрии, Югославии, Болгарии или Румынии. Наше короткое путешествие было безграничным во времени — оно уносило в прошлое, бросало в водоворот настоящего, заставляло думать о будущем, о тех, кто строит его сегодня, — веселых, деловых, озабоченных, стремительных, молодых.

Катаракты. Капитан у штурвала

В полночь 25 июня 1965 года вода ворвалась в село. Затопила улицы. Разрушила почти две тысячи домов. Такого наводнения жители Коларова не помнили: как-ни-

ВОЛНЫ, БЕРЕГА, МОСТЫ

Нет в мире другой реки, к которой примыкало бы так много государств. Восемь стран имеют сейчас выход к водам Дуная, шесть из них — страны социалистические. Вторая по длине река Европы на протяжении почти всех своих 2850 километров судоходна. И плывут вверх по Дунаю железная руда, зерно, уголь, металлы и сплавляются станки, цемент, продовольствие. А на пути этих грузов — причалы Братиславы, Будапешта и Дунайвароша, Белграда и Прахова, Русе, Лома, Джурджу, Рени, Измаила...

как 22 километра отделяют их село от Дуная. Но река, вобравшая целые горы альпийского снега, пробежала это расстояние играючи. На лодках, на плотках перебирались люди от дома к дому, а точнее, от крыши к крыше. Эвакуация — тревожное слово, но в ту ночь для многих оно обернулось словом «жизнь»... Детей, стариков из Коларова приняли Прага, Братислава, Брно. Два месяца и одну неделю держалась вода, и еще через год черные, навсегда вымокшие деревья, развороченные улицы, рухнувшие стены напоминали об этой катастрофе...

Голубой Дунай... Эпитет стал привычен, как само название реки, и ты не задумываешься над ним, пока своими глазами не увидишь крутую кипень дунайских волн.

Тугие темные струи. Тяжелые, быстрые, мощные. Чем ниже по Дунаю, тем ощутишь простор, вольность, скорость. Как в музыке — быстро, быстрее, очень быстро, как можно быстрее. И еще быстрее — когда гористее становятся берега. Река врывается в длинное узкое ущелье. На одном берегу — Балканы, на другом — Карпаты. Скорость воды здесь 5 метров в секунду. Буруны, водовороты, белые гребни волн. Капитаны опасаются этого ущелья и особенно самого страш-

ного его места — Железных ворот, или, как его еще называют, Катарактов. И когда Дунай набухает от новых вод (ведь у него 34 судоходных притока!), когда дует сильный ветер, речники сходят на берег: все равно вход в ущелье временно закрыт.

На этом участке пути капитан нашей «ракеты» сам взялся за штурвал. И обычно немногословный, спокойный Владимир Васильевич словно застыл у штурвала — казалось, он слился с рекой и каждым нервом ощущает ее ток. Только изредка — короткий рылок рукой, и снова он весь внимание, весь напряжение — не потерять ощущения потока... Лишь когда поуспокоилась волна, капитан Файдюк вздохнул легко, с удовольствием и прошел в салон, где мы его давно ждали.

Файдюк уже четыре года ходит со своим экипажем по маршруту Вилково — Русе и видит берега Дуная, наверно, чаще, чем стены своего дома в Измаиле, на улице Коцюбинского. Четыре года — и ни одного ЧП. А экипаж молодой, самому старшему, капитану, — 38.

...За Катарактами Дунай, словно растратив силу и гнев, смиряется, стихает и успокоенно плывет к Черному морю. Но по-прежнему темны его волны. Верно, не о цвете волн думают люди, когда величают Дунай «голу-

бым», верно, иной смысл вкладывают они в это радостное слово...

Ты стоишь на палубе, и ветер пытается оторвать тебя от поручней, и рвет одежду, и закрывает глаза, а ты снова и снова открываешь их, потому что не можешь не смотреть на захватывающую ширь, потому что нет сил уйти из-под власти движения, скорости. Но даже в эти краткие минуты борьбы с ветром ты успеваешь заметить тяжелые баржи, белобокые суда, лодки рыбаков — они встречаются почти так же часто, как машины на магистральном шоссе.

Приветливо махали моряки, завидев нашу «ракету» с коротким именем «Дружба». Так называлась и наша экспедиция. Так именуется большой мост, соединяющий чехословацкий центр судостроения Комарно с венгерским городом Комаром, и двухъярусный мост, перекинутый от болгарского порта Русе к румынскому городу Джурджу; так, быть может, назовут и будущую гидроэлектростанцию, которую строят совместно Румыния и Югославия в районе Железных ворот. Сейчас там, на берегу Дуная, гремят взрывы, ворочают железными шеями краны.

И верно, такое имя мог бы носить новый социалистический городок, который растет на месте сметенного наводнением села Коларово. Когда случилось несчастье, помощь коларовцам оказали Венгрия и Советский Союз. Сейчас вся Чехословакия строит Коларово. Сюда приезжают юноши и девушки из институтов, заводов, и уже не одна новая улица создана их руками. Вернулись птицы в свои гнезда, вернулись люди в свои новые дома. Сегодня людям под силу справиться с горем, приносимым Дунаем.

А радость и пользу, которую несет Дунай, трудно измерить. Особенно сегодня. Голубой, голубой Дунай... Верно, слово это сродни словам — родной, близкий, любимый, да, любимый, без которого трудно жить.

«Телефонный» звонок из... XVI века

На скамейке, прижавшись к прохладным каменным стенам, сидят ребята и внимательно слушают пожилого человека с серьезным, отяжелевшим от жары лицом. Изредка он оборачивается, и ребята следом за ним тоже поворачивают головы и долго смотрят в проем стены, туда, где расстилается море красных крыш и вонзается в безмятежное небо игла минарета.

Эгер. Небольшой венгерский городок, так любимый туристами. За солнечные дали виноградников. За узкие, выложенные камнем мостовые. За аккуратные, увитые хмелем домики. За металлическое кружево балконных решеток. За тихие «espresso». За прохладные винные подвалы. И конечно, за старую крепость.

Она стоит на холме, и ее массивные серые стены видны отовсюду. В них — скрытая мощь и какая-то непонятная тревожность, она влечет тебя, и ты шаг за шагом по каменным широким ступеням поднимаешься к этим стенам, чтобы вступить под их своды...

С этой крепости в XI веке начался город. Эти стены помнят Иштвана Добо, славного капитана Добо, который выиграл самое жестокое в истории города сражение. Их, осажденных, было 2 тысячи человек — солдат, женщин, детей. А извне, у стен крепости, дымилась костры, звенело оружие — то разбили лагерь 120 тысяч турецких солдат. 38 дней длилась осада, и все-таки в тот, 1552 год, взять крепость туркам не удалось.

Много событий видела на своем веку крепость, но не только о них думаешь, блуждая по подземному лабиринту, думаешь о тех, кто со скрупулезной тщательностью расчищал каждый метр подземного хода. Во время раскопок археологи обнаружили и «телефоны». Это были барабаны, по туго натянутой поверхности которых скользили горошины. «Телефонный» звонок из XVI века дал возможность дополнить картину осады: захватчики пытались прорыть ход в крепость, и осажденные по всей 16-километровой сети подземных тоннелей расставили «телефоны». От сотрясения земли горошины дрожали и звенели барабаны, разнося тревожную весть о приближающейся опасности.

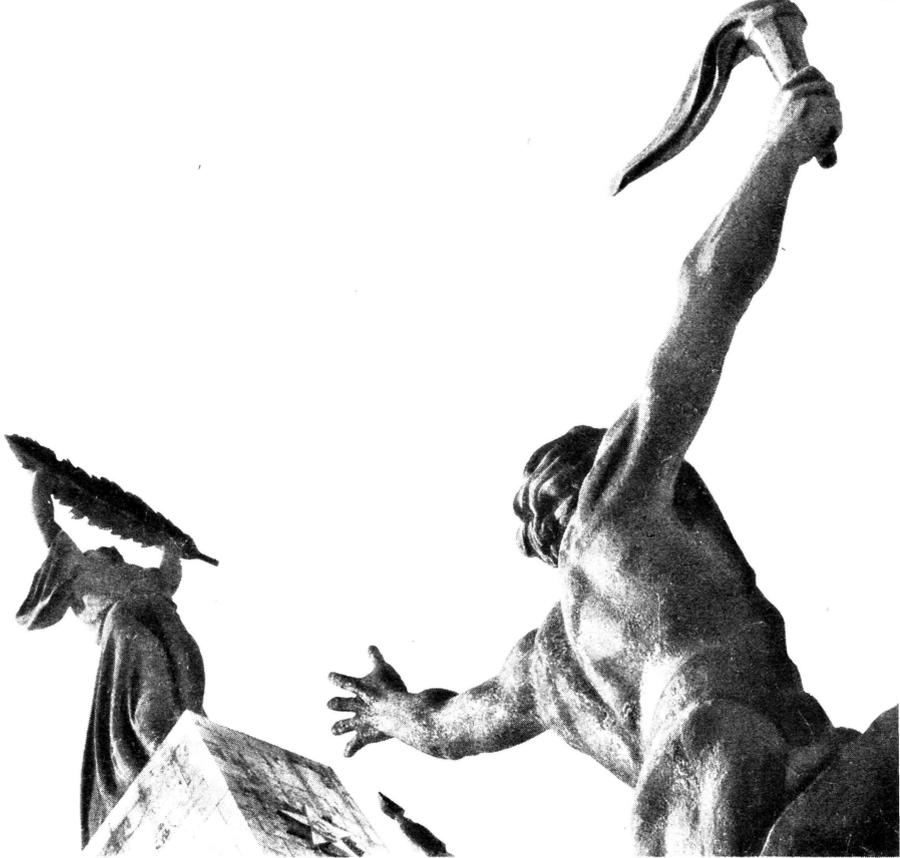

Фото МИРОСЛАВА МУРАЗОВА

Будапештские

МОТИВЫ

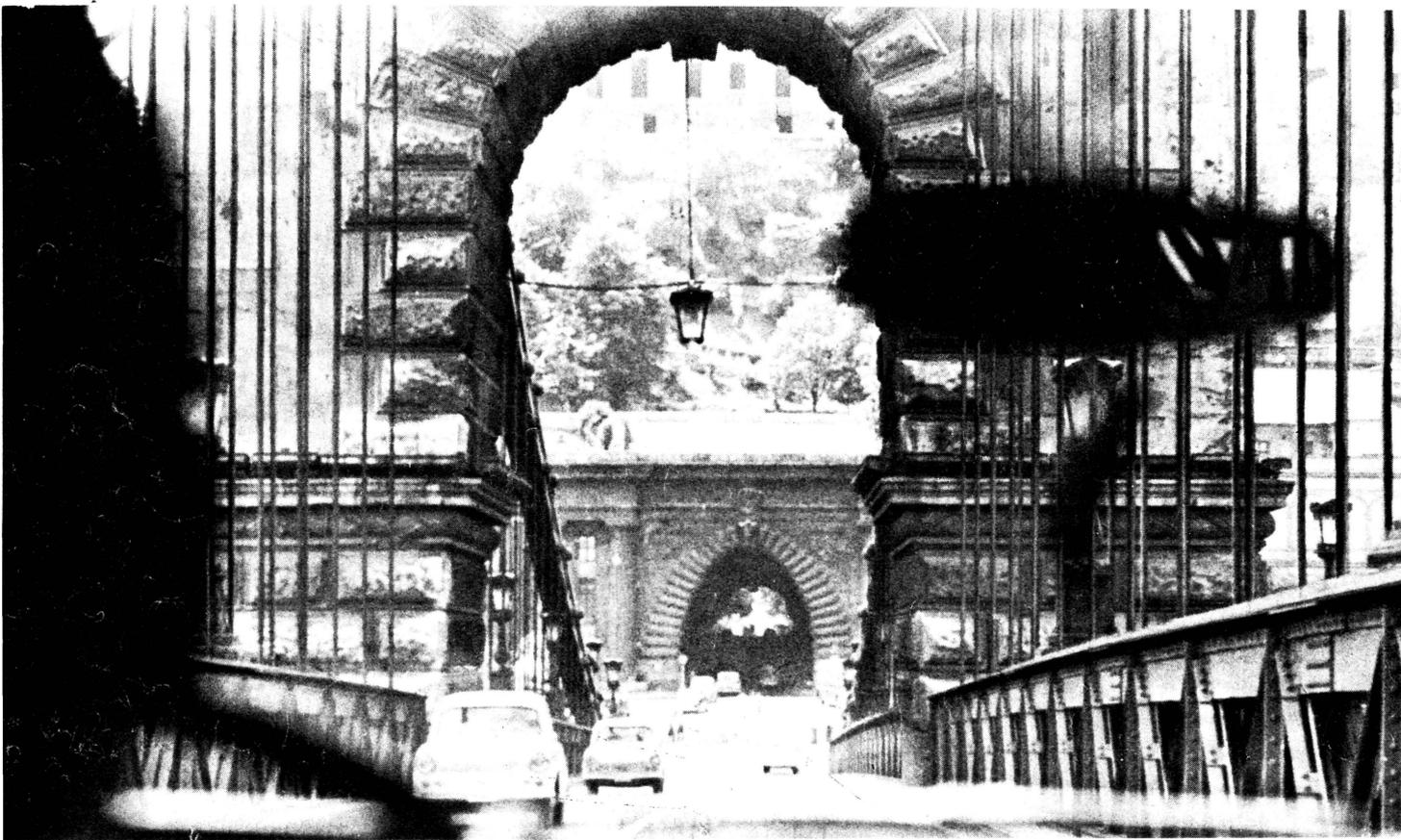
Всего четыре кадра, четыре эскиза Будапешта. Конечно, это немного, если вы хотите представить себе и Будапешт ежедневный и Будапешт праздничный, полночный и полуденный, работающий и отдыхающий. И все же внимательному глазу и эти четыре снимка скажут немало...

Монумент Свободы на горе Геллерт, созданный скульптором Ж. Кишфалуди-Штроблем, стал символом столицы социалистической республики.

Вот Дунай и здание парламента — кто сможет представить себе город-красавец без них!

Это один из прославленных тысяч будапештских мостов: для туристов — редкая по красоте достопримечательность, для горожан — будничное неприметное чудо.

А улыбка молодой будапештки — приветливая, чарующая — остается в памяти как приглашение в гостеприимный дом.

Археологи раскопали пока что лишь одну десятую часть лабиринта, но в крепости-музее имени Иштвана Добо прибавилось немало экспонатов. Сложные грудой каменные ядра и ствол пушки, втиснутый в бойницу, и грубые металлические блюда — в них осажденные по капле собирали пресную воду, стекавшую со сводов подземелья, и прожвавшие доспехи воинов — любовно оживленные детали словно приближают картины далекого. И эгерские ребята из краеведческого кружка, что пришли сюда, несмотря на знойный душный день, смотрят во все глаза и слушают, боясь пропустить хоть слово.

Восстановить события, унесенные временем, чтобы передать память о них молодым...

В 1965 году в Болгарии родилось общенародное движение за восстановление и развитие города Тырново как культурного и исторического центра. Были собраны сотни тысяч левов (среди них немало и «комсомольских»), и специалисты уже смогли приступить к раскопкам и реставрации крепостных стен бывшей столицы Болгарии. Через несколько лет поднимется из развалин дворец, где когда-то творили многие художники и поэты, и старый замок над прозрачной Янтрой, но не монастыри будут теперь их соседями, а светлые цехи нового современного завода.

Мы стояли под крепостными стенами Тырново, а мне вспомнились другие стены других замков и иные музеи. «Червонный камень» под Братиславой, где собраны великолепные изделия французских, японских, итальянских мастеров; Братислав Град — старинный замок, реставрируемый сегодня, — в скором времени там будет музей, интереснейший музей села в Бухаресте... Здесь, над крутым берегом Янтры, наблюдения, сделанные в пути, слились в единое: на землях, виденных нами, берегут, восстанавливают, охраняют все то, что имеет отношение к настоящей культуре и истории.

Молодые архимеды. «Королева» спешит в школу

В Институте ядерной физики, что разместился неподалеку от Бухареста, нас ждали. Вначале, как полагается, беглое путешествие по территории, мимо па-

виллонов (251), мимо лабораторий (271) и кое-какой обязательный «гарнир» — вроде: в XVII веке на этом месте находился военный штаб румынского государя Михая III... Впрочем, наши провожатые сами посмеивались над своей ролью экскурсоводов: это было не их амплу, им хотелось скорее подать нам «отбивную» — продемонстрировать наяву бетатрон, и реактор, и циклофазотрон, и много других сложных установок, скрытых за тяжелыми дверьми с предупреджающим — череп и кости — рисунком.

Одним из наших гидов был Ион Грыля, конечно, молодой, конечно, физик-теоретик да к тому же секретарь комсомольской организации института.

— Мы разрабатываем проблему промышленного применения радиоизотопов, — рассказывает Ион Грыля. — Решаем кое-какие прикладные задачи, например, делаем расчеты для гидростанции у Железных ворот. Ведем теоретические исследования. Естественно, частично приходится летать в Москву, в Дубну — за советом, за помощью.

В каждой лаборатории картина была в общем похожая: над чертежами и приборами сидели молодые (некоторые, правда, пытались скрыть возраст бородой) физики, инженеры, математики.

— Да, — сказал Грыля, — кому за тридцать, ходят у нас в стариках. Но их не очень-то много.

Неожиданно мы почувствовали себя словно в аудиториях института — та же непринужденность обращения, веселость, ирония, тот же нескрываемый интерес к делу. Это ощущение оказалось не мигомлетным. Оно возникало еще и еще раз, но уже при других обстоятельствах...

— Когда нефть пришла с берегов Волги, родился наш «Словнафт». Комбинату нет еще и десяти лет, — говорили нам в Братиславе.

— «Кремиковцы» — будущее нашей промышленности, — говорили в Софии.

Многие из тех, кто водил нас по новым цехам, помнили не только торжественный пуск своего завода, но и то время, когда с комсомольской путевкой в кармане пришли они на стройку. Комсомольской стройкой был и металлургический комбинат «Кремиковцы», трубы которого совсем недавно выросли за зеленой границей Софии.

Атанас Марков (тоже молодой, даже не верится, что он замести-

тель главного инженера) обстоятельно докладывает, вода указанной по карте-схеме комбината:

— Завод наш начал строиться лишь пять лет назад, но мы уже «питаем» нашу промышленность и чугуном и сталью. Уголь в основном идет с Донбасса и Печоры. Сейчас открыто новое месторождение угля в Добрудже, но пока оно еще не исследовано. А вот руда — богатая, отличная руда — у нас близко, можно сказать, под боком. Перспективы развития комбината широкие.

Атанас Марков сыпал цифрами, процентами, и неожиданно подумалось, что эти цифры роста незримыми нитями связаны с процессом, который трудно перевести на язык арифметики — ростом тех, от чьих рук, и умения, и творческого порыва зависит реальность этих цифр.

...Перекур. Несколько парней, разложив чертеж на какой-то металлической балке, спорят. Подросток, деловито посмотрев на часы, бросает на ходу: «Привет!» (Его смена кончилась, а для тех, кто постарше, рабочий день продолжается.) Машет девушке в платочке, что словно королева сидит в стеклянной будке оператора, — и вот уже они у ворот завода. В руках папки с учебниками. «Королева» спешит в школу. «Король» еле поспевает за ней.

Следишь за ними взглядом, но скоро в глазах остаются лишь зелень газонов, зелень деревьев и синева неба. Солнце светит в застекленный фасад цеха. А за воротами завода волнуется под ветерком поле и синеют утонувшие в дымке горы. Очень много воздуха. И света.

Где танцуют переницу

...До 11 часов ночи это был обычный ресторан, с музыкой и хлопаньем пробок, веселым шумом и толкотней на танцевальной площадке. Лишь приятно удивляли очень молодые и очень вежливые официанты — ни девушкам, ни мальчикам не было и по восемнадцати. Ровно в 11 часов в зале погас свет, и на каждом столике загорелись витые свечи. Зажеглись ленты серпантина. Хлоп, хлоп — хлопнули хлопушки. И на маленькой сцене началось представление. В веселых размалеванных физиономиях клоунов, в легких фигурках танцующих, в певцах, чьи протяжные напевы сплестились с полонин, мы с удивле-

В БЛИЖАЙШИХ НОМЕРАХ:

«ЧЕРНЫЕ СЛЕДОПЫТЫ НАЙДУТ МЕНЯ» — очерк польского писателя-путешественника Люциана Воляновского.
«ПАПА ХЕМИНГУЭЙ» — отрывки из книги А. Хочнера.

нием узнавали тех, кто полчаса назад приносил нам слоенные пączки и горящие огнем во рту зеленые «чушки». Искреннее веселье артистов захватило зал, и когда часы били 12 — все сроки истекли! — посетители ресторана и его хозяева дружно отплясывали переницу, нехитрую, веселую переницу, которая, как сказка про белого бычка, не имеет конца...

Карнавалы в румынском городе Брашове стали уже традицией — милой, веселой традицией, которая привлекает молодежь (а ее в городе с тех пор, как разросся тракторный завод, стало очень много) и, конечно, туристов.

А кто из приезжающих в Болгарию не стремится попасть в Белоградчик, маленький городок, полоненный скалами? Каждый год, в конце мая, здесь отмечают радость приходящего лета. И звенит, не умолкая, эхо в высоких скалах, горят костры, и охапками роз засыпают самых смелых восходителей...

Венгерский Эгер остается в памяти каменными сводами винных подвалов, старых, как сам город, покрытых серой благородной плесенью, холодных и сумрачных. Там на массивных дубовых столах при свете свечей золотым обручем светится в бокалах традиционное вино — «эгерская девушка». Торжественные винодели не спеша обходят круг гостей, восседающих на дековских стульях с прямыми спинками, и длинной стеклянной трубкой из бочки сказочных размеров разливают вино по бокалам...

Да, путешественник настойчиво ищет примет индивидуальности — в характере города и в лице его, ведь только то остается в памяти, что расцвечено своей неповторимой палитрой.

Можно было часами бродить по старым, продуваемым морскими ветрами улицам Констанцы. Там, где на зеленых склонах тротуаров, вырвавшись из плена музейных стен, стоят фрагменты барельефов, амфоры, скульптуры; где за широкими стеклами океанариума колышут плавниками сказочные рыбы; где бронзовый Овидий (Констанца — это бывший Томис, куда был сослан римский

поэт) смотрит на подступившие к нему новые, словно вобравшие в себя весь свет южного солнца, дома.

Вообще не требовалось особой наблюдательности, чтобы заметить, как резко делится сегодня города на старые кварталы и новые. Новые кварталы Братиславы и Веспрема, Бухареста и Софии радовали обилием света, красок, изящной планировкой — короче, современностью архитектурного решения, а порой и своими, уже обретенными приметам. Пражский аэропорт Рудзи запомнился не только потому, что это было современное здание, окруженное кольцом столь же новых домов. В здании аэропорта взгляд приковывали старинные деревянные куранты, мыслью они переносили тебя на Вацлавскую площадь с массивным зданием «Музея богемы» и маленькими магазинчиками с окнами, забранными жалюзи, — ко всему тому, что называют старой, Златой Прагой...

Одна деталь. Но ее можно увидеть только в аэропорту Праги, так же как амфоры на улицах Констанцы или карнавал в Брашове.

Гвоздика на камне

С горы Славин островерхие крыши Братиславы видны как на ладони. С высоты, на расстоянии, вдали от шумных перекрестков залитые солнцем зеленые улицы и трубы нефтеперерабатывающего комбината, и шпиль ратуши неподалеку от некогда «высотного» дома — темной громады конца прошлого века, и кварталы светлых новых домов, и толпящиеся у причала суда — все сливается в единую дышащую покоем картину. И, любящая ее, наслаждаясь ровным ритмом города, ты на минуту забываешь, какой ценой было завоевано это мирное солнечное утро. Но стоит лишь обернуться и взглянуть на обелиск, что стоит на самой вершине горы, на серые камни изголовья могил — и сердце сжимается от горя и благодарности к тем, кто навсегда остался лежать здесь. Тысячи, тысячи могил... Ты идешь сквозь этот гра-

нитный строй, и каждая фамилия — сколько среди них русских! — отдается в сердце болью. На многих плитах нет золотых букв — лишь белая гвоздика...

Тяжело видеть, как мяч, вырвавшийся из рук мальчика, бежит по дорожке к этим безмолвным камням. Но ради чего гибли люди? Разве не ради этих детей, полных движения, жизни, радости?..

На берегах Дуная — на горе Геллерт в Будапеште, и в старом болгарском городе Видине, и над быстрой Савой, притоком Дуная, на горе Калемандан, в Белграде, — высятся памятники освобождения, горит вечный огонь. В память о тех, чьей кровью пропитаны придунайские земли. Болгарских, югославских, чешских, румынских партизан, венгерских коммунистов, замученных в фашистских застенках, героев Словацкого национального восстания. В память советских освободителей.

Люди, жившие еще так недавно. Их подвиги отмечены сегодня печатью вечности.

* * *

1867 километров — от причалов Братиславы до Измаила — и тысячи километров «сухих» дорог остались у нас за спиной. Скрылись за горизонтом волны, берега, мосты Дуная. Но со стереоскопической глубиной, которой, быть может, не было в пути (и помехой тому были то пьянящий ветер, то бегущие по воде облака, то хмурый взгляд береговых скал), видится каждый миг плавания.

За вольным и могучим обликом реки открываются радость и заботы, приносимые человеку волнами Дуная; за зеленым разливом берегов — города, которые тянутся к реке, дороги, которые бегут к ней и от нее, люди, которые уже много веков назад связали свою жизнь с этой водной магистралью; за четкими контурами мостов — единение земель, стран, людей. Единение, которое стало реальным только недавно.

Самым длинным мостом из всех виденных нами в пути был Дунай...

КРЕПЧЕ СТОЙ НА НОГАХ

Время уборки урожая у племени нуба в южном Судане начинается праздником — несколько дней и ночей наполнены песнями, танцами, состязаниями. Задолго до праздника женщины начинают готовить мариссу — слабое пиво из проса — и собирать золу из очагов.

Основное событие праздника — борьба. Для нуба это не просто развлечение: считают, что победителю и всей его деревне целый год будет сопутствовать счастье. Поэтому-то вождь так тщательно отбирает борцов. В период подготовки борцы много тренируются, поднимая тяжелые камни, и бегают на большие расстояния; к тому же они регулярно пьют молоко, а оно особенно ценится в бедной стране нуба.

И вот наступает первый день праздника. Из всех деревень к залитой солнцем долине идут люди, украшенные хвостами животных, яркими клочками тканей и бусами.

Впереди шествуют борцы. Они несут знамена, копья, щиты; узловатые мускулы на руках и ногах перехвачены браслетами. Каждая деревня выставила свою команду — дюжину лучших борцов.

Перед началом состязаний атлеты становятся на четвереньки, и друзья осыпают их с головы до ног золой. Во-первых, посыпанные золой, тела борцов становятся менее скользкими, а во-вторых, добрые духи домашнего очага, как думают нуба, помогают в схватке.

Танцуя, борец входит в круг. Он горделиво смотрит по сторонам, потом встает в боевую позу — локти прижаты к коленям — и ждет. Другой борец принимает вызов, и вот уже оба стоят лицом к лицу. Поигрывая мускулами,

Грациозные и геркулесы

борцы стоят, согнувшись, время от времени то один, то другой испускает воинственный клич, подзадоривая соперника. И вдруг... Прыжок, тела переплелись в крепком захвате. Соперники держат друг друга за плечи, толкают корпусом, стараясь сбить партнера с ног.

Проигрывает тот, кто коснется земли головой, рукой, коленом, плечом, — короче говоря, любой частью тела, кроме ступней. Подножка, рывок — побежденный летит на землю. А победителя под восторженные крики болельщиков несут к навесу из циновок.

„КОЖАНЫЕ ЧУЛКИ“ НА ЭЙСТЕДФОДЕ

«...Народу много тут живет по духу гордого; настойчивы и ловки они... На шитых своих судах они широко бороздят и море бурное и бездны океана, чудищ полные. Не из сосны они сбивают корабли и не из клена; не из ели, как обычно, они сгибают кили челноков, но — чудное дело — они готовят корабли свои из шитых шкур и часто на таких судах из твердой кожи переплывают широкие моря».

Удивление римского географа Авиена, полторы тысячи лет назад описавшего кельтские суда, и сейчас разделяют зрители, которым доводится увидеть «гонки корзин» в западном Уэльсе. Здесь, недалеко от города Кардиган, на реке Тайфи, во время летних праздников-эйстедфодов и устраиваются традиционные соревнования. Валлийцы шутят, что скорее их стоит называть гонками «кожаных чулок»: ведь соревнуются только женщины.

Под крики болельщиков, пронзительные звуки рожков и трещоток спешат к финишным бумам кожаные корзины... Старинные лодки, на которых ирландские, шотландские и уэльские рыбаки в незапамятные времена отваживались выходить в море (а кое-где плавают на них и поныне), делались так: ивовый остов-корзину с круглым дном обтягивали сверху просмоленными шкурами, а в более позднее время — просмоленной холстиной. Эти хрупкие суденышки назывались курахами. Кельтский Одиссей,

сказочный мореплаватель Майль-Дуйн «сооружает себе корабль из трех кож», как повествует об этом предание, и выходит на нем в открытый океан. В своих «Записках о галльской войне» Цезарь сообщает: «Вместо парусов на кораблях (кельтов) была грубая или же тонкая дубленая кожа... Они удобнее (римских) приспособлены к местным условиям и к борьбе с бурями».

...А вот и финал! Последние усилия — и лодка пересекает финишную черту. Болельщики бурно рукоплещут, засыпают корзину победительницы цветами. По древнему кельтскому обычаю, судьи торжественным церемониальным маршем направляются к чемпионке, сводят ее на берег и награждают венком из листьев вечнозеленого падуба.

МУСКУЛОПОКЛОННИКИ ИЗ „ЗУРКХАНЕХА“

Некоторые называют Джафари гладиатором. Он не обижается — пускай их! Но куда чаще, говоря «Джафари», иранцы имеют в виду знаменитый спортивный клуб. И тогда бородастый гигант двухметрового роста бывает горд и счастлив... «Джафари» — ведь не только клуб, Джафари стал идеалом силы и ловкости, впитавшим черты народного мифического героя. В него входит и особый уклад жизни, в котором постоянная тренировка тела — лишь составная часть. «Не может быть полной жизни, — говорят джафаристы, — если не поддерживать в постоянном режиме, не тренировать свое тело». «Джафари» входит в объединение иранских спортивных клубов, которое носит название «Зуркханех».

Нет, ничем не напоминают иранские борцы римских гладиаторов. Гладиаторы выходили на арену, чтобы обогреть ее кровью и пощекотать нервы разгневающимся зрителем. У иранцев арена — место чуть ли не священное, там под звуки музыки, загадочной, как поэзия и древние персидские поэмы, звучащие, как музыка, рождается гимн человеческой ловкости. Быть может, единственное, что роднит джафаристов с древними гладиаторами, это строго

определенный «набор» традиционных упражнений. Каждое из них родилось еще во времена жестоких междоусобных битв персидских племен. Правда, тогда упражнения носили характер, так сказать, прикладной.

«Слабый лук» — называется одно из упражнений. Лук необычен: к плоской упругой металлической полоске — своеобразному древку — прикреплены с обеих сторон металлическая цепь из восемнадцати звеньев. Под барабанную дробь атлет поднимает «слабый лук» над головой, крутит и вертит его, а кольца, подвешенные к каждому звену, дрожат, передавая напряжение «тетивы». Хитрость состоит в том, что сам атлет должен держаться непринужденно. Медленно, незаметно для постороннего глаза, будто играючи, сгибает геркулес «древко».

Упражнения с тяжелыми металлическими щитами — еще одно представление, устраиваемое на арене. Однако, пожалуй, самое впечатляющее — упражнение с булавами. Наиболее искусные атлеты вращают увесистые булавы с такой скоростью, что очертания снарядов сливаются в один сплошной круг.

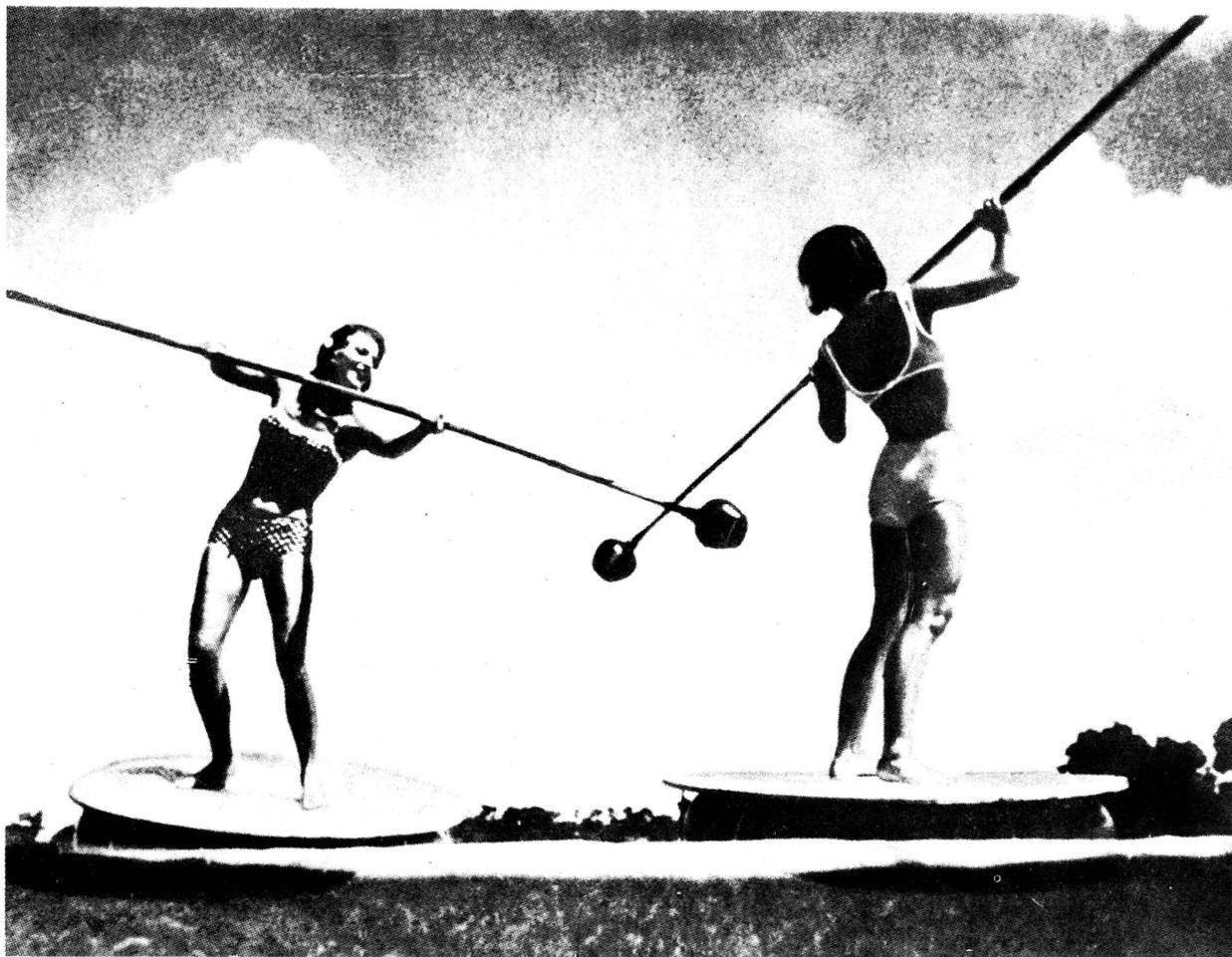
И еще один штрих к биографии таких клубов, как «Джафари»: многие иранские борцы и тяжелоатлеты, достигшие мировой известности, начинали свой путь в спортивном центре «Зурханех».

ТУРНИР В БАССЕЙНЕ

Гибкое бамбуковое копьё с наконечником из микропористой резины, конечно, уступает в боевой мощи своей средневековой «модели»; зато сколько требуется ловкости, чтобы поразить им соперника! Правда, пораженный соперник в этом случае не падает наземь с могучего коня, а всего-навсего летит с верткого поплавка в голубую воду бассейна.

Итак, условия этого турнира: вместо арены — бассейн, вместо коня — поплавок, вместо лат — яркие купальные костюмы. Ну и, наконец, вместо могучих рыцарей — прекрасные дамы.

Соперницы сражаются один на один либо командами по шесть-восемь человек. Бывает, что грации летят в воду одновременно, не выдержав стремительности взаимных атак. Кто заставит противника нырять чаще, тот и победитель.

БЕРТА ВЫИГРЫВАЕТ КОРРИДУ

На трибунах напряженная тишина, какая всегда наступает в «момент истины» — заключительной фазы единоборства человека с быком. Животное с налитыми кровью глазами кидается на тореро, и тот, подпустив его вплотную — кажется, вот-вот рога вонзятся в тело, — резким движением вонзает шпагу в загривок. Трибуны взрываются аплодисментами. На сей раз они особенно неистовы: ведь поединок выиграла женщина.

Уже не первый год работает на арене Берта Трухильо, но каждый раз ее выступление — сенсация. Хо-

тя большинство мужчин — ее коллег по опасному искусству — не скрывает раздражения: коррида не для женщин!

Правда, те же коллеги признают, что Берта ведет борьбу на арене с хладнокровием, которому могли бы позавидовать многие опытные матадоры.

Двадцатилетняя Берта Трухильо давно завоевала признание не только у себя на родине в Колумбии — Мехико, Мадрид, Лиссабон и многие другие города рукопескали бесстрашному тореро. С восемнадцати лет начала заниматься девушка этим опасным ремеслом под руководством своих старших братьев Хосе и Маноло: профессия эта считается фамильной в роду Трухильо. Несколько раз разъяренное животное, случалось, поднимало ее на рога, но, залечив раны, Берта вновь возвращалась на арену.

КТО ПОБЬЕТ КУХУЛИНА?

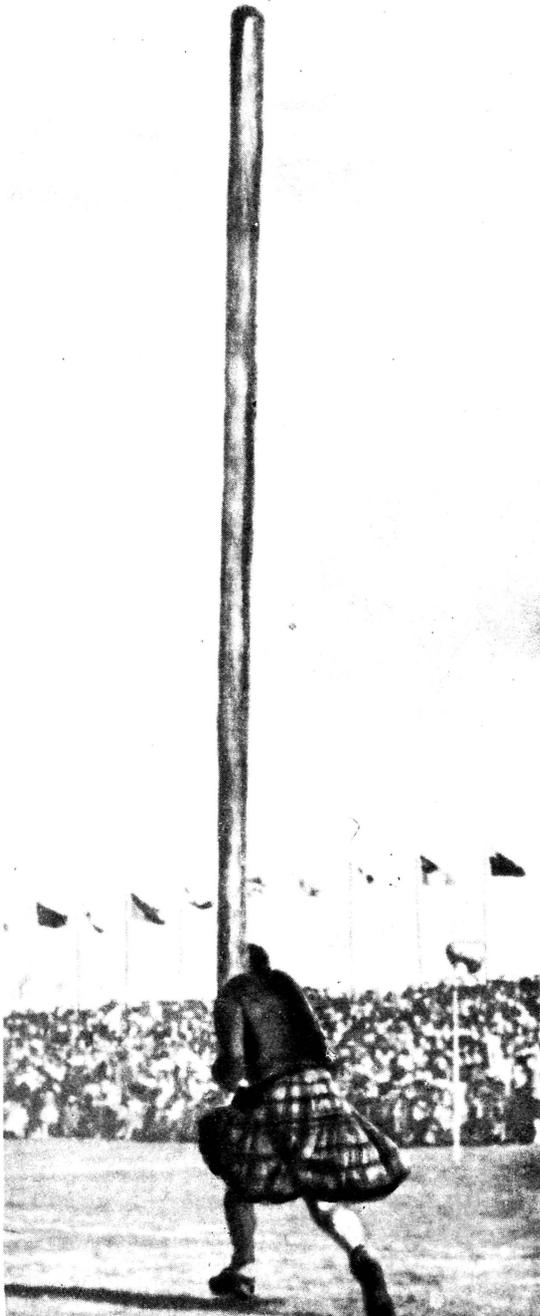
Олимпиада началась с традиционного парада горных кланов. Потомки знатных родов Шотландии медленно вышагивают по зеленой траве стадиона, одетые в старинные костюмы древних ее жителей — гэлов: белая полотняная рубашка с отложным воротником; килт — клетчатая юбка до колен, собранная в крупные складки; темная короткая куртка; плед, небрежно наброшенный на плечо и сколотый фамильной брошью или большой английской булавкой; грубые мокасины, сшитые из цельного куска недубленной кожи. Их сопровождает сводный оркестр волынщиков. Зрители, сидящие на скамьях, сразу же узнают тех, кто идет в церемониальном марше. И не потому, что знают каждого в лицо, а потому, что об этом им говорит расцветка тартана — ткани, из которой сшиты пледы и килты.

Дело в том, что в древности каждый шотландский клан имел свою собственную расцветку тартана: от самой простой, как, например, в тартане клана Роб Рой — пересечение черных и красных полос одинаковой ширины, до сложной, как в расцветке тканей клана Стюартов — на ярко-красном фоне скрещение желтых, черных, синих, белых и зеленых полос. Для горцев Шотландии расцветка одежды всегда являлась своего рода опознавательным знаком, взглянув на который каждый встречный мог определить род и племя человека. Недаром в древности их страну называли Британией — «раскрашенной страной»...

Вот и сейчас народные олимпиады в Абойне, Бреймаре и Кирримьюре открываются парадом. Затем начинаются состязания. Особый восторг у зрителей вызывает соревнование тяжелоатлетов — метателей олового бревна.

Согнувшись под тяжестью ствола — он весит 72 килограмма, — атлет бежит вперед. Прежде всего он старается удерживать в равновесии пятиметровое бревно; затем, точно рассчитав силы, атлет, не снижая скорости, откидывает корпус назад и подбрасывает бревно в воздух. По правилам соревнований бревно, описав в воздухе плавную дугу, должно упасть на землю верхним концом и лечь строго по направлению бега. Когда-то в древности кельтские воины таким способом наводили мосты через пропасти и ручьи...

Бревно должно пролететь двенадцать с половиной метров, только после этого судьи станут отсчитывать результат. Саги рассказывают, что легендарный герой кельтских сказаний Кухулин бросал свое бревно на пятьдесят метров.

В. АРСЕНЬЕВ

Фото автора

Мой полустанок

Скорый поезд не замечает полустанков. Скорый торопится, спешит. Он оставляет позади неожиданно приглянувшуюся вам безымянную речку у синего бора, и порыжевший домик обходчика, и старую вырубку, поросшую малинником. Секунда — и за окном плывут лишь безликая стена леса да клочья дыма.

Поезд спешит, и становится досадно, что все промелькнувшее, быть может, так и останется непознанным. Это чувство еще долго потом тревожит тебя. И когда все же ты попадаешь в места, пусть лишь отдаленно напоминающие те, увиденные мимолетом, то обязательно встретишь что-то удивительно родное, словно однажды потерянное, а потом открытое заново...

Лет семь назад в неторопливом поезде, битком набитом туристами и рыбаками, я отправился на Селигер. Когда до озерной столицы — городка Осташкова — оставалось с час езды, состав на десять минут причалил к асфальтовому островку перрона небольшой станции. Тишина. Над железной дорогой

плыл жаркий аромат невидимых сосновых боров. Вдали, между деревянными домишками, светилось озеро. Я вынес из вагона свой рюкзак...

С тех пор каждый год я бываю на той станции. Выхожу на песчаный проселок, голосую попутному лесовозу и через четыре десятка километров схожу у приметного валуна, окруженного сиреневыми зарослями кипрея.

Из года в год у меня один и тот же маршрут. Сначала тропинка идет плотным темным ельником, через мягкие черничные поля и крошечные сухие болотца. Потом — каждый раз неожиданно — выскакивает на красные моренные пригорки, словно кем-то утрамбованные, открытые ветрам и солнцу. С самого высокого холма можно увидеть за дальними перелесками крыши неизвестной деревушки, а ближе — удивительную сосну: огромную, разлапистую, одинокую, рассеченную от вершины до комля молнией, и вокруг нее бесконечные заросли папоротника.

В папоротниковых зарослях тропинка теряется и появляется снова лишь в светлом молодом березня-

МИР МОИХ ОТКРЫТИЙ

ВЕДЕТ
КОНСТАНТИН
ПАУСТОВСКИЙ

ке. Здесь я иду тихо-тихо, прислушиваюсь. Если нет ветра — за километр ловлю истошные крики гусей: чуткие птицы сообщают своей хозяйке о моем появлении. Через десять минут выхожу к потемневшему домику над сонной речкой Руной, перегороженной замшелыми бревнами.

Плотина зовется Клинской. Хозяйка дома и плотины Мария Семеновна, сухонькая пожилая женщина, уже ждет у ворот, повисших на лыковых петлях. При встрече она никогда не ахает умильно. Первые минуты она просто внимательно присматривается, чуть-чуть повернув по-птичьи голову, словно не узнает меня. И молчит. Я знаю, что сейчас тоже надо помолчать и дожидаться, когда хозяйка тихо улыбнется и протянет твердую ладошку. С этого пожатия начинается мой ежегодный отпуск, мой месяц в калининских лесах.

Летом и осенью на долбленом челноке объезжаю рунские омуты и плесы, в изобилии теряю блесны, поплавки и опиваюсь топленным молоком.

Зимой в теплой комнате клинского домика сухо постукивает прялка — колесо рассохлось, потрескалось. На темную шпульку наматывается бесконечная шерстяная нить. Вьюжными ночами это занятие скрашивает одиночество. Пятеро детей у Марии Семеновны, и все разъехались кто куда: сын целинные земли пашет и хлеб убирает, одна дочь в городе, на огромном комбинате, другие тоже уехали — замуж повыходили. Молодежь! Попробуй усиди на лесном хуторе. Приезжают иногда навестить. Прикалывают к бревенчатой стене на память свои грамоты, где в рамке из золота и знамен их имена. А уезжают — и мать, торопясь, дает им с собой теплые варежки, связанные из бесконечной зимней нити.

Весной тоска отступает. Весной на плотине дел по горло. Лодки и челноки надо смолить, показать ремонтникам — где и что подлатать: плотина ведь десятки лет стоит. Чинили и перебирали ее уже не раз.

На весну у Марии Семеновны план — собрать как можно больше вешней воды. Скрипит большущая воротница, запирает Руну. Все мало-мальски свободные люди идут сюда на сплав. Многолюдно, весело становится на плотине. Бороздят запруженную реку лодки. Сплавщики скатывают в воду заготовленные штабеля бревен. А потом распахиваются створы плотины, и сосновые, березовые, еловые кругляки, теснясь, лавиной устремляются в узкий поток. Многометровые мосты, кувыряясь, падают в бездонный омут за плотинной и затем медленно начинают далекое путешествие. Пройдут весенние хлопоты, когда смотрительнице приходится дневать и ночевать с багром в руках, и опять поскучневшая Руна лениво катит свои воды мимо домика у плотины, на чердаке которого рассохшаяся прялка дожидается зимних вечеров...

Закатное солнце, окунувшись в желтоватые воды Руны, превратило обычное лесное растение в сказочный «аленький цветочек».

Мальчишки из лесного поселка откопали в обвалившихся окопах проржавевший ствол винтовки, пулеметные ленты... В этих местах, где сейчас тишина, четверть века назад наши бойцы вели жестокие бои с фашистами.

Отмахал лесник по своему участку десятки километров. А теперь отдых. Перекур у костра.

Когда речные рыбы начинают за полкилометра обегать мой челнок, я перебираюсь на глухие лесные озера. Их в окрестностях множество.

Мишуркинское озеро окружено песчаными холмами и напоминает сверху сковороду с длинной ручкой. «Ручка» — устье мелкой речушки сплошь заросло кувшинками и рдестом. Здесь в зеленой воде ходят большущие щуки и окуни — красавцы, с алыми плавниками, обжоры и задиры. Мишуркинское озеро, пожалуй, самое уютное само по себе. Да к тому же здесь есть великолепная песчаная коса с корабельными соснами. И небольшая деревушка из пяти изб, словно созданная фантазией Билибина.

Озеро Чаицы — мертвое озеро. Так называемую «сорную» рыбу здесь вытравили, а промысловую еще не запустили. Вот и стоит водная чаша пока безжизненная, притихшая. Кажется, даже птицы облетают стороной этот лесной угол. Но посмотреть Чаицу надо. Ни в одном из здешних озер не встретишь более прозрачной воды. Далеко-далеко от берега видны на дне моховые коряги, почти не искаженные преломлением, ветки с мертвыми листьями... Наверное, сказочный Китеж должен был исчезнуть в воде такой чистоты и мрачности, чтобы виден был каждый венец рубленых башен...

И еще озеро — безымянное, совсем рядом с плотинкой. Осенью на его берега, особенно после первых заморозков, собирается народ за клюквой. Моховые подушки тогда усыпаны, словно бусами, алыми хрусткими ягодами. Набрать бочку — проще простого. В остальное время берег пустынен, а в одиночку ходить по нему надо с опаской. Стоит ступить на тугий ковер трав у кромки воды, как сразу хватаешься за соседний ствол чахлай березки — берег тонет под ногой. Да и березка, оказывается, тоже растет почти на воде. Озеро зарастает.

Наконец, и река и озеро «обойдены дозором», отпуск уже близится к концу, но я не тороплюсь увязывать рюкзак. Беру самое необходимое и отправляюсь на лодке вверх по мелеющей Руне. Добираюсь до поселка лесорубов. Здесь на перешейке

В окрестных рунских чащах поыхивают дымком бензопилы лесорубов. Очищенные кругляки отправятся отсюда в дальние странствия — к фабрикам, заводам.

между двумя озерами — Хвошной и Истошной, живет много моих друзей — охотники, рыболовы, лесники.

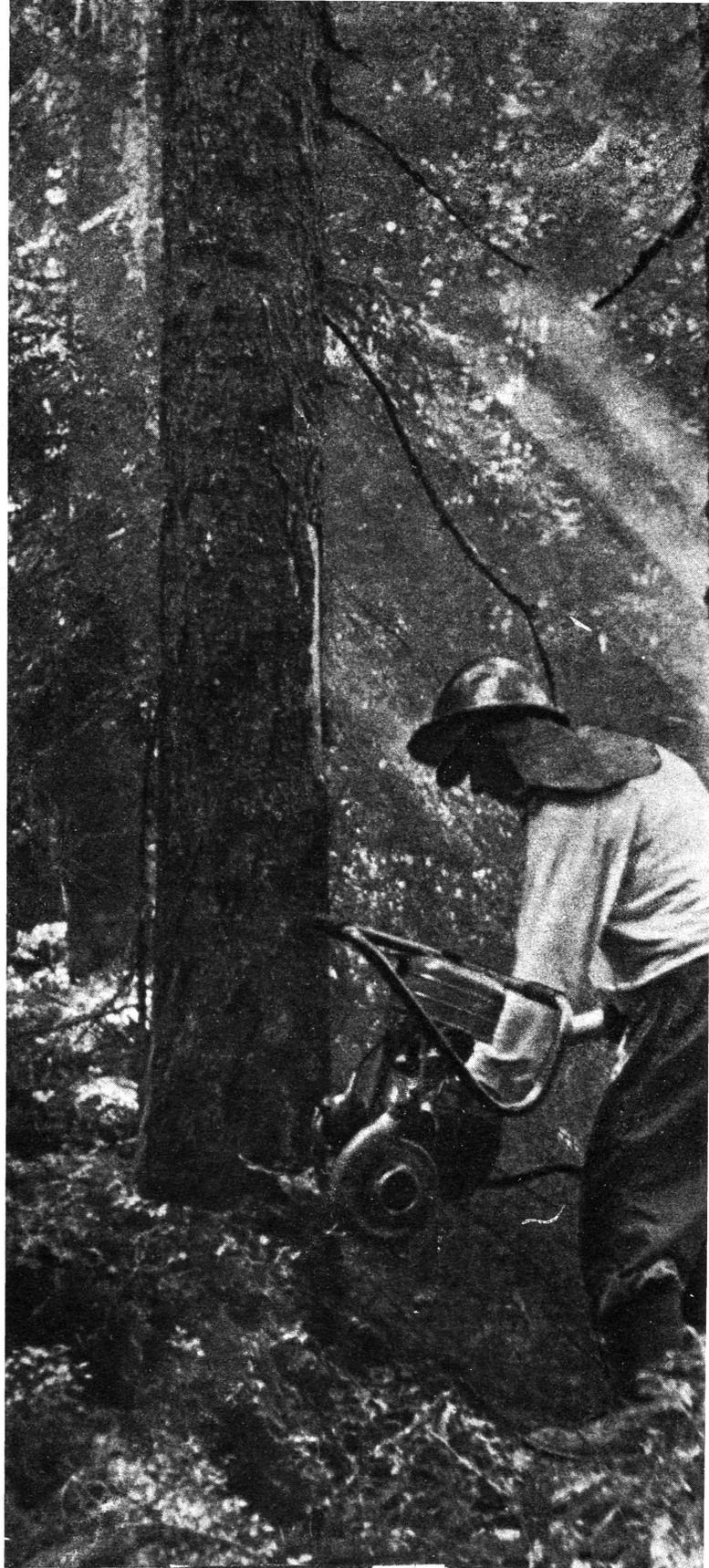
Навещаю их не из скучной вежливости. Ведь прошел целый год, и наверняка эти непоседы успели опять — в который раз! — исколесить свой край и, конечно, полны-полнехоньки удивительных историй и приключений. Ну и кроме всего прочего, именно здесь, от Хвошни, начинается тот самый «ступнячок», который через полтора десятка километров приводит к святому болотцу, рождающему невзрачный ручеек...

Наверное, на всю жизнь я запомнил это болотце и ручеек — исток самой русской реки — Волги — такими, какими они были в тот зимний день нашего первого свидания.

Над заиндевелым лесом выросла тогда передо мной цепочка изб на гребне взгорка. Дальние снежные поля упирались в синее праздничное небо. Рядом с деревней Волгино-Верхнее, у самой кромки прозрачного леса, на замерзшем болотце стояла изба-бушка над знаменитым родником. Мороз спеленал, сковал исток, превратил родниковые ключи в глыбу зеленого бутылочного стекла. Волга выглядывала лишь рядом, в проруби.

Идущие по воду женщины осторожно спускались по накатанному, обледенелому пригорку. Жестяные доньшки ведер разгоняли в проруби ледяную шугу, и желтоватая волжская вода топила ведра. Волга, покачиваясь на коромыслах, плыла в избы.

Сейчас, много лет спустя, мне трудно найти слова, соответствующие тогдашнему моему настроению. Но каждый раз, оказываясь даже поблизости от скромной деревушки у истока, я переживал тот праздник первого свидания...

МОРЕ БЕЗ ОГНЕЙ

БЭН МИНАГАМИ,
японский писатель

Приключенческая повесть

Море Сирану — Море без огней. Так на юге острова Кюсю называют бухту Яцусиро. На побережье Моря без огней и расположен город Мидзката. Он вырос у устья реки Мидзкаты, берущей начало в горах, на границе провинции Кагосима и Кумамота. Береговая линия неровная: большие и маленькие мысы, заливы, бухточки. Море, почти всегда спокойное, ярко-голубое, отражает вершины гор.

Мидзката — промышленный город. Собственно, городом он стал недавно, раньше это был рабочий поселок. Компания Тойо построила на побережье химический завод, один-единственный в этих местах, но облик всего района сразу изменился. Население Мидзкаты выросло до пятидесяти тысяч. Завод выпускает сульфат аммония, хлорвинил, винилацетат, пластмассы. В том году, о котором пойдет речь, больше половины горожан работало на этом заводе.

Если смотреть с моря, он кажется гигантским дрейфующим, возвышающимся над городом. А если приехать в Мидзкату по железной дороге, опять-таки первое, что видишь, сойдя с поезда, — завод компании Тойо. Он находится всего в ста метрах от овальной привокзальной площади. Из высоченных труб валит черный дым. От дыма небо кажется тревожным, грифельно-серым. Запахи карбида и других химикалий иногда становятся настолько резкими, что раздражают слизистую оболочку носа, и жители беспрестанно чихают. Даже с кухни пахнет не съестным, а химией. На крышах лежит тончайший слой известковой пыли, мелкой, словно пыльца с крыльев бабочек.

И все же пейзаж нельзя назвать унылым. С трех сторон город окружен крутыми горами, покрытыми темной зеленью хвойных

и лиственных лесов. Склоны самого большого мыса тоже поросли лесом. Со стороны моря мыс круто обрывается — внизу, на узкой прибрежной полосе, разбросаны редкие домишки рыбацкого поселка Хоси-но-Ура. Покосившиеся лачуги покрыты ржавым железом или древесной корой. Некоторые, словно инвалиды, уцепились друг за друга, чтобы устоять перед порывами ветра.

В начале апреля в поселке заболела девятилетняя девочка. Накануне отец наловил морских ушakov и накормил ее — у девочки в последнее время был нездоровый цвет лица, а рыбаки считают моллюсков, живущих в этих раковинах, целебными. Все, кажется, должно было идти хорошо, но на следующий день за завтраком девочка вдруг выронила пиалу, попыталась ее поднять и снова уронила. Потом по ее телу прошла судорога, она забилась, словно в припадке падучей, попробовала встать и сделать несколько шагов, однако тут же упала — ноги не слушались. У нее отвисла челюсть, изо рта потекла слюна, зрачки помутнели. Она не могла говорить, только стонала. Все ее тело непрерывно сотрясалось в конвульсиях. Перепуганные родители вызвали врача, и девочку немедленно отправили в инфекционное отделение больницы — подозревали тяжелый случай энцефалита. Однако первичный диагноз не подтвердился. Медики терялись в догадках. Поползли слухи, что девочка заболела так называемым «кошачьим танцем». Эта странная болезнь, распространенная среди кошек, издавна известна на побережье Моря без огней: кошки бешено вертятся, становятся на голову, потом подымают.

Люди, наверное, забыли бы о печальном происшествии, но через несколько дней в том же поселке заболела женщина. И — пошло-поехало. Во всех близлежащих поселках были зафиксированы случаи заболевания людей «кошачьим танцем».

Положение действительно было серьезным: ни один из больных не выздоровел полностью, несколько человек умерло. Стали поговаривать, что рыба в море Сирану отравлена. Через полгода при медицинском факультете Южно-Кюсюского университета по инициативе студентов сформировали специальную бригаду по изучению неизвестного заболевания в Мидзкате. Все больные были госпитализированы, и персонал университетской клиники начал систематические наблюдения над людьми, пораженными странным недугом. Бригада стала искать причины этой невиданной эпидемии. Прежде всего выяснилось, что на дне бухты, там, где выходят в море трубы, выводящие отходы с химзавода, лежит трехметровый слой ила, содержащего ртуть. Очевидно, рыба и морские животные, обитавшие в зараженных водах, стали ядовитыми. Однако администрация завода выступила с решительным протестом. Она доказывала, что в Японии полным-полно химических заводов, спускающих отходы производства в море, и нигде, кроме Мидзкаты, люди не болеют «кошачьим танцем». И потом завод работает уже десять лет, а странная эпидемия началась совсем недавно. Причина — в чем-то другом.

С того первого случая, когда умерла девочка из поселка Хоси-но-Ура, прошло четыре года.

И только в последнее время общественность страны обратила внимание на необычную болезнь на побережье Сирануи.

Хирург Минпей Кида жил в Мидзкате, в районе Ята, расположенном на берегу реки. У него была частная практика, кроме того, он работал внештатным полицейским врачом. Кида уже одиннадцать лет лечил рыбаков из поселков и многих горожан. В любую погоду на окрестных дорогах можно было встретить мотоцикл доктора, спешившего на вызов. Этот сорокалетний человек с открытым, простодушным лицом, с живыми, глубоко посаженными глазами, курносый и веселый, пользовался всеобщей симпатией. Он лечил, что называется, «с душой». Однако добрая слава не всегда влечет за собой материальное благополучие — Кида жил скромно. У него были конкуренты, и очень солидные: городская больница, заводская поликлиника и появившиеся в последнее время специализированные клиники с современным оборудованием. Какое уж тут богатство, да и семья немаленькая: жена Сидзуэ и двое детей. Но Кида не унывал, он любил свое дело. Две комнаты его дома, отведенные для работы — приемная и кабинет, — были хорошо оборудованы. Обе светлые, окнами на юг. В приемной — телевизор, чтобы пациенты не скушали. Кабинет чистый, с белоснежной кушеткой. Кида не повесил на своей двери табличку, вместо нее на крыше красовался огромный щит, тоже белый, с черной надписью: «Хирург Кида, доктор медицины». Отлично придумано! Видно за километр — и с насыпи, и из окна поезда, и с моста.

В этот день Минпей Кида поехал к своему пациенту, рыбаку Дзисаку Удо.

Дзисаку и его сын болели «кошачьим танцем». Дочь рыбака умерла от той же болезни прошлой весной.

Дзисаку Удо, когда умерла дочь, в знак протеста против бессилия медицины покинул больницу. И сына забрал. Дома ему приходилось несладко. Раньше он рыбачил и не очень-то умел возиться с землей. Огородик был маленький и был занят в основном бататом. Единственной работницей осталась жена, целыми днями она копалась на огороде и в саду. Правда, сыну выплачивали пособие — до болезни парень рабо-

тал на заводе, — но сумма была ничтожной. Дзисаку кое-как передвигался и речь не совсем потерял. У сына дела были значительно хуже. Старик не сиделось на месте, не привык он бездельничать. Однажды в начале октября он ковылял по саду, и вдруг ему захотелось мандаринов. Дзисаку полез на каменную ограду, чтобы дотянуться до ветки, но руки и ноги слушались плохо, он сорвался и сломал правую руку в локтевом суставе.

Когда произошло несчастье, Кида позвонили из полицейского участка, он поехал к пострадавшему и с тех пор время от времени навещал его. Разумеется, врач испытывал сострадание к этому человеку — мало «кошачьего танца», так на него еще беда обрушилась! Однако Кида руководствовался не одним только чувством жалости: его интересовали люди, появлявшиеся у Дзисаку.

В последнее время о странной болезни много писали в газетах и журналах, передавали по радио и телевидению. К Дзисаку зачастили гости. Он умел говорить, да и по своему складу был человеком, не упускавшим возможности пофилософствовать на людях. Теперь вот он и пытался выступать от имени всех заболевших. Кто только не побывал в его доме! Однажды Кида встретил здесь человека лет сорока, который заявил, что он три года прожил отшельником в горной глуши и нашел растение, излечивающее от «кошачьего танца». «Только ешьте три раза в день рис и посыпайте его моим средством. И непременно излечитесь», — сказал «отшельник». Он оставил больному лекарство с надписью «Чудодейственное средство Сентансо».

Кида расстроился. Бывают ведь чудачки, которые думают, что рыбаки могут три раза в день есть рис. Да где же его взять, рис?! Здесь, на каменистом склоне горы, можно вырастить только батат, да еще, с великим трудом, ямень. А основная пища — рыба. Потому люди и заболели, что питаются одной рыбой.

Сегодняшний посетитель отличался от прежних. Это был мужчина лет тридцати, в отличном шитом коричневом костюме. По виду — столичный житель. Он беседовал с Дзисаку и его женой Канэ, делая какие-то пометки в записной книжке. Но как только Кида появился во дворе, замолчал, отклонялся и ушел. Кида проводил взглядом его худощавую

фигуру. Репортер, наверно, подумал хирург, но заговаривать с ним не стал. Он разбинтовал руку Дзисаку и спросил:

— Кто это был?

— Доктор. Из Токио. Говорит, приехал изучать нашу болезнь, — продолжал Дзисаку.

На обратном пути, когда мотоцикл мчался по шоссе, Кида увидел человека в коричневом костюме, садившегося в автобус. Он вспомнил его глаза. Они были мрачные и острые.

На следующий день Кида снова увидел этого человека. Кида ехал по дороге, проложенной на насы-

Рисунки И. ГОЛИЦЫНА

пи. Незнакомец оглянулся и, кажется, приветствовал его легким кивком. Выглядел он неважно: и глаза усталые, и лицо осунулось еще больше, чем вчера.

— Знаешь, я опять встретил того человека, — сказал Кида жене за ужином. — Говорят, он приехал из Токио изучать эту странную болезнь.

— Где он работает? В университете?

— Нет, Дзисаку сказал, в Токийском городском отделении здравоохранения.

— Он молодой?

— Да, но, видно, денег у него много. Куда уж нам тягаться с этими столичными жителями! Остановился в гостинице «Нара» на горячих источниках, живет в свое удовольствие и потихонечку изучает «кошачий танец».

— Что, завидно? Небось и сам бы хотел на горячие источники?

Кида прилег, развернул газету. Вдруг он нахмурился, прочитав заголовок, набранный жирным шрифтом: **В МИДЗКАТЕ ОЖИДАЮТСЯ НОВЫЕ БЕСПОРЯДКИ. В ДЕНЬ ОТКРЫТИЯ ВСЕОБЩЕЙ КОНФЕРЕНЦИИ РЫБАКОВ, ПЕРВОГО НОЯБРЯ, ДЕЛЕГАТЫ СОБИРАЮТСЯ ВЗОРВАТЬ ХИМИЧЕСКИЙ ЗАВОД.**

— Опять, — пробормотал Кида и углубился в статью.

«...На химический завод компании Тойо пришла делегация рыбаков с побережья Сирануи в количестве трехсот человек и обратилась к администрации с просьбой предпринять какие-либо меры в связи со странным заболеванием, распространившимся в этих местах. Получив отказ, делегация превратилась в бунтующую толпу. Между рыбаками и полицейскими произошло столкновение, более двадцати рабочих ранено. По словам хорошо осведомленных лиц, после конференции рыбаков, которая должна состояться в Городском зале собраний первого ноября, делегаты собираются устроить уличную демонстрацию и отправиться на завод с требованиями возмещения убытков, понесенных в связи с прекращением рыбной ловли в отравленной зоне, и немедленного прекращения вывоза отходов химического производства в море Сирануи. В случае отказа администрации от переговоров все рыбаки, проживающие в районах Амакуса, Асикита и Яцусиро, предполагают высадиться в городе Мидзкате. Они дер-

жат наготове «флотилию» из трехсот лодок. Среди рыбаков, без сомнения, есть сторонники крайних мер, таких, скажем, как взрыв канализационных труб завода.

По получении этой тревожной информации начальник управления полиции префектуры г-н Сакай созвал срочное совещание, на которое были приглашены депутаты префектурального собрания от рыбацких поселков, и просил их не прибегать к насильственным мерам. Начальник управления полиции префектуры сделал официальное заявление о том, что будет держать постоянный контакт с директором завода химической компании г-ном Мидзуки, мэром Мидзкаты Таруми и начальником полиции Мидзкаты Кария. В день открытия конференции на завод компании Тойо будет послан отряд из трехсот вооруженных полицейских».

— Ну, кажется, снова каша заварилась, — сказал Кида.

— Да, похоже на то, — ответила жена. — Даже страшно. Ведь если действительно взорвут канализационные трубы в Яхате, пожалуй, и наш дом может взлететь на воздух. Это ведь совсем близко.

— Только без паники! Ничего с нами не случится, разве что вылетят стекла. Ты бы лучше проверила, хватит ли у нас перекиси водорода и йода, когда повалят раненые...

Они вспомнили тот день, когда на заводе побывала первая делегация рыбаков и Кида оказал помощь восьми раненым. Среди них некоторые получили тяжкие увечья. Хирургу пришлось здорово попотеть. Он вертелся в своем тесном кабинете как белка в колесе.

...На следующий день Кида снова повстречал токийца. Вот уж охота пуще неволи! — тот третий день подряд приезжал к Дзисаку.

Перебинтовывая локоть Дзисаку, Кида спросил:

— Что, гость из Токио еще не кончил проверку?

— Нет, все еще ходит. Вот принес мне гостинец — конфеты.

— Да? Токийские, что ли?

— Токийские. Видать, с собой привез, из столицы.

Кида аккуратно вытер ихтиоловую мазь, просочившуюся из-под компрессной бумаги, затянул потуже бинт и вышел на веранду. Там он увидел банку с конфетами.

— Ага, вот они! Конфеты «Эйдзи-ро».

Кида прочитал надпись, повер-

тел в руках снятую обертку. От нее исходил легкий запах духов — пахло цветами алоэ.

Хирург бросил взгляд на дорожку, уходящую вверх по склону. Так и есть — токиец там. Он медленно поднимался в гору.

Кида торопливо распрощался с хозяевами и поспешил на мотоцикле за знакомцем.

Он нагнал его на повороте, там, где дорога достигала вершины мыса. Мужчина стоял и смотрел на море. Может быть, он поджидал Кида?

— Простите, я хотел узнать, к какому выводу вы пришли, ознакомившись с этой странной болезнью? — набравшись смелости, спросил Кида.

— Даже и не знаю, что вам сказать... — мужчина приветливо улынулся.

Прямо перед ними расстилалось ослепительно синее море Сирануи. Ломаная береговая линия уходила вдаль. Под горой лежал город Мидзката. Токиец, казалось, был погружен в созерцание пейзажа. Кида смотрел на его правильный, четко очерченный профиль. Зоркие глаза врача сразу отмети-

ли следы утомления, возможно, бессонницы на лице токийца.

— Скажите, пожалуйста, вы уже побывали в поселках Комэно-Цу и Хоси-но-Ура? — спросил Кида.

— Да, я посетил почти всех больных, лечущихся на дому.

— Плохи у них дела, — сказал Кида, — совсем плохи.

— Да, я даже и не предполагал, что это так серьезно. Вы не знаете, когда откроется специальный корпус городской больницы?

— Я думаю, нам еще долго придется ждать.

Кида, не переставая разглядывать мужчину — сегодня тот был

в синем костюме, — достал пачку сигарет.

— Курите, пожалуйста.

— Спасибо, я не курю, — он секунду помолчал, а потом вдруг сказал: — Знаете, сенсей, я уверен, что все же завод — виновник несчастья.

Взгляд его глубоко сидящих глаз стал острым. Кида горячо заговорил:

— Да, да! Вы посмотрите на наше побережье! Видите эти маленькие бухты? Я перечислю вам их названия, начиная с юга: Хяккэн, Марусима, Яхата, Ю-но-Ко, Цунаки. Отсюда ближе всего Хяккэн. Вон она, рядом с мостом, по нему сейчас грузовик идет. Как раз под этим мостом выходное отверстие заводских канализационных труб. Вот уже десять лет, как бухта засоряется отходами химического производства. На дне

в море прямо здесь, я думаю, можно считать, что причины заболевания найдены, — оживился мужчина.

— Вот именно. Я того же мнения. Ведь болеют только жители близлежащих поселков — Дэдзюки, Юдо, Мбдо. А первый случай был зарегистрирован в поселке Хоси-но-Ура. Как видите, поражен только один берег бухты.

— Говорят, теперь смертность превышает тридцать пять процентов. Это правда?

— К сожалению, да. По числу смертных случаев эта болезнь приближается к холере.

— Не знаю, верно ли это, — все больше оживляясь, заговорил мужчина, — но я слышал, что недавно севернее бухты Хяккэн несколько человек заболело той же болезнью. Может быть, виновато течение?

териалы по ночам, тайком. И что бы вы думали? В Яхате и Фунац появились больные. Один умер.

— Н-да... Кажется, картина ясна. Если с переносом выходных отверстий канализационных труб меняется география заболевания, тут и раздумывать нечего, кто виновник.

— Так-то оно так. Но у завода, как у ловкого преступника, есть алиби. Понимаете, они ведь выбрасывают отходы с неорганическими соединениями ртути. И никто не знает, каким образом эта ртуть в организме рыб переходит в ядовитые органические соединения. Вот администрация и не хочет брать вину на себя.

— Может быть, все это верно, но в результате страдают рыбаки. И им известен только один виновник — завод, заражающий своими

образовался трехметровый слой ила...

— Ила?

— Ну да! Из остатков отработанного карбида. Вообще-то для производства хлорвинила используется и другое сырье, но сюда в основном выводится карбид. Степень загрязнения воды здесь очень высока. А местные жители питаются рыбой. Вот и болеют этой странной болезнью.

— Ну, если отходы выводятся

— Нет, что вы! Все гораздо проще. Здесь атмосфера чересчур накалилась — слишком много больных. Завод не хочет связываться с рыбаками. Вот администрация и решила пока что выводить отбросы севернее бухты Хяккэн. Этот район называется Яхата. Видите реку? Она течет как раз вдоль высоковольтной линии. У ее устья и расположен район Яхата. Администрация завода теперь спускает отработанные ма-

отходами море. Их гнев вполне понятен.

— Конечно, я совершенно согласен с вами. Понимаете, помимо этой страшной болезни, на них обрушилось и другое несчастье: рыбу совсем перестали покупать. Рыбные промыслы под угрозой, а жители побережья на грани голода.

Кида только сейчас заметил, что говорит с необычайным жаром. Ему даже сделалось неловко, но

в то же время он почувствовал удовлетворение: все же высказал свое мнение.

Из-за мандариновой роши, скрывавшей поворот дороги, показался автобус.

— Ну, всего хорошего, я поехал, — сказал Кида, — а то придется плестись в хвосте. Не очень-то приятно глотать пыль.

Он нажал на стартер мотоцикла и улынулся, всем своим видом показывая, что рад знакомству и не прочь повидаться еще раз. Токиец на ходу вскочил в автобус. Кажется, он кивнул Кида. Но тот дал полный газ, боясь очутиться сзади автобуса.

У Кида был приятель — помощник полицейского инспектора, начальник сыскного отдела мидзкатской полиции Томитаро Сэра. Они любили поболтать, сыграть партию в японские шашки. В провинции должность начальника сыскного отдела совсем не то, что в столице: Сэра приходилось выполнять работу рядового сыщика. Он редко бывал свободен. А уж сейчас, когда в городе ожидалась волнения и чуть ли не вооруженное выступление рыбаков, полиция и вовсе с ног сбилась. Но однажды вечером Сэра явился к Кида.

— Вот так сюрприз! — обрадовался тот. — Видно, и в аду бывают каникулы. Сыграем партию? — И Кида полез за шашками.

— Погоди, мне не до этого, — остановил его Сэра. — Я хотел кое-что тебе сообщить.

Сэра, загорелый до черноты, с квадратным подбородком, выглядел очень усталым. Взгляд его проницательных (какие и должно иметь сыщику) глаз стал особенно острым.

Он сказал:

— Мы получили очень странный запрос.

— Запрос? О чем ты?

— Без вести пропал человек, приехавший сюда из Токио изучать «кошачий танец».

— Что?! — Кида поперхнулся. — Я с ним разговаривал, если только о нем речь. Служащий токийского отдела здравоохранения?

Пришла очередь Сэра удивиться.

— Откуда ты его знаешь?

...К запросу из Токио, полученному мидзкатской полицией, было приложено письмо Икуко Юки, жены пропавшего, проживающей по адресу: Токио, район Бунке, Томидзака, второй квартал, дом 17.

Имя пропавшего — Соити Юки, ему тридцать один год. Служит в отделе здравоохранения района Эдояма города Токио. Соити Юки первого октября выехал в Мидзкату. Цель поездки — на месте ознакомиться со странным заболеванием и по возможности установить его причины. Юки намеревался встретиться с больными, наблюдать за ходом болезни, осмотреть канализационные трубы завода Тойо. Он уже давно собирал весь материал об этом заболевании, публиковавшийся бригадой в газетах и журналах. Однако ему хотелось все увидеть своими глазами. Он взял на работе отпуск — положенные ему десять дней — и отправился в Мидзкату. Уехал Соити Юки первого октября. В Мидзкату прибыл на экспрессе «Кирисима» второго октября в 16.00.

Прямо с вокзала на автобусе поехал в ближайшее курортное местечко Ю-но-Ко, известное своими горячими источниками, и остановился в гостинице «Нарая». Оттуда он ежедневно отправлялся в рыбацкие поселки. Об этом Икуко Юки узнала из трех открыток, посланных ей мужем. В день приезда он послал ей телеграмму, а потом каждый день писал по открытке. Однако с четвертого октября она никаких известий от мужа не получала. На работу он тоже ничего не писал. Десятого числа его отпуск кончился, но домой он не вернулся. Сегодня уже шестнадцатое. Денег у него с собой было двадцать пять тысяч иен. По подсчетам жены, они уже кончились. Икуко Юки просила полицию проверить, не случилось ли с ее мужем несчастья. Если ее опасения подтвердятся, она срочно выедет в Мидзкату...

— В гостинице «Нарая» ты навел справки? — спросил Кида.

— Да, я звонил туда. Хозяин гостиницы подтвердил, что человек по имени Соити Юки проживал у него со второго по седьмое октября. Седьмого, под вечер, он ушел и больше не появлялся. Вещи он оставил в номере, ценности сдал на хранение. Все это и сейчас в гостинице. Хозяин сказал, что сначала не очень тревожился, думал, может быть, постоялец отправился в университет, в Кумамото — ведь он интересовался этой странной болезнью, «кошачьим танцем». Но сегодня, поскольку от господина Юки не поступало никаких вестей, он уже собирался заявить в полицию.

— Да, нелепо все получается.

— Нелепо?! Да просто безобра-

зие! Хозяин — сущий идиот. Подумать только, человек исчез, почти десять дней его нет, а он, видите ли, до сих пор не удосужился заявить в полицию!

Кида внимательно выслушал Сэра. Теперь он был уверен, что токиец и был именно этим человеком. Кида припомнил, что в первый раз увидел его пятого числа. Потом на следующий день — шестого и, наконец, седьмого. Юки говорил, что побывал в нескольких поселках.

Под вечер седьмого октября Соити Юки ушел из гостиницы и не вернулся. Оставленные в номере вещи и сданные на хранение ценности свидетельствовали о том, что уезжать совсем он не собирался. Хозяин назвал предполагаемое местопребывание своего постояльца — город Кумамото, университет. Конечно, Юки мог поехать и дальше, в Фукуока или Кагосима, например. Но, пожалуй, там ему делать нечего — это слишком далеко от района распространения «кошачьего танца». А в Кумамото — университет, где организовали бригаду по изучению этой болезни, местное отделение профсоюза рыбаков и управление рыбными промыслами. Однако отсутствие его слишком уж затянулось. Остается предположить, что с ним что-то случилось. Хирург Кида обычно знал обо всех несчастных случаях, но в последние дни ни о чем подобном в городе не говорили. Помощник полицейского инспектора Сэра тоже не слышал, чтобы какой-либо приезжий погиб или был ранен.

— Да, странная история, — сказал Кида, глядя на толстые губы своего приятеля. — И что же ты собираешься делать?

— Я доложил начальнику. Но ему плевать на какого-то там приезжего, пропавшего без вести. У него на уме только рыбаки и завод. Но дело-то серьезное, я не могу этого так оставить. Завтра с утра поеду в Ю-но-Ко, на горячие источники, наведу справки на месте, — сказал Сэра.

В шашки он играть не стал и скоро ушел. А Кида погружился в размышления. Он постарался представить себе лицо человека, с которым разговаривал на шоссе. Токиец казался энергичным и деятельным. Чувство справедливости тоже не было ему чуждо. Его внутренний жар заразил тогда Кида. Нет, вряд ли такой человек может кончить самоубийством. Впрочем, казался он довольно мрачным. Кида вспомнил его четкий профиль на фоне голубой

бухты. Глаза ясные, но холодные какие-то и усталые. Что же с ним случилось?..

Горячие источники Ю-но-Ко — километрах в четырех к северу от Мидзкаты. Рыбачий поселок невелик — дворов сорок, но на берегу моря высится десяток гостиниц современного типа. Эти источники славятся своими целебными свойствами, как говорили, еще со времен эпохи Эдо. Сюда приезжали лечиться от ревматизма и невралгии со всего Кюсю. Улицы поселка дугой расположились вокруг гостиниц и двух-трех магазинов, торговавших открытками и сувенирами. Темно-коричневые каменные ограды эффектно выделялись на фоне голубого моря. Побережье — изрезанное, скалистое, со множеством заливчиков и бухточек. Вдали — маленькие островки. Вид очень красивый.

Семнадцатого октября помощник полицейского инспектора Сэра появился в гостинице «Нарая», стоявшей на северном краю поселка.

К нему вышел хозяин, низенький мужчина лет пятидесяти, и горничная Тамиэ, обслуживавшая номер «Бамбуковая комната», в котором жил Соити Юки.

— Я прошу вас рассказать все, что вам известно о господине Юки. Как он себя вел, как проводил время? — сказал Сэра, хмуро оглядывая хозяйню.

Тот кивнул горничной, и Тамиэ начала рассказывать:

— Приятный он человек, интеллигентный, сразу видать, ученый. Немного нервный, правда. Помню, в первый день я подала ему на ужин жареных омаров и сасими из рыбы тай. А он и спрашивает: «Это те самые омары, которых я видел у вас в бочке?» Мы теперь показываем постояльцам омаров и рыбу, когда они заказывают какое-нибудь блюдо. Иначе никто и есть не станет. Нынче все напуганы этой болезнью, «кошачьим танцем». Юки-сан ел да похваливал. А на следующий день наотрез отказался. Еще бы, посмотрелся в поселках на больных. «Не могу!» — говорит. — Эти бедняги так и стоят у меня перед глазами. Все тело дергается, изо рта слюна течет. Ужас!» Да... ничего не поделаешь, такое уж время наступило. Сейчас даже торговцы в Мидзкате не едят свежую рыбу, только консервы. Жалко мне стало Юки-сана, и я с разрешения хозяина подала ему икру форели, нам ее из Кагосимы прислали, так что она не опасна. Но он все равно отка-

заялся. И пока был у нас, ел только батат и яйца. И чего человек боялся? Мы ведь не кормим гостей здешней рыбой. Нам все присылают из Карацу или Кагосимы. Я уж его уговаривала, уговаривала, но так и не уговорила. Видать, нервный человек, впечатлительный.

— Скажите, пожалуйста, вам не казалось, что Юки-сан собирается покончить самоубийством? — спросил Сэра.

— Ну что вы! — всплеснула руками горничная. — Он ведь почти каждый день жене открытки посылал. Покупал их тут же, в гостинице. И все нам про свой дом рассказывал. Весело так говорил, ни на что не жаловался.

Тамиэ провела Сэра в «Бамбуковую комнату». Гостиница «Нарая» состояла из двух зданий — старого и новой пристройки. «Бамбуковая комната» находилась примерно посредине. В номере были две смежные комнаты с верандой, выходящей на море. В десяти шагах от веранды — бетонная дамба, невысокая, в половину человеческого роста. Под ней — крутой двадцатиметровый обрыв. Внизу острые, торчащие из воды скалы. Бурлят волны, шуршит галька, взлетают фонтаны брызг.

— А я думал, здесь мелко, — сказал Сэра, внимательно оглядывая это опасное место.

— Вообще-то тут неглубоко, но во время прилива лучше и не соватся на эти камни.

— Были случаи, чтобы кто-нибудь по неосторожности свалился вниз?

— Нет, пока ничего такого не бывало, — ответил хозяин.

Сэра смотрел вниз и старался на глаз определить глубину.

Да, если не умеешь плавать, лучше держаться от обрыва подальше. Впрочем, пожалуй, и хороший пловец тут не спасется. Лететь вниз с двадцатиметрового обрыва прямо на замшелые скалы... И уцепиться не за что. Может, так и случилось с Соити Юки? Смотрел на море, зазевался, оступился и упал?

— Вы не помните, Юки-сан в тот вечер не пил?

— Что вы! Он вообще у нас ни разу не пил. По вечерам занимался, читал, записывал что-то в тетрадь.

— Пока он тут жил, приходил к нему кто-нибудь?

— Да... — Тамиэ вопросительно взглянула на хозяина. — Один раз приходил гость.

— Что же вы до сих пор молчали?!

— Простите! — горничная испуганно смотрела на полицейского. — Гость пришел к нему седьмого числа, после шести вечера. Я запомнила время, потому что в этот день Юки-сан вернулся раньше обычного. Вообще-то он уходил из гостиницы в девять утра и возвращался с пятичасовым автобусом. А седьмого он приехал минут на двадцать раньше. Я подала ему ужин и ровно в шесть убрала со стола. Тут и появился этот человек. Толстый, низенький мужчина лет пятидесяти, в кремовой куртке.

— И что же? — нетерпеливо спросил Сэра.

— Вошел и говорит: «Хочу повидаться с Юки-саном. Мы сегодня в городе договорились». Потом прошел к нему.

— Погодите! Он знал, в каком номере живет Юки-сан?

— Нет. Но из холла виден весь коридор и туфли перед каждым номером. Я ему показала дверь Юки-сана, и он прошел туда.

— Ну, а потом что?

— Потом... Да он недолго был, с полчаса, наверно. Поговорили, и он ушел.

— Вы подавали им что-нибудь? Чай или еще какие-нибудь напитки?

— Нет. Конечно, я зашла, спросила, но Юки-сан сказал, ничего не надо. Больше я их не беспокоила, чего лезть, думаю, если у людей серьезный разговор.

— Так, значит... Низенький, полный, лет пятидесяти, в кремовой куртке... Вы больше ни на что не обратили внимания?

— Как вам сказать... Вроде бы ничего. Человек как человек. Разве что голос... Низкий такой, хрипловатый, — оживилась Тамиэ. — Да, еще бровки я запомнила. Темные, кажется, черные.

— Когда он ушел, в руках у него ничего не было?

— Ничего.

— А Юки-сан его не проводил? Остался у себя?

— Да. А минут через двадцать вышел в холл. Сама-то я не видела, мне горничная Маса-сан сказала. На нем уже был другой костюм, вещей никаких он не взял. Ушел и больше не вернулся.

— Так... Не вернулся...

— Да.

Тамиэ виновато опустила глаза. И правда, нехорошо как получилось — исчез человек, чуть ли не две недели его нет, а в полицию не сообщили. Влетит, пожалуй, хозяину.

Сэра осмотрел вещи Юки — саквояж и черный портфель. В сак-

вояже костюм и белье, как и положено путешественнику. Но тетради, в которой, по словам горничной, Юки делал какие-то записи, не было. Куда же она делась? Может, он унес ее с собой? Интересно, что он там писал?.. В специальном пакете для хранения ценностей оказался бумажник и в нем двадцать три тысячи иен. Его жена назвала сумму в двадцать пять тысяч, две тысячи он потратил — все сходится. Сэра задумался. Его мысли вертелись вокруг гостя Юки — мужчины лет пятидесяти, в кремовой куртке.

Очевидно, этот человек выманил Юки из гостиницы. Иначе зачем бы ему уходить? Ведь у него был твердый распорядок дня — в девять начинал обследование поселков, к пяти возвращался, по вечерам работал. На прогулки перед сном не ходил, писал у себя в номере. А тут вдруг куда-то отправился. И тетрадь исчезла.

Выйдя из «Нарай». Сэра обошел остальные девять гостиниц.

Главная улица Ю-но-Ко небольшая. По одну сторону — гостиницы, по другую — магазины. Сейчас отдыхающих было немного, и, очевидно, владельцы магазинов и продавцы постоянно высматривали покупателей. Но со дня исчезновения Юки прошло почти две недели, вряд ли кто-нибудь из местных мог запомнить того человека в светлой куртке, который вечером седьмого октября прошел по этой улице. Все же Сэра спросил продавщицу киоска, торговавшую сувенирами. Нет, она не помнила ни Юки, ни пятидесятилетнего мужчину в кремовой куртке. Сэра позвонил в мидзкатский автобусный парк, поговорил с кондукторшей, работавшей на линии седьмого числа. Постояльца из «Нарай» она знала в лицо, ведь он ездил каждый день, но седьмого вечером в автобус не садился. Таким образом, версия о поездке Юки в Кумамото, пожалуй, отпадает. В последнее время, когда в Ю-но-Ко почти не было отдыхающих, каждый приезжий был на виду. Автобусы ходили почти пустые. Гостиницы вот-вот закроются. Прислуга томилась от безделья. После семи вечера автобус делал от Ю-но-Ко до Мидзкаты два рейса. Кондукторша утверждала, что людей, которыми интересуется господин помощник инспектора, в тот вечер она не видела.

Куда же мог исчезнуть этот незнакомец в кремовой куртке? И откуда он появился? Ведь Ю-но-Ко словно каменный мешок, до-

рога отсюда только одна, на Мидзкату...

Помощник инспектора зашел в последнюю гостиницу, «Удзумисо». Не очень-то шикарное здание — стоит в стороне, на вершине мыса, в сосновой роще. И вдруг — удивительно! В этой гостинице недавно останавливались двое приезжих из Токио. У Сэра заблестели глаза, как у охотничьей собаки, почуявшей дичь. Один из них — профессор физико-технического факультета университета Хокуто в Токио, второй — его ассистент. По описанию профессор походил на незнакомца, интересующего Сэра, — полный, невысокий, лет пятидесяти. Но куртка, типичная одежда рабочих, очень уж не вязалась с профессорским званием.

— Сколько они у вас прожили? — спросил Сэра.

— Приехали двадцать восьмого числа прошлого месяца и уехали восьмого утром, — ответил хозяин.

На следующий день после исчезновения Юки!

— А вы не знаете, зачем они приезжали?

— Да все из-за этой самой болезни. Говорили, что хотят сделать анализ воды у выхода канализационных труб химического завода. Каждый день на лодке в море уходили. Профессор говорил: сейчас они только предварительную работу делают, а весной опять приедут. Будут исследовать воду во всем море.

— Значит, они пытались установить причины заболевания? — уточнил Сэра, чувствуя, что его подозрения рассеиваются.

— Да, да, так они говорили.

Сэра записал имена постояльцев — доктор технических наук Юкихико Урано и его ассистент Суэо Нисигори.

— Вы сказали, профессор полный мужчина?

— Да, полный, коренастый, невысокий... Они боялись, как бы об их исследованиях не пронюхала администрация или пресса. Тогда разговоров не оберешься. Профессор просил никому не рассказывать, кто они и что здесь делают. Проводить работы в частном порядке и без того трудно, говорил профессор, да и расходы немалые. Но он очень хотел добиться успеха: ведь это большое дело — установить причину заболевания.

— Разрешите посмотреть книгу постояльцев.

Сэра прочитал: «Доктор технических наук Юкихико Урано, ассистент Суэо Нисигори». Далее

адрес: «Токио, район Сетая, улица Охара, 3». Четкие, красивые иероглифы. Запись сделана карандашом.

— Кто писал в книге, профессор или ассистент?

— Не могу сказать, — ответил хозяин и позвал горничную.

Пришла женщина, полная, маленькая, лет тридцати.

— Писал молодой человек, — сказала она.

— Скажите, седьмого вечером профессор не выходил из гостиницы?

— Нет, не выходил. Оба в номере сидели. Писали что-то. Да, да, я помню, на столе у них лежали тетради, бумага...

— Тетради?

— Да.

— А к ним никто не приходил в тот вечер?

— Нет, никто не приходил, — горничная недоуменно посмотрела на помощника инспектора.

— Они не говорили, куда уехали?

— Сказали, возвращаются в Токио.

— А вы бы не могли припомнить, какой у профессора голос?

Хозяин и горничная удивленно переглянулись, но ответили одинаково: голос у профессора звучный, произношение токийское...

Сэра поблагодарил и ушел. Он медленно поднимался по крутому каменистому склону. Солнце еще сильно пригревало. Сэра отирал пот, струившийся со лба. По обеим сторонам дороги тянулись темные каменные ограды. Далеко внизу поблескивало спокойное ярко-голубое море. Сэра остановился и некоторое время рассеянно смотрел вдаль.

Странно... Не может быть, чтобы профессор, доктор технических наук имел какое-то отношение к исчезновению Юки... Впрочем, кое-какая связь есть; и тот и другой интересовались причинами возникновения заболевания...

Сэра решил зайти к Кида поговорить.

Он пришел вечером.

— Ну как, выяснилось что-нибудь? — вместо приветствия спросил Кида.

— Да вот послушай... — И Сэра рассказал все, что ему удалось узнать в Ю-но-Ко. — Тебе не кажется странным, что вечером седьмого числа ни тот, ни другой не уезжали автобусом из поселка? А человека в кремовой куртке вообще никто не видел, — добавил он в заключение.

— А у таксистов ты спрашивал?

— Как же, конечно, спрашивал. По пути к тебе завернул к вокзалу, на стоянку. Никто ничего не знает.

— И все-таки не могла же улечь эта кремовая куртка по воздуху! Он ведь живой человек, не привидение. И у него, как у всех прочих людей, есть ноги, — попробовал пошутить Кида. Ему стало жаль приятеля: тот выглядел еще более усталым, чем вчера. — А этот человек... он настоящий доктор наук?

— То есть как — настоящий? — Сэра удивленно уставился на Кида. Глаза приятеля смотрели испытующе и чуточку насмешливо.

— Н-да... А тебе известно, что весной к нам приезжал профессор Дома и тоже делал анализы морской воды?

— Конечно, известно. Если не ошибаюсь, профессор Дома приезжал по заданию министерства промышленности и внешней торговли. И этот, наверное, тоже.

— Если только он настоящий, — повторил Кида. — Профессор Дома, вернувшись в Токио, выступил с опровержением версии медицинского факультета Южно-Кюсюского университета относительно органических соединений ртути, которые якобы являются причиной заболевания. Ученые часто расходятся во мнениях, и это вполне естественно. Но в данном случае Дома-сан вел себя несколько странно. Он утверждал, что процент содержания ртути в море Сирануи не так уж высок, и если рыба стала ядовитой, то по каким-то другим причинам. Следовательно, химический завод ни при чем. А тот ученый из Южно-Кюсюского университета подсчитал, сколько ртути скопилось на дне нашего моря. Говорит, шесть тонн. Вот и неизвестно, кому верить. Как видишь, Сэра, мнения самые противоречивые.

— Послушай, ведь ртуть, кажется, дорогая штука.

— Конечно.

— Чудно получается. Что ж, на заводе, дураки сидят? Зачем им выбрасывать в море дорогостоящее сырье?

— Ну, тут я ничего не могу сказать, но факт остается фактом. Теперь завод не из-за болезни, конечно, начал строить установку для очистки отходов производства. Только местным жителям это уже не поможет: вода-то все равно отравлена.

— А что, если ртуть сама по себе, а болезнь сама по себе?

Ведь могут быть и другие причины заболевания.

— Все возможно. Завод, например, утверждает, что во время войны арсенал, находившийся в Когидзиме, затопил на дне бухты бомбы. Ты-то здесь недавно и, наверно, ничего об этом не слышал. А я считаю — ерунда! Выдумка про арсенал для дурачков.

— Не могли же на заводе все выдумать?

— Выдумали или нет, но всем известно, что на побережье Японского моря полным-полно химических заводов, производящих хлорвинил. Но нигде, кроме Мидзкаты, не зафиксированы случаи заболевания «кошачьим танцем». Вот на это и ссылается наш завод, пытаясь отвести от себя вину. И версия про бомбы и арсенал им на руку.

— А этот самый доктор Урано из университета Хокуто... он на чьей стороне? — спросил Сэра.

— Понятия не имею. Вообще я впервые слышу это имя. По-видимому, он хотел пока что соблюдать нейтралитет, потому и просил хозяина гостиницы держать язык за зубами. Ходили слухи, что профессор Дома подкуплен администрацией завода. Помня его печальный опыт, Урано, вероятно, и решил действовать осторожно.

— Ну, тогда все понятно. Он, видимо, приехал по собственной инициативе, никто ему ничего не поручал. Вот он и сидел вечерами взаперти, старался не попадаться на глаза. И потихоньку работал, делал записи.

— Интересно, где он брал пробы воды, — сказал Кида, помолчал и заговорил о другом: — Меня немного смущает одна вещь. Ты говоришь, в книге постояльцев написано «доктор технических наук». Не принято у нас так себя рекламировать. Я уже десять лет имею степень, а никогда нигде не пишу, что я доктор. Разве что на вывеске, и то для удобства больных.

— Да, я тоже удивился. И заинтересовался, кто сделал эту запись.

— И что же?

— Оказывается, не он, а его ассистент.

— Ассистент?.. — Кида снова замолчал и уставился на белоснежную стену кабинета. — А все же подозрительно...

— Ты думаешь, этот самый профессор и выманил Юки из гостиницы? — спросил Сэра.

— Не знаю... Но... Видишь ли,

что такое Ю-но-Ко? Каменный мешок. Со всех сторон горы. Там конечная остановка автобуса и конец дороги. А дорога может привести только в Мидзкату. Куда же могли деться два человека? Но если они все-таки исчезли, значит ушли тайком. Может быть, переодевшись.

— Что?! — квадратный подбородок Сэра выпятился еще больше. — Ты... ты думаешь, что Юки изменил свой облик, чтобы уехать незамеченным?

Кида мельком взглянул на возбужденное лицо приятеля.

— По-моему, это единственный возможный вариант. Ведь есть показания кондукторши автобуса: вечером седьмого октября никто из Ю-но-Ко не уезжал. Профессор с ассистентом отбыли в Токио на следующее утро. Видно, профессор увез кремовую куртку в своем чемодане. А Юки, изменив внешность, мог уехать следующим рейсом или на такси.

— Да, но на кой черт Юки этот маскарад? От кого он прятался? Ведь его вещи и деньги остались в гостинице! — недоумевал Сэра.

— Так-то оно так. Но подумай сам, как же тогда он мог выбраться из Ю-но-Ко? Если он никуда не уезжал, значит он погиб.

— Где?

— Ну хотя бы под обрывом, в скалистой бухте...

(Окончание следует)
Перевел с японского З. РАХИМ

ПОЭЗИЯ ПРОЗЫ

Почему так любят Паустовского? Почему его книги неизменно вызывают чувство нежности и глубокой симпатии? Почему радостное оживление вспыхивает в любой аудитории,

едва упоминается его имя? Можно по-разному ответить на этот вопрос. Можно сказать, что его любят, потому что ему самому дьявольски интересно писать, и этот заразительный интерес,

сверкающий в каждой строке, передается читателю, переплескивается, вспыхивает, заражает.

Но дело еще и в другом: для того чтобы заслужить такую любовь, надо обладать его редкой способностью открыть в человеческом сердце то, что, может быть, забыто, потонуло в нарастающем шуме времени, в сутолоке ежедневных забот. Паустовский заставляет людей вспомнить, какими они были в детстве, вспомнить и заново оценить всю прямоту и неподкупность детского зрения. Точность этого зрения — одна из самых сильных сторон его творчества. Проза Паустовского поэтична, потому что точна, а точна она потому, что с железной настойчивостью стремится заставить человека прислушаться к голосу собственной совести.

Старшее поколение советской литературы подошло к тому рубежу, с которого становится видно многое — и то, что совершенно, и то, что еще не начиналось. И становится очевидным, что почти ничего не пропадает напрасно, потому что жизнь писателя со всеми ее тревогами, сомнениями, разочарованиями в конечном счете направлена к тому, чтобы стать самим собою. Решить эту задачу удается немногим. Но есть среди нас счастливицы, которые работают, как бы прислушиваясь к какой-то затаенной радостной ноте, подобно тому как музыкант, настраивая свой инструмент, прислушивается к камертону.

Паустовский — один из этих счастливицев. Я не знаю, откуда у него эта черта — от юношеского ли восприятия действительности, или от страстного увлечения людьми, которые влюблены во все удивительное, необыкновенное. Но во всем, что он пишет, звучит эта то далекая, то отчетливая, чистая нота.

Константину Георгиевичу Паустовскому семьдесят пять лет. Что можно пожелать этому человеку могучей и скромной души, этому рыцарю нашей литературы? Новых книг. Я вижу новые страницы «Повести о жизни», новые рассказы о волшебниках, которые не догадываются о том, что они волшебники, о природе, которую, читая Паустовского, невозможно назвать равнодушной.

В. КАВЕРИН

ЧУВСТВА ДОБРЫЕ

Вскоре после войны, когда мы еще ходили в тех самых гимнастерках, в которых вернулись с фронта, в галифе с кантами и донашивали по институтским коридорам свои офицерские сапоги, попал я на семинар к Константину Георгиевичу Паустовскому. У нашего первого курса был другой руководитель, но к Паустовскому послушать шли со всех семинаров.

Сейчас, после нескольких внутренних перестроек, нет уже той аудитории, и дверь, через которую входили в нее, забита вровень со стеной и покрашена. Но она осталась мне памятна по тому разу, потому что сел я около двери: больше в аудитории сесть было негде.

Читала главы из повести будущая детская писательница, в то время студентка, и, помнится, не лишенная способностей. А за столом, низко нагнувшись к листу бумаги, сидел Паустовский, записывая отдельные фразы.

Обычно сидя люди мало различаются в росте. Но тут видно было, что он невысок и, главное, весь он, на мой тогдашний взгляд, был удивительно штатский. Армия воспитывает в людях не только внешнюю выправку, но и определенные качества, приучая именно эти качества отличать и ценить в людях. Здесь же и неопытному взгляду было видно, что в строевых частях Константин Георгиевич не служил. И даже, наоборот, было в нем, писателе, путешественнике, страстном рыбакове, было в этом сидевшем за столом человеке что-то принципиально противоположное строевому воспитанию.

В тех главах, которые читала студентка, рассказывалось о том, как люди плыли куда-то на пароходе. Среди них была старуха. Сидя на палубе, она ела хлеб, держа сложенную лодочкой ладонь под самым подбородком, чтоб крошки не уронить. И когда прочли эту подробность, Паустовский стал что-то быстро записывать улыбаясь.

Были ранние сумерки, в четырех казенных плафонах на потол-

ке горели три лампочки. Наклоненное лицо Паустовского было в тени, только белый лист бумаги отсвечивал на него снизу. И блестели очки, в выпуклых стеклах которых электрический свет собрался, как в фокусе. Он производил в этот момент впечатление человека, занятого филигранной отделкой и получающего от своей тончайшей работы удовольствие.

Среди словесного мусора и пыли он увидел крошечную пылинку, блеском своим отдаленно напомнившую блеск золотой пыли. Вот эту ладонь старухи, подставленную, чтоб крошки хлеба не уронить, живую подробность, очистив от всего лишнего, он вынул на свет и показал нам. Потому я и запомнил ее, ничего больше не запомнив из тех глав.

Много лет спустя в книге о писательском труде — «Золотой розе» — Паустовский привел слова старого литератора:

«Мы, литераторы, извлекаем их десятилетиями, эти миллионы песчинок, собираем незаметно для самих себя, превращаем в сплав и потом выковышиваем из этого сплава свою «золотую розу» — повесть, роман или поэму... наше творчество предназначается для того, чтобы красота земли, призыв к борьбе за счастье, радость и свободу, широта человеческого сердца и сила разума преобладали над тьмой и сверкали, как незаходящее солнце».

Крупинки добра, сердечности, которые рассеянный взгляд современного человека не всегда замечает за делами своими и заботами, всю свою жизнь собирает Паустовский. Переплавленные силой таланта, они поражают взгляд. А скольким людям открыл он неведомые края! Не только там, за дальними даями, куда путешествуют избранные, рассказывая после всем остальным о том, что они видели, слышали, с кем и что ели-пили, утешительно сообщая под конец, что, мол, нет ничего краше и милей родной земли. Неведомые края Паустовского — это прежде всего те края, которые каждый из нас с детства знать должен. Так он открыл людям Мещерские леса. И сотни паломников устремлялись по следам Паустовского.

Родина для каждого из нас — это не только дымящие трубы заводов, электростанции и машины, но это и реки среди лугов, березовые перелески, боры сосновые, солнечные и в пасмурный день, полевая дорога в хлебах, небо, под которым мы родились, запах костра в сыром лесу — тысячи тысяч примет, знакомых с детства. Власть их над нами огромна, а годы и расстояния только усиливают ее. Помню, как на Северо-Западном фронте, где местами невозможно было вырыть землянку, так близко подступала подпочвенная вода, я проснулся однажды утром в лесу. Было серо, тихо, не всходило еще солнце, солдаты после ночного перехода спали на земле, сырой туман укрывал их. Лес этот, реденький, росший на болоте, засох от обилия влаги: голые, как кость, сухие, с отпавшей корой деревья стояли в воде. Горели где-то поблизости костер — не знаю, но я почувствовал явственно запах дыма, того дыма, какой по весне стелется над огородами, когда земля еще полна снеговой воды, а уже в кучах жгут прошлогоднюю картофельную ботву. Я не могу сказать, какое сильное действие на меня, горожанина, произвел этот запах, донесшийся по воспоминанию. И Воронеж и детство — все в тот момент было в нем.

С каждой страницы книг Паустовского смотрит на нас Родина. Можно только поражаться удивительной художественной памяти писателя, для которого нет границ времени. Картины, отдаленные десятилетиями, встают в ней так же ярко, как только что увиденное и поразившее глаз.

Из тех паломников, что устремлялись по следам Паустовского, были и такие, которые после возвращались разочарованными. Они не увидели того, что прочли в книге, им казалось, он обманул их. Но человеческий глаз не видит, если сердце незрячее. Зато скольких сделали зрячими его книги, полные любви к людям, к родной земле, скольким открыли они мир!

В одном из своих рассказов Паустовский пишет, как по утрам особенно чист воздух, за ночь отстоявшийся в гигантских сосудах горных ущелий. Вот так грозрачен и чист язык его прозы. В нем каждое слово несет

зрительный образ, а фраза необычайно емка.

Вот несколько фраз: «В поселке этом сотни лет живут латышские рыбаки. Поколения сменяют друг друга. Светловолосые девушки с застенчивыми глазами и певучим говором становятся обветренными, крижистыми старухами, закутанными в тяжелые платки. Румяные юноши в щегольских кепках превращаются в щетинистых стариков с невозмутимыми глазами». Как мало написано. Как много сказано!

То первое впечатление необычайно мягкого человека оказалось, как я убедился после, обманчивым. Года два спустя на семинаре один из студентов читал свой рассказ. Как всегда, Паустовский, сидя за столом, записывал отдельные фразы. Потом положил карандаш:

— Как можно в стране, где писали Пушкин, Чехов, где создал свои книги Толстой, как можно в этой стране писать таким канцелярским языком?

И когда он говорил это, у него было лицо человека, который испытывал физическую боль. Он не мог слышать убогий язык, способный выражать только убогие мысли, язык канцелярских бумаг, в котором запечатлена бездушная антинародная сущность бюрократии.

— Вам надо бросить писать, — сказал он жестко.

Великий, наделенный сердцем и разумом, духовно богатый народ создал русский язык. Читая Паустовского, всякий раз поражаешься удивительной красоте, бесконечному богатству русского языка.

В день выпуска, когда наш курс заканчивал Литературный институт, Паустовский говорил:

— Я верю, что мои ученики не используют литературу как средство наживы или достижения карьеры, верю, что для них литература всегда будет делом жизни.

Если это и был завет, так тот завет, которому всю жизнь следует Паустовский, которому он не изменял никогда. Он сам написал об этом в книге «Золотая роза»:

«Что же понуждает писателя к его подчас мучительному, но прекрасному труду?»

Прежде всего — зов собственного сердца. Голос совести и вера в будущее не позволяют подлинному писателю прожить жизнь на земле как пустоцвет и не передать людям с полной

щедростью всего огромного разнобразия мыслей и чувств, наполняющих его самого.

Тот не писатель, кто не прибавит к зрению человека хотя бы немного зоркости».

Как бы ни была значительна главная цель, к которой движется общество, на этом долгом пути люди не раз поставят перед собой более временные, более ограниченные задачи. Но и эта ограниченная задача должна казаться людям необычайно важной, чтобы иметь решимость и волю достигнуть ее, чтобы принести во имя ее любые жертвы. Иными словами, чтобы достигнуть цели, надо видеть дальше нее, а это невозможно без вдохновения, без увлечения. Вот здесь-то и помогает людям литература, которую создают такие же увлеченные люди.

Однако проходит время, и как бы ни было значительно, как бы ни было благородно и необходимо само по себе увлечение, оно кончается. И остывает интерес к тем книгам, которые порождены были временной заботой. На главном пути к главной цели другие заботы выводят на первый план, торопя появление новых книг. Но за этой литературой, «...отражающей временные интересы общества, как ни необходима она для народного развития, есть другая литература, отражающая в себе вечные, общечеловеческие интересы, самые дорогие, задушевные сознания народа, литература, — писал Лев Толстой, — доступная человеку всякого народа и всякого времени, и литература, без которой не развивался ни один народ, имеющий силу и сочность».

Лишь время, а не временные оценки, позволяет оценить такую литературу. Впитав в себя опыт поколений, народное представление добра, такие книги становятся духовным богатством человечества, освещая людям их многотрудный путь.

При всем могуществе современной техники не изобретено еще, нет таких устройств, которые могли бы подсчитать в душах людей то действие, которое произвели на них книги. А впрочем, зачем считать? Важно то, что книги пробуждают в людях добрые чувства, делают их способными воспринимать радость других, как свою, бороться за победу разума и счастья. Этими драгоценными свойствами наделены книги Паустовского.

ГРИГОРИЙ БАКЛАНОВ

Загадки Проекты Открытия

А. ЧУАДЗЕ (АБАСТУМАНСКАЯ ОБСЕРВАТОРИЯ):

Открыта Сверхновая в галактике 3.389, в созвездии Льва! Когда телескопы обнаружили вспышку, Сверхновая светилась так же, как вся эта колоссальная галактика, отстоящая от нас на расстоянии 40 миллионов световых лет, и была в два миллиарда раз ярче нашего Солнца.

ПЛЕМЯ АМАЗОНК обнаружено в малайских джунглях. В этом племени «правом гражданства» пользуются только женщины и дети. Мужчины в это царство «слабого» пола имеют право приходить только раз в месяц — остальное время они живут отдельно и целиком подчиняются «амазонкам».

НА ДНЕ НОРВЕЖСКОГО МОРЯ советские магнитологи во время рейса немагнитной шхуны «Заря» обнаружили гигантский прогиб, который проходит вдоль всего побережья Норвегии и продолжается за его пределами. Доктор физико-математических наук М. Иванов считает, что этот прогиб имеет примерно такое же строение, как и глубоководные «желобы» Тихого океана.

НА ПОВЕСТКЕ ДНЯ—ЧЕЛОВЕК-АМФИБИЯ. В английском «Сайенс джорнэл» и ряде других изданий появились сенсационные сообщения: после соответствующей обработки наземные существа могут дышать под водой.

Опыты проводились на мышах и собаках. После небольшой хирургической операции рот, легкие и некоторые другие полости тела подопытных животных заполнялись физиологическим раствором, обогащенным кислородом. Все это, судя по сообщениям, давало возможность животным долгое время находиться под водой. Исследователи, проводившие эти опыты, считают, что человек, подготовленный подобным образом, сможет в течение двух часов находиться под водой без воздушного шланга, акваланга или любого другого приспособления для дыхания.

Опубликованы также сообщения о том, что два аквалангиста, Роберт Стеньюит и Фрэнсис Фейлчик, дали согласие подвергнуться обработке и стать «людьми-амфибиями».

Л. КРИВЕНКО,
В. ОРЛОВ (фото),
наши специальные корреспонденты

КАМНИ

ывает и так: уезжаешь одним человеком, а приезжаешь как бы другим.

Вчера, когда за оборванным лесом вдруг открылись трубы, цистерны, поселки в мачтах телевизионных антенн, река с коричневой, неотстоявшейся водой, скалы, растворяющиеся в туманной дали, я просто безучастно отсчитывал все, что набегало и уходило, только потому, что когда-то очень давно все это уже видел.

Если не видел, то читал.

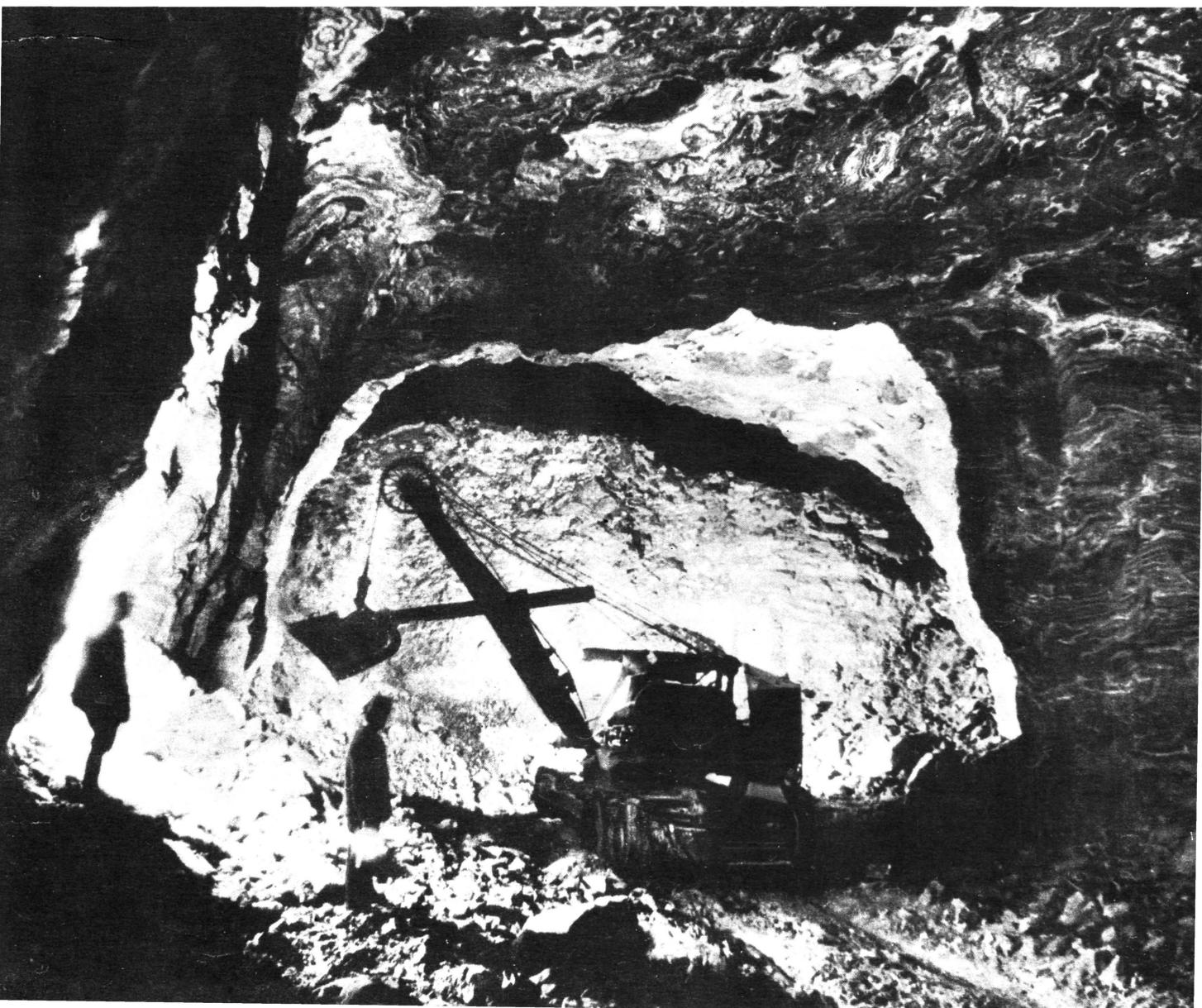
...Опять леса. Ель, береза — все деревья одного роста. Дальние деревья карабкаются в гору, хотя самих гор почти и не видно. Это Урал. Западный Урал.

Станция Чусовская. Мощный поворот реки, мощные скалы и картонные вгрызшиеся в землю домики. И домики, и эти сторожевые скалы, и реку со всплывающей водой я разглядывал так, как изучают расписание, бездумно отмечая маршрут передвижения.

Городской человек, приезжая в большой город, в Казахстане этот город или в Ивановской области, чувствует себя в знакомой обстановке: мы так привыкли к строительству, что воспринимаем его как дело обычное и должное.

И в Березниках — городе башенных кранов — я ходил как дома: просто не замечал того, с чем сжился. Что меня по-настоящему удивило, так это косматая лошадь, бойко трусившая по центру города. Удивлял здесь и черный покосившийся бревенчатый домик, уцелевший в окружении новых корпусов, как случайность, как соляные варницы или Строгановские палаты, как предмет, дожидющийся переселения в краеведческий музей, — домик, ждущий бульдозера.

А городу стукнуло всего 35 лет. Я и то старше. О тех годах, когда город родился, хранят память названия улиц: «Индустриальная», «Челюскинцев», «Пятилетки».

Город химической индустрии Березники разрастался, как и все наши города: новые заводы — новые кварталы.

А когда открыли месторождение калийной соли, то возник первый калийный комбинат. В лесах и кранах растет второй. За вторым уже светятся вышки третьего комбината. В проектах — четвертый, пятый. Такова эстафета новой истории. И все это я воспринимал как привычное до тех пор, пока не очутился под землей.

...Клеть падала вниз так стремительно, словно ее столкнули в яму. И неожиданно мягкое приземление. Это спустили в шахту очередную смену. У каждого — фонарь, разбрасывающий неяркий свет. Чем глубже мы уходим в подземелье, тем ветер дует слабее, и, наконец, все опускается в безветренную тишину. Штольня похожа на железнодорожный туннель с рельсами и гладкими, словно зубилом обтесанными, стенами. Отвесная лестница со ступеньками, словно вырубленными в скале: кажется, что здесь в давящей на голову глухой тишине конец или начало разработок. Но вдруг осветился новый штрек. Штрек то раздваивается на отсеки, то снова тянется улицей и опять где-то впереди погружается в полумрак.

Глубина триста метров. Это уже конец, которого все ждешь. Снова огонек. Он оказался входом в ремонтную мастерскую. Дальше штрек сузился. Пылевой мрак. Это уже тупик, и вдруг тупик раздвинулся в неожиданную под землей котловину. Кажется, что над головой черное далекое небо. Глаз начинал буравить темноту, как это бывает ночью возле костра, когда хочется отделить деревья, только что протоптанную тобой тропинку...

Черное небо вдруг слизнулось вспышкой. Раздался грохот. Это... работа взрывников.

Опятьдвигающиеся фонари. В глубине огромной пещеры — котловины, содрогаясь, вгрызлся в породу жучок-экскаватор. С жестяным грохотом он сваливал руду в подставленное тело самоходной вагонетки.

И в двигающихся огнях вагонеток и в дрожащем огне экскаватора пещера то светлела, то тускнела: обгрызенные стены отливали красновато-розоватым цветом, прослоенным белыми, бурыми прожилками. Вспыхивали блестящие металлы, соли.

Вот он — камень плодородия.

И всплыла фраза из давно позабытого школьного учебника: «Когда листья чернеют с краев, корябятся, а затем и отмирают, а само растение плохо растет, это говорит о том, что оно испытывает недостаток в калии. Известно, что земля не бесконечно плодородна».

Да, мне это хорошо известно.

Неизвестно только было, пока я учился в школе.

...Целый город под землей жил, казалось, своей жизнью под другим, стоявшим наверху городом. Но обособленность эта только кажущаяся. Город внизу словно держит на себе то, что цветет наверху. Это особенно сильно чувствуешь по тому облегчению, которое испытываешь, когда снова выходишь к штольне, в которой тебя охватывает ветер — близкое дыхание наружного города. Нервом, который связывал с дышавшим наверху городом, ощущались огоньки шахтеров. Тот, кто держался маршрутом этих огней, тот как бы поддерживал постоянную связь с тем, что оставил снаружи.

...Над верхним городом уже разрастался вечер. Всюду горели, перемещались легкие огни. Казалось, что это были ослабевшие огни шахтерских ламп, вышедших просто подышать свежим воздухом, или, сгрудившись, что-то сообща обсудить и понять, или

зарядиться запасом энергии, чтобы с восходом солнца, перед тем как снова уйти в подземелье, растаять в рассветном дыме. Огни здесь не гасли; они только уходили, обозначая путь новых скважин, составляя дома, образывая магистрали, — уходили в отодвигающийся от города лес и одиночные мигали. Это огни новых вышек.

...Да, бывает и так: уезжаешь одним человеком, а приезжаешь другим, не то что другим, а все-таки... словно бы и сам начинаешь испытывать калийный голод. Мимо бежали те же поселки, те же станции, тот же лес. Знакомый уральский ландшафт. Привычный и в чем-то непривычный. Вот равнина... Поля. Все так хорошо знакомое вчера и в чем-то уже невчерашнее. И во всем что-то есть уже не вчерашнее, даже в людях.

Как когда-то в счастливом детстве хотелось выпотрошить игрушку и узнать, что там у нее запрятано такое, что заставляло двигаться колесики, так и теперь вдруг захотелось разглядеть, что там внутри вот под этим обросшим мхом камнем, вот под этой беснующейся рекой, вот под этим придавленным молчанием лесом, — приподнять и посмотреть, но не для того, чтобы сломать, а для того, чтобы вложить еще большую жизненную силу — силу камней плодородия.

Словно я держал теперь в своей руке лампу шахтера, которую по случайной счастливой забывчивости я не оставил в проходной.

Загадки Проекты Открытия

КАНДИДАТ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАУК Э. ПАЛИЕНКО:

Человек каменного века жил у Полярного круга! Это сенсационное сообщение было сделано советскими исследователями Тимофеевым и Гусляндером, обнаружившими палеолитическую стоянку вблизи Приполярного Урала. До этого палеолитические стоянки находили лишь в более южных районах Европы и Азии да в тропическом поясе.

Пока еще трудно определить все значение этого открытия. Оно приоткрывает новые страницы не только истории человечества, но и геологического прошлого Земли. На стоянке ученые обнаружили рядом с грубыми каменными орудиями, отщепами, костями мамонта и остатки белого медведя. Но ведь белый медведь — житель побережья. Неужели Ледовитый океан 50 тысяч лет назад — время, которым ученые датируют найденную стоянку, — доходил до этих, ныне глубоко «сухопутных» мест? Во

всяком случае, предварительные геологические исследования подтверждают эту догадку. Будущие изыскания покажут, насколько это открытие изменит и наши представления о расселении древнейших людей и палеогеографическую карту мира.

ДОКТОР ФИЗИКО-МАТЕМАТИЧЕСКИХ НАУК Н. КОЗЫРЕВ: В кольцах Сатурна обнаружена атмосфера. Получены прямые свидетельства наличия в них водяного пара.

Атмосфера колец Сатурна чрезвычайно разрежена — ее плотность примерно в миллиард раз меньше плотности земной атмосферы, а толщина равна пятидесяти тысячам километров.

КРУПНЕЙШЕЕ ОТКРЫТИЕ ЗА ПОСЛЕДНИЕ СОРОК ЛЕТ в области палеонтологии — так охарактеризовали многие ученые результаты работ польского палеонтолога Софьи Кьелан-Жаворовской в Монголии. Экспедицией польского ученого найдено пятнадцать черепов представителей примитивных млекопитающих, живших 120 миллионов лет назад, в эпоху динозавров. До сих пор в музеях мира хранилось только четыре таких черепа. Профессор Малькольм Макена из Музея естественной истории в Нью-Йорке заявил, что ни один палеонтолог не добивался таких результатов с

тех пор, как Рой Эндрюс в 1920 году обнаружил яйца динозавров.

В ДЖУНГЛЯХ НОВОЙ ГВИНЕИ обнаружено неизвестное науке племя. Около тысячи жителей его живут в маленьких деревушках, разбросанных на небольшой площади около экватора, до сих пор еще не исследованной учеными...

В СОЗВЕЗДИИ КАССИОПЕИ американские астрономы после тщательного изучения спектра источника радиоизлучения обнаружили гидроксил — один из основных компонентов нашей земной атмосферы. Это открытие подтверждает предположение советского ученого И. Шкловского о том, что в межзвездном пространстве присутствует гидроксильная группа — основа органической жизни.

РАДИУС ЗЕМЛИ с точностью до плюс — минус восьми метров подсчитал сотрудник Смитсоновской обсерватории Д. Вейс. По его подсчетам, основанным на результатах десятков тысяч наблюдений, полученных с помощью тринадцати искусственных спутников Земли, радиус экватора нашей планеты составляет 6378,169 километра.

(По страницам советской и зарубежной прессы)

КРУГ НЕДОВЕРИЯ

Марс был пыльной, ледящей душу преисподней кроваво-красного цвета. Они шли друг за другом, мысленно проклиная неизвестного им техника, который предложил столь неудачные конвертеры для скафандров. Когда они примеряли скафандры на Земле, дефект не обнаружился. А сейчас, после нескольких недель — на тебе! Поглотители влаги через некоторое время переполнились и отказали. Атмосфера Марса имела постоянную температуру минус шестьдесят градусов по Цельсию, а с них градом катил пот.

Морли замотал головой, чтобы стряхнуть капли пота со лба, и в то же мгновение на его пути оказался какой-то рыжий мохнатый зверек. Первое доказательство наличия на Марсе живых существ. Но в нем не возникло любопытства ученого, лишь одна злость. Пинком он отбросил зверька в сторону. И тут же потерял равновесие и медленно повалился навзничь, его скафандр зацепился за острую грань лежавшего на обочине камня.

Тони Бенермэн услышал сдавленный крик напарника и оглянулся. Морли лежал на земле, мучительно пытаясь заткнуть перчатками дыру на колене. Воздух с легким шипением вырывался на свободу и мгновенно превращался в мерцающие кристаллики льда. Тони бросился к другу. Увидел выражение ужаса в его глазах и синеву, из-за недостатка кислорода мгновенно покрывшую лицо Морли.

— На помощь! На помощь!

Морли закричал с такой силой, что задрожали мембраны шлемофона. Но помощь было нечем. Они не захватили с собой пластыря — он остался в корабле, в четырехстах метрах отсюда. Пока Тони добежит до корабля и вернется, Морли уже умрет.

Тони выпрямился и вздохнул. Их было всего двое, и некому прийти им на помощь. Морли поймав, наконец, взгляд Тони и спросил:

— Безнадежно, Тони... Я мертв, да?

— Еще не кончился кислород. Осталось не больше тридцати секунд. Ничем не могу тебе помочь.

Морли выругался и нажал красную кнопку у запястья. Рядом с ним «раскрылась» поверхность Марса; песок с шуршанием посыпался в отверстие. Тони отступил на несколько шагов: из отверстия появились двое в белых скафандрах с красными крестами на шлемах. Они уложили Морли на носилки и снова исчезли. Тони с некоторым недоверием смотрел на то место, где только что лежал Морли, и тут снова открылась засыпанная песком дверь и ему выбросили скафандр с куклой.

Тони остался наедине с необозримой песчаной пустыней.

Кукла в скафандре весила столько же, сколько Морли, а ее пластиковое лицо имело даже какое-то сходство с ним. Кто-то из шутников перечеркнул глаза куклы черными крестами. Очень весело, подумал Тони, взваливая на себя нелегкую ношу, и отправился обратно. Дошел до того места, где не-

подвижно лежал марсианский зверек. Пнул ногой, и из зверька посыпались пружинки и колесики.

Когда он добрался до корабля, солнце, освещавшее вершины красных гор, казалось удивительно маленьким. Сегодня уже поздно хоронить, придется подождать до завтра. Оставив куклу, он взобрался в кабину и снял с себя мокрый скафандр.

Между тем спустились сумерки, и существа, которых они назвали «совами», принялись снаружи скрести стенку корабля. Космонавтам ни разу не довелось увидеть хоть одну «сову» своими глазами; тем более их раздражал этот нескончаемый скрежет. Разогревая ужин, Тони стучал тарелками и термосами как можно громче, чтобы заглушить неприятные звуки. Поев, он впервые ощутил одиночество. Даже жевательный табак сейчас не помогал, он лишь напомнил о ящике сигар, ожидавшем его на Земле.

Ногой он задел тонкую подставку стола, и все тарелки, термосы и ложки полетели на пол. Он с удовлетворением взглянул на učinенный им беспорядок, оставил все как есть и лег.

На сей раз они были уже у самой цели. Что стоило Морли вести себя поосторожнее?! Тони отмахнулся от этой мысли и вскоре уснул.

Утром он похоронил куклу. Оставшиеся до старта два дня он провел, соблюдая величайшую осторожность. Аккуратно сложил геологические образцы, проверил исправность механизмов и автоматов.

На третий — вынул записывающие устройства из приборов и отнес все ненужные более записи и инструменты подальше от корабля. Делать было решительно нечего, не осталось ни одной непрочитанной брошюры. Два последних часа Тони провел в постели, считая заклепки на потолке кабины.

Тишину нарушил четкий щелчок контрольных часов, и он услышал, как за толстой стеной взревели моторы. Одновременно в стене кабины раскрылась дверца, появилась «рука» со шприцем, похожая на змею, ее металлические пальцы ошупали его. Последнее, что увидел Тони, — жидкость из шприца, переливающаяся в его вену, и забылся.

Едва это произошло, открылся широкий люк, вошли два санитара с носилками. На них не было ни скафандров, ни защитных масок. В прямоугольнике люка виднелось голубое небо Земли.

Проснулся он в своем обычном состоянии. Полежал еще несколько секунд с закрытыми глазами, не желая расставаться с теплом постели. Открыв, наконец, глаза, взглянул на белый потолок операционного зала.

Но на сей раз не увидел ничего, кроме багрового лица и угрожающе сдвинутых бровей склонившегося над ним полковника Стюэхэма. Тони попытался вспомнить, нужно ли отдавать честь в кровати, но решил все-таки не двигаться.

— Черт побери, Бенермэн, — проворчал полковник, — рад видеть вас на Земле. И зачем вы, соб-

ственно, вернулись? Смерть Морли означала крах всей экспедиции, а это значит, что мы не можем похвастаться ни одним удачным запуском!

— А парни из второго корабля, сэр? Как дела у них? — Тони силится говорить бодро и весело.

— Ужасно. Еще хуже, чем у вас, если такое вообще возможно. Оба погибли на другой день после приземления. Осколок метеорита попал в резервуар с кислородом. Они так увлеклись анализом местной флоры, что не обратили внимания на показания мерительных приборов. Но я здесь по другому делу. Наденьте что-нибудь и — ко мне.

Он зашагал к выходу, и Тони поспешил выбраться из постели, не обращая внимания на легкое недомогание — следствие последних уколов. Когда говорят полковники, лейтенантам приходится повинываться.

Когда Тони вошел, полковник Стьюхэм с мрачным видом глядел в окно. Отвечив на приветствие, он предложил лейтенанту сигару. Тот закурил, и полковник обратил его внимание на стартовую площадку, которая виднелась за окном.

— Видите? Знаете, что это?

— Да, сэр. Ракета на Марс.

— Она только станет ракетой, пока это лишь ее

корпус. Двигатели и приборы собираются сейчас на заводах, рассеянных по всей стране. При нынешних темпах ракета будет готова не раньше чем через шесть месяцев. Ракета-то будет готова, но людей для нее — людей у нас нет. Если так пойдет дальше, ни один не сможет выдержать испытаний. Включая и вас.

Тони нетерпеливо заерзал на стуле.

— Такая программа подготовки с самого начала была моей идеей. Я разработал ее и внушил Пентагону, что она единственно возможная. Мы знали, что в состоянии построить корабль, который сможет приземлиться на Марсе, а потом вернуться на Землю, корабль, который преодолет любые трудности и помехи. Но нам необходимы люди, которые ступят на поверхность планеты, смогут исследовать ее, иначе вся затея — чужь, и ничего более.

Сам корабль и пилот-робот могли быть испытаны во время «симулированных полетов» — за это время можно устранить мелкие недочеты и уточнить расчеты. Смысл моего предложения — в конце концов его приняли — заключался в том, чтобы космонавты, которым придется лететь на Марс, прошли именно такую подготовку. Мы построили две барокамеры и симуляторы, способные воспроизвести любую мыслимую на Марсе ситуацию. Мы по восемнадцать месяцев гоняем в барокамерах экипажи, чтобы подготовить их к настоящему полету.

Не буду вам сообщать, сколько людей было к началу опытов, сколько раненых попало в госпитали из-за вынужденной реальности обстоятельств в барокамерах. Одно могу вам сказать: за прошедшее время удачных симулированных запусков не было. Все, кто не выдержал, или, подобно вашему напарнику Морли, «погиб», выбыли из игры.

И вот теперь у нас осталось четыре кандидатуры, в том числе вы. Если мы не сумеем создать удачный экипаж из двух космонавтов, весь проект пошел насмарку.

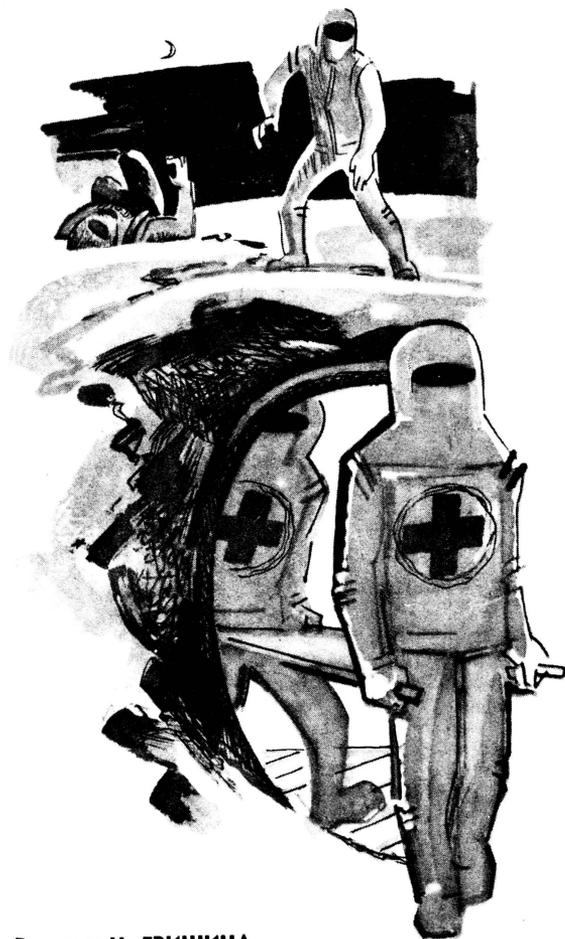
Тони похолодел. Он знал, что в последнее время давление фирм, финансировавших полеты, на руководителей испытаний становилось все сильнее. Поэтому-то полковник Стьюхэм и кидался на всех раненых медведем. Полковник прервал его мысли.

— Эти умники из института психологии кричат на всех углах, что обнаружили решающую ошибку в моей программе. Раз, дескать, речь идет о тренировочных полетах, то испытуемые не смогут отделаться от ощущения, что игра не опасна и что в случае катастрофы их в последний момент спасут, как вашего Морли, например. Результаты последних опытов заставляют меня думать, что психологи правы.

В моем распоряжении четыре человека, и для каждой пары будет проведено по одному испытанию. Но теперь это уже будут генеральные репетиции, на сей раз мы пойдем на все.

— Я не понимаю, полковник.

— Очень просто, — Стьюхэм подчеркнул свои слова ударом кулака по столу. — Впредь мы не станем оказывать помощи. Никого вытаскивать не будем, как бы срочно это ни требовалось. Опыты проведем в наитруднейшей обстановке. Мы обрушим на вас все, что имеем, а вы — вы должны выдержать. Если в этот раз кто-нибудь порвет свой скафандр, он умрет в марсианском вакууме, в нескольких метрах от чистейшего воздуха Земли.

Рисунки Н. ГРИШИНА

На прощанье его голос несколько смягчился: — Я был бы рад, если бы мог предложить вам выбирать, но выбора нет. К будущему месяцу нам нужен надежный экипаж для полета, и только таким образом мы можем его составить.

Тони дали трехдневный отпуск. В первый день он напился, на второй — страдал от головной боли, на третий — от бессильной злости. Все, кто участвовал в испытаниях, были добровольцами, и подвергать их смертельной опасности — это уж слишком. Теоретически он, конечно, мог бросить все к чертям, когда ему заблагорассудится, но он-то знал, чем это ему грозит. Оставалось одно: согласиться с этой нелепой идеей. Пройти все, что от него потребуется. Но после испытаний он поговорит с полковником по-свойски.

На врачебном осмотре он встретился со своим новым напарником, Эллом Мендозой. Познакомились они еще раньше, на теоретических занятиях. Подавая друг другу руки, оба думали об одном: что их ждет? Двое — экипаж. Жизнь одного зависит от навыков и решимости другого.

Высокий, худощавый, Мендоза был полной противоположностью приземистому крепышу Тони. Хладнокровие Тони, иногда кажущееся медлительностью, восполнялось нервной напряженностью Элла.

Если Элл выдержал все испытания, значит он кое на что годится. Как только начнется полет, невозможность Элла скорее всего пройдет.

После осмотра они, как обычно, надели летные костюмы и пошли в другое здание.

Вход в мощный куб здания был открыт, и они ступили на лестницу, ведущую в космический корабль. Врачи уложили их, сделали инъекции, симулирующие состояние невесомости, и вскоре космонавты забылись сном.

Пробуждение сопровождалось обычной слабостью и вялостью. Куда уж натуральнее... Тони подошел к зеркалу и подмигнул отражению. Он никак не мог отделаться от страха, что однажды такой тренировочный полет окажется настоящим полетом на Марс. Логика подсказывала, что армия не отказалась бы от такой блестящей рекламы. Представление что надо! И поэтому он так нервничал в начале каждого «сухого» полета.

Тони переборол слабость, огляделся. Во время испытаний нельзя терять времени. Необходимо проверить приборы. Элл сидел на койке. Тони махнул ему рукой.

В то же мгновение ожил приемник. Сначала слышались только посторонние шумы, потом их заглушил голос офицера-тренера.

— Лейтенант Бенермэн, вы уже проснулись?

— Так точно, сэр.

— Одну секунду, Тони, — сказал офицер и заборотал что-то — очевидно, говорил с кем-то стоящим рядом. Потом отчетливо донеслось: — Отказал один из вентилях; давление превышает расчетное. Примите меры, пока мы не снизим давление.

— Слушаюсь, сэр, — ответил Тони и отключил микрофон, чтобы вместе с Эллом посоветоваться на показное «трудолюбие» своих воспитателей. Несколько минут спустя приемник снова затрещал.

— Порядок, давление нормальное. Продолжайте.

Тони показал своему невидимому собеседнику язык, прошел к соседнему отсеку. Повернул рычаг, желая сделать видимость четче.

— Ну, на этот раз по крайней мере все спокой-

но, — сказал он, увидев красноватые отсветы. Вошел Элл, заглянул ему через плечо.

— Да здравствует Стьюхэм! В прошлый раз, когда «погиб» мой напарник, все время дул жуткий ветер. А сейчас, похоже, атмосфера неподвижна.

Они тоскливо уставились на знакомый красноватый ландшафт, затем Тони отправился к приборам; Элл достал из шкафа скафандры.

— Сюда, скорее!

Элла не требовалось звать дважды. Стоя у контрольного пульта, он следил за указательным пальцем Тони.

— Резервуар с водой! Судя по указателю, он заполнен только наполовину!

Они сняли щиты, преграждавшие доступ к резервуару. Тоненькая струйка ржавой водицы текла по его крышке. Вооружившись фонарем, Тони протиснулся к резервуару и осветил трубки. Его голос звучал в тесном отсеке резко и отчетливо:

— Черт бы побрал Стьюхэма с его фокусами: опять его проклятые «каварины при посадке». Лопнула соединительная трубка, вода просачивается в изоляционный слой. Никак нам до нее не добраться, разве что мы разломаем полкорабля? Поддай-ка мне склейку, я замажу отверстие, пока мы не сможем взяться за ремонт.

— Впереди — месяц засухи, — пробормотал Элл, изучая показания других приборов.

Первые дни не отличались от начала прежних испытаний. Они водрузили флаг и принялись переносить приборы. Наблюдательные и измерительные приборы были установлены за три дня; затем они вытащили из корабля теодолиты и начали делать стемку. Несколько дней спустя стали собирать образцы местной фауны.

И тут они впервые обратили внимание на пыль.

Тони с трудом пережевывал какую-то подозрительно зернистую порцию еды и тихо ругался: проглотить можно было, лишь обильно запивая еду водой. Проглотив, он оглядел аппаратную.

— Ты уже заметил, как здесь пыльно?

— Как не заметить! Мой костюм так запылился, что стал похож на муравейник.

Они впервые отчетливо уяснили себе, как много пыли в корабле. Все — и волосы, и костюмы, и еда — покрылось красноватым налетом. Пыль скрипела при каждом шаге, куда ни ступи.

— Мы сами заносим ее сюда, на себе, — сказал Тони. — Давай будем перед входом в корабль отряхивать друг друга.

Хорошая идея, а не помогла. Красная пыль была мелкой, как пудра, и, что они ни придумывали, она не желала исчезать — наоборот, она окружала их, словно облако. Они пытались забыть о пыли, думать о ней как об очередной фантазии техников Стьюхэма. Какое-то время это удавалось, но неделю спустя они не смогли закрыть внешнюю дверь воздушного шлюза. Они вернулись из двухдневного похода. С трудом втащили свои тяжеленные мешки с геологическими образцами в камеру шлюза, отряхнули друг друга, потом Элл нажал рычаг. Наружная дверь начала открываться — и вдруг остановилась. Сквозь подошвы ботинок они ощутили, как завибрировали двигатели автоматических дверей. Затем двигатели отключились, заморгала красная лампочка.

— Пыль! — крикнул Тони. — Проклятая пыль попала в механизм!

Они сняли предохранительный щиток, заглянули во внутренности двигателей. Красная пыль смешалась со смазочным веществом. Образовались немислимые бурые «пирожки». Но обнаружить неисправность оказалось гораздо легче, чем ее устранить. В карманах костюмов были лишь простейшие инструменты. Большой ящик с инструментами и различными растворами, которые могли быстро помочь в создавшемся положении, находился в-

ри корабля. А они не могут попасть внутрь. Парадокс, но здесь уж было не до смеха.

Им понадобилась всего лишь секунда, чтобы сообразить, какая опасность им угрожает, и целых два часа, чтобы худо-бедно исправить двигатели, закрыть наружную и открыть внутреннюю дверь. Когда, наконец, внутренняя дверь шлюза открылась, указатели их кислородных приборов стояли на отметке «ноль», пришлось прибегнуть к НЗ.

Элл снял шлем и тут же повалился на кровать. Тони показалось, что напарник потерял сознание, но глаза его были открыты, и он уставился в потолок. Тони открыл единственную бутылку коньяку — для медицинских целей — и влил Элли в рот. Глотнул сам. Заметил, как дрожат руки Элла. Занялся более тщательной проверкой дверных механизмов, а когда работа подошла к концу, Элл уже справился с собой и принялся готовить ужин.

Если не считать пыли, испытания проходили нормально. Днем собирали образцы и проводили измерения; несколько свободных часов, затем — сон. Элл оказался прекрасным напарником и лучшим шахматистом из всех, с кем Тони летал прежде. Вскоре Тони стало ясно: то, что он поначалу принял за невозможность, оказалось на деле неистощимой нервной энергией. Элл лишь тогда был в своей тарелке, когда занимался каким-нибудь делом. С головой уходя в každодневную работу, он и к вечеру сохранял столько сил и бодрости, что за шахматной доской начисто переигрывал своего зевающего противника. Характеры космонавтов были несхожи; может быть, потому-то они прекрасно ладили.

Все бы хорошо — только вот пыль! Она была повсюду, ее становилось больше и больше. Тони злился, но старался не показывать виду. Страдания Элла были заметнее. От пыли он испытывал постоянный зуд, выходил из себя. Вскоре его начала мучить бессонница.

А неумолимый песок постепенно проник во все отсеки и механизмы корабля. Приборы стало лихорадить так же, как и нервы людей. Они постоянно ощущали жажду и знали, что воды может не хватить, если отлет задержится хоть ненадолго. Все это доводило их до отчаяния.

На тринадцатый день заспорили о водном рационе, и дело чуть не дошло до драки. Два дня не разговаривали. Тони заметил, что Элл всегда носит с собой геологический молоток, и решил на всякий случай обзавестись ножом.

На восемнадцатый день Элл взорвался. Его докучала бессонница. Они как раз надевали скафандры, и вдруг Элл затрясся всем телом, его било, словно в ознобе, пока Тони не уложил его на постель и не влил ему в рот остатки коньяка.

Припадок прошел, но он все равно отказывался выйти из корабля.

— Я не хочу... я не могу! — кричал он. — Скафандры тоже долго не протянут, они сдадут, когда мы будем на поверхности... я больше не выдержу... мы должны вернуться.

Тони попытался образумить его:

— Ничего не выйдет. Тебе известно, что испытания проводятся в условиях настоящего полета. Нам нужно пробыть здесь четыре недели, не меньше. Осталось десять дней. Столько ты выдержишь. Четыре недели — минимальное время для пребывания на Марсе. Так высчитали армейские специалисты. Все планы подготовлены с учетом этого срока. Радуй-

ся, что нас не заставляют просидеть здесь целый марсианский год...

— Брось ты эти глупости! — взорвался Элл. — Мне абсолютно все равно, что будет с первой экспедицией. Точка. Это была моя последняя тренировка. Я не хочу подыхать только потому, что какому-то службисту кажется, будто проверка в сверхтяжелых условиях — единственно правильный метод тренировки.

Он вскочил с постели и, не давая Тони произнести ни слова, бросился к контрольному пульта. Как всегда, второй справа была кнопка «Опасность», но они не знали, подключили ли эту кнопку к системе оповещения или нет. И получат ли они ответ, если даже связь существует. Элл без конца нажимал на кнопку. Они уставились на приемник, боясь вздохнуть.

— Подлецы, мерзавцы, они не отвечают, — прошептал Элл.

Потом в приемнике что-то щелкнуло, и холодный голос полковника Стьюхэма наполнил рубку корабля.

— Условия испытаний вам известны. Причина для досрочного окончания испытаний должна быть весьма основательной. И так?

Элл схватил микрофон, и слова, жалобные и злые одновременно, так и полились. Тони сразу понял, что все бесполезно. Он мог заранее предсказать реакцию Стьюхэма. Динамик прервал Эллу:

— Достаточно. Ваши объяснения не могут оправдать изменения предварительного плана. Вы должны рассчитывать только на себя. Действуйте так и впредь. Я отключаюсь окончательно. До завершения испытаний вам не имеет смысла вступать со мной в радиосвязь.

Репродуктор щелкнул безнадежно и сухо.

Элл был подавлен и разбит, по его щекам катились слезы. Когда он поднялся, Тони понял, что это были слезы гнева. Элл вырвал микрофон из гнезда, швырнул его в динамик.

— Ну, полковник, дайте срок, кончится испытание — мои пальцы узнают, крепка ли ваша шея! — оглянувшись, он увидел Тони. — Дай-ка мне ящик аптечки. Я докажу этому идиоту, что ему не удастся прослыть после этой истории первооткрывателем!..

В аптечке нашлись четыре ампулы с морфием. Элл схватил одну из них, отбил головку, заправил шприц и ввел себе в руку. Тони не пытался удержать его. Две минуты спустя Элл лежал на столе и храпел. Тони поднял его и перенес на койку.

Элл проспал почти двадцать часов; когда он проснулся, безумие и усталость разжали тиски, сжимавшие его. Оба не проронили ни слова о происшедшем.

До старта осталось четыре дня, когда Тони обнаружил на Марсе первые признаки жизни. Многоногое существо величиной с кошку ползло по стенке корабля. Он подозвал Эллу.

— Черт побери! — вскричал тот. — Но оно все-таки не такое хитроумное, как то, что они подсунули мне во время второй тренировки. Тогда я нашел какую-то змееподобную штуку, она выделяла что-то вроде клея. Я разобрал ее, хотя это запрещено правилами, — я зверски любопытен. Здорово они ее сделали — шестеренки, пружины, моторчик и тому подобное. Стьюхэмовские техники не лыком шиты. Вот, а потом мне объявили выговор. За то, что ее разобрал. Может, оставим все как есть?

Тони уже было согласился, но решил все-таки попробовать.

— А вдруг они не будут против? Давай посмотрим, что внутри. Я послезу за этой штуковиной, принесу из корабля пустую коробку.

Элл, ворча, полез в корабль. Внешняя дверь хлоп-

нула, и испуганное существо поползло в сторону Тони. Он вздрогнул и отошел. Потом сообразил, что перед ним всего-навсего робот.

— Фантазии техников можно позавидовать.

Существо шмыгнуло мимо Тони. Чтобы удержать его, Тони наступил на несколько ножек: из маленького тела их росли тысячи, как у чудовищного паука. Попеременно шевелясь, они переносили существо по песку. Сапоги Тони раздавили ножки, оторвали несколько из них.

Осторожно наклонившись, он поднял оторванные суставы. Снаружи они были покрыты многочисленными иголочками. Из места обрыва струилась жидкость, по виду напоминавшая молоко.

— Реальность, — сказал он самому себе. — Да, в реальности техники Стьюхэма знают толк!

И тут его поразила одна мысль. Жуткая, невозможная мысль, заставившая его похолодеть от ужаса. Он понимал, что это невозможно, неправдоподобно. Но он обязан убедиться, даже с риском уничтожить механическую игрушку.

Не снимая ноги с конечностей зверька, достал из кармана острый нож, нагнул. Резко ударил.

— Что, черт подери, ты там делаешь? — спросил подошедший Элл. Тони не мог выговорить ни слова, его будто громом поразило. Элл обошел вокруг него, уставился на лежащее в песке существо.

Секунду спустя он все понял и закричал:

— Оно живое! Из него течет кровь. Оно не может быть живым, а если оно живет, значит мы совсем не на Земле! Мы на Марсе!

Бросился бежать, упал, поднялся вновь, побежал к кораблю, страшно крича.

Тони действовал молниеносно. В припадке безумия Элл может погубить их обоих. Догнав напарника, Тони повалил его.

Элл пришел в себя, когда Тони раздел его и уложил на кровать. Удержать его одной рукой, чтобы другой сделать укол, было почти невозможно. Но в конце концов он изловчился и сделал укол, мгновенно усыпивший Эллу.

Тут отчаяние охватило и его.

Если зверек настоящий — значит они на Марсе. Не может быть и речи о «тренировке» — все это всерьез. Небо над головой вовсе не нарисовано, это настоящее небо Марса. Тони был одинок, как еще никто до него. На миллионы километров вокруг — ни души!..

Закрывая наружную дверь, он завыл от страха. Дикая, пронзительный крик погибающего... С трудом добрался до постели. Шприц со снотворным лежал наготове. Проткнул иглой скафандр. Несколько секунд спустя сознание оставило его.

С трудом поднял веки. Он опасался, что над головой окажутся сварочные швы на потолке корабля. Увидев белоснежный потолок лазарета, облегченно вздохнул. Повернув голову, встретился глазами с полковником Стьюхэмом, сидевшим на его кровати.

— Удалось нам, полковник? — спросил Тони. Это было скорее утверждением, чем вопросом.

— Удалось, Тони. Обоим. Элл рядом с тобой!..

Голос полковника звучал как-то по-новому. Тони не сразу понял почему. Просто первый раз полковник говорил с ними без озлобления.

— Первый полет на Марс. Можете представить себе, что напишут газеты. Но важнее то, что гово-

НОВЫЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР

— Байкальское отделение Сибирского научно-исследовательского института рыбного хозяйства открылся в городе Улан-Удэ. Озеро Байкал, Братское море, реки и озера Восточной Сибири будут научными «лабораториями» института.

АСБЕСТ В МУГОДЖАРАХ геологи искали полтора года. И вот однажды, пробираясь по трудной горной дороге урочища Бугетсай, экспедиция обратила внимание на черный провал, окруженный белесой оторочкой. Провал оказался волчьим логовом. Вокруг лежали куски асбеста. Исследования показали, что это третье по величине месторождение на Урале.

УЧЕННЫЕ ОПРЕДЕЛИЛИ границы зоны действия дунами в районе порта Усть-Камчатск. Скоро здесь начнется строительство нового поселка, который будет полностью защищен от «набегов» моря.

В ЭЛИСТУ ПОЙДУТ ПОЕЗДА. Заканчивается строительство трассы Дивное — Элиста длиной 102 километра. Столица степей соединится с общей сетью железных дорог страны.

ПОСЕЛОК ТАМДЫБУЛАК — центр крупнейшего в пустыне Кызылкум каракулеводческого района — переносится на новое место. Сейсмологи определили, что здесь, под самым поселком, находится разлом тектонического происхождения. Два года назад, когда заговорила подземная стихия, часть зданий пострадала — появились трещины. Теперь решено перенести поселок на новое, более спокойное место — в девяти километрах к западу от старого поселка. Проектируют новый Тамдыбулак ташкентские архитекторы.

ЛЕД ИЗ МОРСКОЙ ВОДЫ на судах, плавающих в экваториальных водах, можно изготовить за несколько минут с помощью нового льдогенератора. Установка создана в Ленинградском институте механизации рыбной промышленности. Ее мощность — тонна ледяных пластинок в час. Первые шесть льдогенераторов будут установлены на кораблях крупнейшей рыбопромысловой базы «Восток».

КЕНДЫРЛИК — ЭТА ТОЧКА НА КАРТЕ Восточного Казахстана скоро станет знаменитой. Здесь найдены уникальные залежи горючих сланцев в сочетании с каменным углем.

ФАКЕЛ ГАЗОВОГО МЕСТОРОЖДЕНИЯ осветил просторы таймырской тундры. Активные поиски газа здесь начались шесть лет назад. В прошлом году были открыты два небольших месторождения — Зимнее и Нижне-Хетское. И вот в верховьях реки Мессояхи и глубине 845 метров обнаружен мощный слой газоносных песчаников. Запасы «голубого топлива» по предварительным подсчетам составляют 80—100 миллиардов кубометров.

УНИВЕРСАЛЬНЫЕ БУЙКОВЫЕ СТАНЦИИ созданы советскими океанологами. Такие станции будут установлены на якорях или в глубинах океана. Собранный с помощью датчиков информация осядет в их электронной «памяти». Так одновременно будут исследоваться колебания температуры на огромных участках океана и на разных глубинах. В определенное время будет происходить замена «уставших» станций, сбор и обработка накопленной ими информации.

БОЛЬШИЕ ЗАЛЕЖИ БИРЮЗЫ открыты в Узбекистане. Геологи считают, что бирюза залегает здесь своеобразным ожерельем — от низовьев Аму-Дарьи на юго-восток через пустыню Кызылкум. На южных склонах Кураминского хребта уже начата добыча этого ценного минерала.

рят ученые. Анализы и ваши записи — просто клад. Когда вы установили, что вы не на тренировке?

— На двадцать четвертый день. Когда мы заметили марсианское животное. Мы дали маху — не поняли этого раньше, — в голосе Тони звучала досада.

— Отнюдь нет. Вся ваша подготовка была направлена на то, чтобы в подобной ситуации вы ничего не заметили. Мы не были уверены, можем ли послать космонавтов, не сообщая им правды. Психиатры были убеждены, что, зная правду, вы, космонавты, не выдержите. Я никогда с ними не соглашался.

— Но психиатры-то оказались правы, — выдал из себя Тони.

— Теперь мы знаем, что они правы, хотя тогда я ни за что с ними не мог согласиться. Психиатры одержали верх, и мы составили общую программу

полета в соответствии с их данными. Я, правда, сомневаюсь, что вы это оцените, но нам пришлось приложить массу усилий, чтобы убедить вас, будто вы все еще на тренировке.

— Извините, что мы доставили вам столько неприятностей, — сказал Элл.

Кровь бросилась полковнику в лицо — он ощутил всю горечь, заключенную в словах космонавта. Но продолжал говорить, словно ничего не слышал.

— Оба разговора, которые мы якобы вели с вами, были, разумеется, записаны на пленку и прокручены прямо в космическом корабле. Психологи составили текст, который подошел бы в любой ситуации. Что и имело место. Такой текст в ситуации крайней опасности придавал бы вам силы и уверенность. Общественность, конечно, никогда об этом ничего не узнает.

НОВЫЙ ВЕРТОЛЕТ МИ-8 прибыл на производственные испытания в Тюменскую область. МИ-8 хорошо приспособлен к условиям Севера, оснащен усовершенствованными приборами, которые позволяют летать в любую погоду. Новая машина может перевозить в пять раз больше грузов, чем МИ-4.

ПЕСЧАНАЯ ДАМБА, достигнув десятиметровой высоты, скоро пересечет один из заливов Куйбышевского моря. Проект дамбы разработан в Институте гидромеханики Академии наук СССР. Плотина из песка с ее пологими откосами будет напоминать обычный пляж. Она поможет полностью «гасить» энергию волн, надежно защитит береговые сооружения, а также создаст удобный бассейн для разведения рыбы.

КРУПНЕЙШИЙ В МИРЕ КОРОНОГРАФ — прибор для наблюдения короны Солнца построен в Советском Союзе. Он установлен недалеко от Кисловодска на горноастрономической станции Академии наук СССР. Диаметр главного объектива — 535 миллиметров.

КИМБЕРЛИТ — СПУТНИК АЛМАЗОВ обнаружен на юге Воронежского подземного хребта, находящегося под слоем осадочных пород. Ученые предполагают, что здесь, возможно, есть алмазы. Для проверки начато бурение пробных скважин.

СКВОЗЬ ДЕБРИ ЛЕСОВ И ТОПКИЕ БОЛОТА прокладывается нефтепровод Усть-Балык — Омск. Недавно закончено строительство так называемого северного плеча этой нефтяной реки. В село Демьянское, что на берегу Идтыша, пришла тюменская нефть. Ее приняли сборные резервуары.

— А корабль? — спросил Элл. — Мы же видели его — он был готов лишь наполовину.

— Муляж, — ответил полковник. — Для публики и журналистов. Настоящий корабль построен и испытан несколько месяцев назад. Самым трудным было найти экипаж для корабля. То, что я рассказывал вам о провалах остальных кандидатов, — чистая правда. Лучшими оказались вы. Но больше нам не придется так поступать. Психологи утверждают, что следующим экипажам будет гораздо легче: у них преимущество — перед ними в космосе уже были люди. Абсолютной неизвестности нет.

Полковник покусывал губу, заставляя себя произнести самые важные слова:

— Я хочу, чтобы вы оба поняли, что мне было бы легче самому лететь на Марс, чем вот так посылать вас. Я знаю, что у вас на душе... Как будто мы...

— Оставили нас в беде, — закончил за него Тони. Прозвучало это очень мрачно.

— Да, примерно так, — с жаром защищался полковник. — Но разве вы не понимаете, что мы не могли иначе, что вы были единственными, на кого мы могли положиться? Все остальные не выдержали. Остались вы двое, и мы обязаны были бить наверняка. Только я и еще трое людей знают, что произошло. И никто никогда не узнает, могу вам гарантировать!

Голос Эллы прозвучал негромко, но он словно ножом пронзил тишину.

— Будьте уверены, полковник, мы тоже никому не расскажем об этом полете.

Полковник Стьюхэм вышел из комнаты, низко опустив голову, не в силах взглянуть в глаза первым исследователям Марса.

Перевел с английского Е. ФАКТОРОВИЧ

Нобиле в дирижабле «Италия»,
1928 год.

В Вечном городе был карнавал. Я шел по празднично украшенным улицам, оглушенный взрывами хлопушек и петард, ослепленный облаками конфетти, и перебирал в уме бесконечные официальные титулы и звания человека, с которым должен был встретиться и имя которого мне было знакомо с детства. Я вспомнил, как впервые услышал его: сквозь треск отцовского детекторного приемника доносились слова: «Советский радиолобитель поймал позывные радиостанции дирижабля «Италия», потерпевшего катастрофу на пути от Северного полюса. Жив ли командор Умберто Нобиле? Что с остальными членами экипажа дирижабля?..»

С тех пор прошло почти сорок лет. И вот я в Риме, и иду к этому человеку с дирижабля «Италия», стараясь не забыть выученные накануне слова витеватого итальянского приветствия, и несу ему подарок от съемочной группы кинофильма «Не дать ему погибнуть» — деталь деревянной конструкции эллинга «Италии». Остатки этого эллинга до сих пор видны на берегу шпицбергенской бухты Кингсбей, откуда Нобиле вылетел к Северному полюсу.

...Дверь открыл сухошавый старик с добрыми голубыми глазами. И я, протягивая ему сверток, совершенно неожиданно для себя сказал:

— Здравствуйте, Умберто Викентьевич.

...Интервью, к которому я готовился еще в Москве, в редакции «Вокруг света», не получилось, хотя я провел у Нобиле не один час и у меня был прекрасный переводчик — дочь Нобиле Мария, блестяще владеющая русским языком.

Не получилось потому, что для Нобиле я был не просто художником фильма о ледовой эпопее, связанной с его именем, и корреспондентом журнала, а человеком, который сорок лет спустя был там, где когда-то стоял его готовый к вылету дирижабль, там, где «Красин», взламывая льды, шел к потерпевшим крушение, чтобы не дать им погибнуть. Не получилось потому, что Нобиле вспоминал, и я забыл о своих вопросах...

...Все живо еще в моей памяти — все связанное с экспедицией «Италии». Полет над полюсом, тридцать часов шторма, который настиг нас на обратном пути, мгновенный ужас катастрофы, тревога за судьбу товарищей, затерявшихся среди полярных пустынь...

(На обратном пути, обледенев и потеряв высоту, дирижабль ударился о льдину; гондола оторва-

В «Кают-компани «Вокруг света»

Умберто ди Винченцо Нобиле

лась, а корпус «Италии» скрылся в штормовом небе; семь человек — те, что были в гондоле, спаслись, о судьбе остальных ничего не известно до сих пор.)

Я помню прощание с Красной палаткой Мальмгрена, Мариано и Цалпи, радость того дня, когда после двух недель молчания мы узнали, что в России услышали наши позывные, рокот моторов итальянского самолета, который первым обнаружил нашу красную палатку, великий подвиг Амундсена, вылетевшего к нам на помощь, и, наконец, эпический поход «Красина», советского ледокола, которому семь моих товарищей обязаны жизнью.

...Я помню, как в первый же день после катастрофы к нам на льдину пришел белый медведь. Он спокойно, по-хозяйски все осматривал, обнюхивал. Мальмгрен попросил у меня наше единственное оружие — маленький, «дамский» пистолет, боевые качества которого были более чем сомнительны. Все затаив дыхание потянулись гуськом за Мальмгреном, вооружившись чем попало. Медведь не обращал на людей никакого внимания. И в это время моя собачка вдруг звонко и жалобно заскулила. Это было так неожиданно, что кто-то рассмеялся. И вслед за ним начали смеяться все. Казалось, ничто не сможет остановить этот смех.

ЧЕЛОВЕК С ДИРИЖАБЛЯ «ИТАЛИЯ»

Смех людей, потерявших контроль над своими нервами. Раздался выстрел. Смех оборвался — Мальмгрен вернул нас к действительности, где не было места для слабых нервов.

...До сих пор многие считают невыясненными все обстоятельства гибели этого замечательного человека. Цаппи, взволнованный кошмарными событиями долгого

могилу, так как понял, что чаеы его сочтены...)

Я уверен, что Мальмгрен умер своей смертью. Но мне кажется, что Цаппи слишком спокойно бросил умирающего ученого во льдах... Еще немного — и от этого убийственного равнодушия погиб бы и Мариано. Он умер бы так же, как и Мальмгрен, если бы их не увидел советский летчик Чухновский.

Трудно, конечно, брать на себя смелость осуждать за поступки и решения, сделанные в таких тяжелых обстоятельствах, но мне кажется, что Цаппи и Мариано поступили бы куда лучше, останься они вместе с Мальмгре-ном.

Потом мы узнали, что где-то в этом сером небе затерялся самолет Амундсена, который вылетел нам на помощь. И все споры с ним, которые были результатом моих недопониманий, я забыл в тот же день... Амундсен так и не узнал об этом... Я думаю, что если бы мы встретились еще раз, то нашли бы общий язык.

Амундсен был великий человек. Великий и гордый. У него была одна любовь — льды. И он не мог смириться с тем, что кто-то может оспаривать у него эту любовь. Я хочу когда-нибудь перед смертью сказать о происхождении и развитии нашей ссоры со всей объективностью, честностью, со всем тем великим уважением,

Con grande piacere invio un saluto ai lettori di Vokrug Sveta -

una rivista che conosco già da molti anni (difatti, nella mia biblioteca ne ho un volume dell'anno 1946).

ROMA, febbraio 1967.

Umberto

Vokrug

С большим удовольствием передаю привет читателям «Вокруг света» — журнала, который я знаю уже много лет (чтобы недалеко ходить за примером, могу сказать, что в моей библиотеке даже хранится номер журнала за 1946 год).

Рим, февраль, 1967 г. Умберто Нобиле.

перехода от лагеря к Большой земле, слишком несдержанно говорил об этой истории, явно желая подчеркнуть ее леденящий кровь драматизм. И все же я думаю, что в принципе все происходило так, как Цаппи и рассказал.

(Спустя некоторое время после катастрофы три человека — лейтенант итальянской армии Цаппи, Мариано и шведский ученый Мальмгрен — покидают лагерь и пытаются сами пробиться к Большой земле. Группу обнаруживает советский летчик Чухновский и сообщает об этом на «Красин». Красинцы обнаруживают только двоих — до предела истощенного, полурасдетого Мариано и полного сил Цаппи. Мальмгрен же, по словам Цаппи, не выдержал перехода. Он отдал одежду своим спутникам и попросил вырубить ему во льду

...Я хотел бы вспомнить еще одну ночь, когда, заметив во льду трещину, мы начали перетаскивать наш лагерь в безопасное место. Я не мог двигаться — при катастрофе я сломал ногу, — и, пока на новом месте устанавливали палатку, меня оставили одного.

Помню, посмотрел я вокруг и поразился зловещности пейзажа. Кусок льда, на котором мы прожили восемнадцать дней, был грязен и изуродован. Лужи воды, повсюду обломки, куски искореженных труб, тряпки, остатки инструментов. Неподалеку несколько красноватых полос на снегу — след от обшивки пропавшего дирижабля. В воздухе было что-то мрачное, давящее на душу — серое небо, а с него медленно падали редкие хлопья снега...

*30 фев. 1967
Рим*

Рисунок Д. ВИННИЦКОГО

которое питаю к памяти этого замечательного исследователя, восстановить историческую справедливость.

...Кое-что для восстановления истины во всем, что связано с полетом «Италии», я уже сделал. В 1945 году, после падения фашизма, была опубликована моя книга «Я могу сказать правду». В ней я рассказал о всех маневрах, предпринятых против меня Бальбо — «фашистом номер два» в правительстве Муссолини, потому что я

служил науке, а не фашизму. Я вынужден был молчать все годы фашистской диктатуры и только после ее падения смог защитить себя.

Когда Лундборг увозил меня со льдины, я был уверен, что в ту же ночь увезут и моих товарищей, что мы расстаемся не дольше чем на несколько часов. (Лундборг действительно прилетел на льдину после того, как вывес пострадавшего при катастрофе Нобиле, но при посадке потерпел аварию. За ним вскоре прилетел другой шведский летчик.)

Но уже в Кингсбее я узнал истинную причину прилета Лундборга. Моя жизнь была застрахована на большую сумму. И боссы страховых компаний, боясь, что им придется выпла-

чивать ее, подкупили летчика, чтобы он любой ценой вывез первым именно меня, независимо от того, соглашусь я или нет и есть ли на льдине люди в более тяжелом состоянии, чем я. Там, в Кингсбее, я понял настоящий смысл слов Лундборга: «Если вы не согласитесь, я вывезу вас силой».

Я долго не мог решиться покинуть своих товарищей, но меня убедили, что первым покинуть лагерь должен я — для того чтобы оттуда, с Большой земли, возглавить операции по спасению. В конце концов я согласился. И, как показали дальнейшие события, это решение было единственно правильным: командование «Красина» поддерживало отношения только со мной — я был единственным, кто знал местоположение лагеря, — и именно по

моей просьбе оно отдало приказ следовать к Красной палатке, хотя у ледокола был поврежден винт и оставался малый запас горючего.

(Оставалось ждать только «Красина», — вспоминал в нашей «Кают-компании» («Вокруг света» № 9, 1966 г.) помощник Нобиле Вильери. — Авария на ледоколе — поломка винта — повергла нас в отчаяние. А тут еще известие о вынужденной посадке Чухновского. Теперь, думали мы, русские отправятся спасать своего летчика¹. Но вдруг через день «Красин» показался на горизонте.)

¹ Вильери не знал, что Чухновский, оказавшись на льдине, даже отказался сообщить свои координаты для того, чтобы командование ледокола не меняло курса к лагерю «Красной палатки». И только когда была спасена группа Вильери, он сообщил свое местонахождение. (Прим. автора.)

бую, что на этот раз пришла очередь леди Гвендолин, — сказала за завтраком мисс Генриетта. Ее брат Александр от удивления даже забыл о тарелке с овсяной кашей, стоявшей перед ним.

— Но, Генриетта, ведь мы же решили не трогать леди Гвендолин без самой крайней необходимости!

— Вот сейчас и наступила эта «самая крайняя необходимость». Крыша в доме течет — боюсь, ее уже нельзя будет починить, тебе с твоим бронхитом обязательно нужно съездить зимой на несколько недель на юг, и мы столько задолжали в магазине, что я просто стыжусь там показываться! Нам нужны наличные деньги, много денег, и как можно скорее!

— А как ты думаешь, нельзя ли пустить в дело адмирала?

— Ты же знаешь, что он не годится. Сейчас Кнеллер не в моде, а вот на Ромни спрос большой.

— Что ж, раз ты так считаешь, то пусть это будет леди Гвендолин. — Александр, худощавый пожилой мужчина, приложил к губам великолепно заштопанную льняную салфетку и встал из-за стола.

— Как мне больно расставаться с ними! Надеюсь, ты будешь действовать как обычно, только сейчас не стоит это делать через фирму Бамблеби.

— Ты прав, не стоит злоупотреблять их любезностью, хотя они и не догадываются, как помогли нам. Когда я последний раз ездила в Лондон, я узнала адрес другой фирмы.

— Надеюсь, это солидная фирма, мы не можем допустить, чтобы леди Гвендолин попала в руки сомнительных дельцов!

— Я думаю, — с упреком сказала Генриетта, — что наши фамильные ценности мне не менее дороги, чем тебе, и я беспокоюсь о них не меньше тебя.

— Я уверен в этом. — Александр нежно посмотрел на нее поверх пенсне. — Ты, пожалуй, сделаешь это даже лучше, чем я. Знаешь, я всегда поражался твоему здравому смыслу и деловитости!

— Если учесть, что ни ты, ни я не были подго-

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ЛЕДИ ГВЕНДОЛИН

С. М. МАКЛЕОД,
английский писатель

товлены к тому, чтобы зарабатывать себе на жизнь, перебиваемся мы неплохо, — заявила Генриетта.

Это была правда. Конечно, их дом потерял величие добрых старых времен, но он все еще комфортабелен и сохранил белую красоту. Генриетта занималась хозяйством с помощью миссис Блаунт, старушки из соседней деревни, а у Александра проявились неожиданные способности к починке кранов и украшению клумб бордюрами из битого кирпича. Родители оставили им довольно крупную сумму, но деньги быстро растаяли в этом сумасшедшем мире, для которого ни Александр, ни Генриетта не были приспособлены. Тем не менее жили они довольно безбедно. Правда, им приходилось носить одежду немного дольше, чем это принято, и проявлять большое искусство при штопке белья, но в общем их жизненный уровень почти не изменился.

Конечно, без фамильных картин это было бы невозможно. Все предки Александра и Генриетты лю-

Для красинцев я был человеком с «Италиш»... И я счастлив, что меня и теперь знают как человека с «Италиш», хотя прошедшие сорок лет моей жизни были заполнены не только воспоминаниями.

...После полета «Италиш» я четыре года прожил в Советском Союзе — и это был один из счастливейших периодов в моей жизни. Я помню, как однажды во время рейса ледокола «Мальгин» мы собрались в кают-компании. За бортом лежали бескрайние, молчаливые, торжественные льды... И вдруг все встали и запели «Интернационал»... Трудно передать то ощущение невыразимого волнения, которое охватило меня тогда. Я сердцем понял, что только люди такого великого гимна сделают то, о чем мечтали и к чему стремились лучшие умы Земли...

В Советском Союзе я постро-

ил много дирижаблей и горжусь тем, что на одном из них был установлен мировой рекорд дальности полетов. Затем я работал в Америке. После падения фашизма вернулся в Италию и в 1946 году был избран в Учредительное собрание по списку коммунистов как независимый. За эти годы я написал около десятка книг по вопросам воздухоплавания. После сенсационного полета советского спутника я стал заниматься исследованиями в области аэронавтики.

Все годы, прошедшие после полета «Италиш», я работал, но никогда не оставлял своей мечты — ступить на льдину Северного полюса, над которым я только пролетал...

Нобиле встал, подошел к книжному шкафу и достал старую фотографию.

...Сорокалетний Нобиле, стро-

гий, подтянутый, стоит в дирижабле «Италия». Нобиле тех времен, когда наш двор становился Ледовитым океаном и мы, «красинцы», которым было от роду десять лет, спасали людей с дирижабля «Италия»...

...И я очень прошу передать наилучшие пожелания советским читателям, которые помнят о тех сорокалетней давности днях, когда мужество, доблесть и благородство сделали почти невозможное — то, что под силу только мужеству, доблести и благородству...

Воспоминания Умберто Нобиле закономерно переплелись с эпизодом, случившимся в сегодняшней Арктике, свидетелем которого был участник съемок фильма «Не дать ему погибнуть» Д. Винницкий, взявший это интервью. Закономерно потому, что НЕ ДАТЬ ЕМУ ПОГИБНУТЬ — это не только название фильма, но и высокий принцип тех, кто переступает порог белого безмолвия...

см. стр. 71 ►

били живопись, и у них были средства для удовлетворения своих изысканных вкусов. Все они заказывали свои портреты лучшим художникам, и вот теперь целая галерея предков неодобрительно — а покойный адмирал даже свирепо — взирала на своих наследников. Именно эти предки и предоставляли своим потомкам средства к безбедному существованию.

Вполне понятно, что Александр вздохнул и поглядел на леди Гвендолин с грустью, прежде чем снял ее с почетного места над камином. Затем он завернул картину в старое армейское одеяло, упаковал в специальный деревянный ящик и привинтил к нему ручку, чтобы Генриетте было удобней.

— Когда-то мне хотелось, чтобы леди Гвендолин была изображена в полный рост, — говорила Генриетта, усаживаясь в поезд, — но сейчас я рада, что художник нарисовал только ее голову и плечи.

— Ради бога, будь осторожна и позвони мне, как только найдешь покупателя.

— Не беспокойся, уж я-то умею торговаться! — И она помахала брату рукой.

«А ведь годы сказываются на Александре», — подумала она. — Как ужасно выглядит его пальто! Для поездки на юг обязательно нужно купить новое. Хорошо будет снова иметь деньги!» И Генриетта ласково похлопала по деревянному ящику.

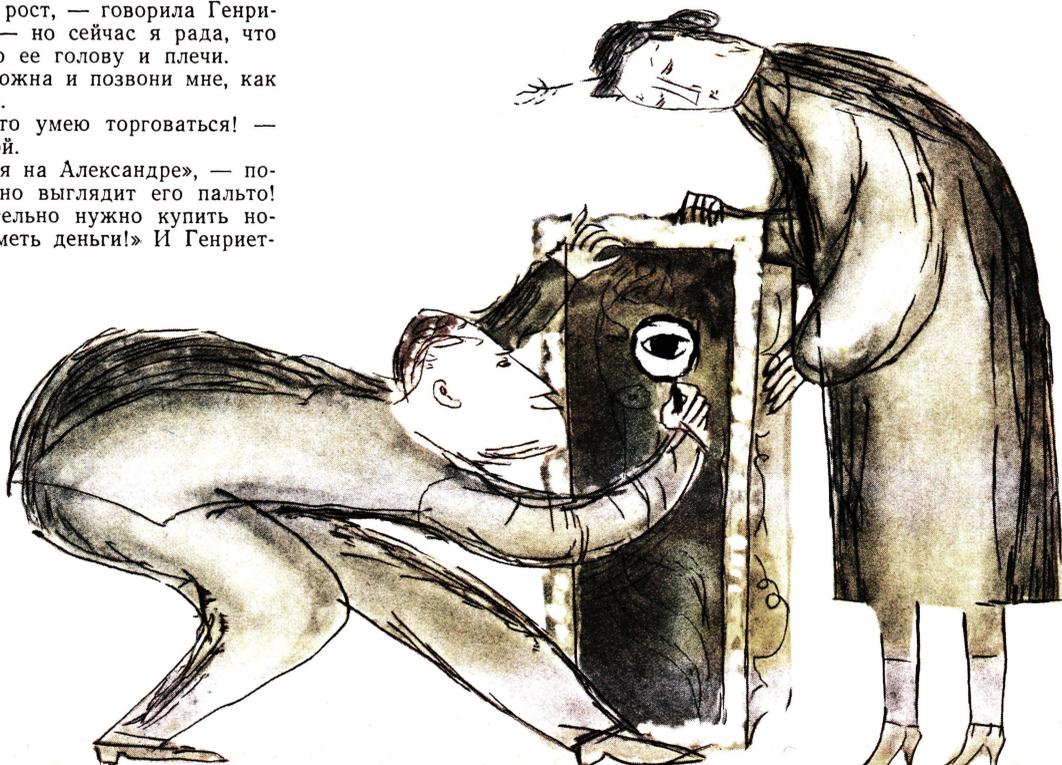
Она легко нашла фирму, специализировавшуюся на продаже предметов искусства, а шофер такси любезно помог ей внести картину. Ее ожидания оправдались — хозяин фирмы тут же при-

знал, что это подлинный Ромни, и предложил за портрет хорошую цену.

— Вы очень добры, но ведь это такой важный вопрос... леди Гвендолин пребывает в нашей семье столько лет! Я должна быть уверена, что она попадет в хорошие руки, к солидным людям.

Хозяин знал, что спорить с милыми престарелыми дамами бесполезно, поэтому он вручил Генриетте свою карточку, повторил свое предложение, правда, несколько более настойчиво и проводил ее до машины.

— Подумайте хорошенько над моим предложением, — сказал он. — Не думаю, что кто-нибудь в Лондоне даст вам больше.

Рисунки
А. ГОЛЯХОВСКОЙ

— Я вполне доверяю вам, но поймите, я не могу так просто решиться на этот шаг. Я должна спокойно обдумать это предложение за чашкой чая. Ведь вы понимаете меня?

Хозяин заверил ее в том, что он вполне разделяет ее чувства, и вздохнул вслед уехавшему такси.

Когда Генриетта сказала шоферу адрес отеля, он удивился.

— Вы уверены, что вам нужен именно этот отель? — заботливо спросил он. — Ведь там останавливаются в основном богатые американцы. Там за самый паршивый номер три шкуры сдерут! Вы, видимо, не знаете, что это за заведение.

— Спасибо, я знаю об этом отеле. — Генриетта огладила лацканы своего потертого пальто и поприветствовала скромную фетровую шляпку.

— Вы знаете, иногда для разнообразия хочется провести время среди людей, у которых много денег. Нам внушали, что заботиться о деньгах — вульгарно, но в наше время — таковы обстоятельства — мы все грешим вульгаризмом, не правда ли?

Шофер печально согласился с ней, помог вынести леди Гвендолин и простил Генриетте скудные чаевые.

Мисс Генриетта не сразу пошла заказывать себе комнату. Она настолько устала после путешествия, что опустила в кресло в холле и поставила картину около ног.

Через несколько минут какой-то джентльмен задел картину, и она с грохотом упала на пол.

— Ради бога, извините меня, — сказал с американским акцентом хорошо одетый джентльмен. Он нагнулся и поднял коробку.

— Пожалуйста, осторожнее, это очень дорогая вещь! Наверное, лучше прислонить ее к креслу, хотя, откровенно говоря, мне не хотелось бы выпускать ее из виду ни на минуту. Как раз сегодня мне предложили за нее хорошие деньги.

— Не может быть, — безразличие в голосе американца было явно наигранным. — А что, в этой коробке сокровища британской короны?

— О нет! — Генриетта смущенно улыбнулась, как улыбается пожилая женщина, когда на нее обращает внимание молодой человек. — В этой коробке картина. Не знаю, слышали ли вы об английском портретисте Ромни.

Генриетте показалось, что длинный нос американца задрожал.

— Да, я не мог не слышать о нем. Я ведь куратор одного из музеев в Штатах.

— Подумать только! — Генриетта улыбнулась.

Американец не уходил.

— Кстати, о Ромни. Вы уверены, что у вас не подделка?

— Картина была в нашей семье с тех пор, как Ромни написал ее. К тому же этот джентльмен сегодня... все забываю, как его зовут, — ага, вот его карточка... Какой ему смысл подтверждать подлинность картины, если это подделка?

— Пожалуй, вы правы, — извиняющимся тоном проговорил американец. — Но в холлах гостиниц не часто встретишь очаровательных леди с ценными картинами...

— Особенно если они оставляют картины на самом ходу. Надеюсь, вы не ушиблись?

— Знаете что, — заявил он с игривостью, которая как-то не вязалась с его деловитостью, — не согласитесь ли вы выпить со мной? А может быть, предпочтаете чашку чая?

— Благодарю вас, с удовольствием выпью рюмоч-

ку хереса. Я сегодня очень устала. — Генриетта взяла ящик и последовала за своим знакомым в бар.

Она выпила не одну, а две рюмки. После второй ее щеки покраснелись, и она полчаса рассказывала мистеру Баргрейвсу, который казался ей уже старым другом, о том, как трудно вести хозяйство и содержать целый дом, не получая никакого дохода.

— Извините меня, пожалуйста, — мистер Баргрейвс поднялся со стула, — мне нужно срочно позвонить по телефону. Позвольте заказать вам еще рюмочку хереса, пока я буду разговаривать?

— Пожалуй, с меня уже хватит.

— Ничего, еще одна не повредит!

— Ну хорошо, только маленькую!

Мистер Баргрейвс вернулся через несколько минут. Лицо его сияло. Осторожные ответы владельца фирмы, которому Генриетта показывала леди Гвендолин, убедили его, что это подлинник. Вскоре они уже шли к лифту. Американец нес коробку.

— Ну, посмотрим, что это за великолепный Ромни! — мистер Баргрейвс достал картину, долго рассматривал ее, затем потрогал и, наконец, внимательно осмотрел холст через увеличительное стекло.

— Да, это подлинный Ромни, — сказал он спокойно, но дрожащая рука с лупой выдавала волнение. На его лице было такое выражение, какое бывало у его предков при виде золотых самородков.

— Ничего не скажешь, уважаемая леди. Это довольно ценная вещь. Правда, я не гарантирую, что это стопроцентный подлинник. Вероятно, фон писал ученик, а сам Ромни только довел картину до конца. Ну и конечно, поскольку на картине только голова и плечи, то и цена ей не как портрету в полный рост. Вот если бы леди Гвендолин была видной исторической личностью, то, конечно, цена была бы побольше. Но все же это неплохая картина!

— Вы знаете, я всегда была привязана к леди Гвендолин, — слегка запинаясь, проговорила Генриетта.

— Я прекрасно понимаю ваши чувства. Ведь вам не хотелось бы, чтобы ваши предки оказались в руках какого-нибудь тупицы из прерий, не правда ли?

— Да, да, это было бы ужасно!

— Но вы идете на такой риск, когда отдаете картину дельцам от искусства. Им наплевать, кто покупает картину, лишь бы побольше заплатили. Они заботятся только о своих доходах!

— Увы, сейчас и меня больше всего интересуют деньги! Право, не знаю, что делать. Я должна продать леди Гвендолин, но если бы я только могла быть уверена, что она попадет в хорошие руки!

В глазах мистера Баргрейвса зажегся зеленый огонек.

— Вы знаете, — вкрадчиво сказал он, — возможно, я бы смог помочь вам.

— О, я была бы бесконечно благодарна!

— Как я уже говорил, я куратор музея в той части Соединенных Штатов, которая называется Новой Англией. Мы очень дорожим своими связями с Великобританией. В музее масса сокровищ искусства со всего мира! Каждый день, кроме четверга, в музее толпы серьезных ценителей прекрасного... — Тут мистер Баргрейвс запнулся. — Конечно, все сборы идут на расширение музея, но у нас каждый цент на счету. И тем не менее я беру на себя ответственность и могу купить вашу картину! — Он вытащил пухлый бумажник. — Предлагаю вам пять тысяч фунтов наличными за «Леди Гвендолин»! Подумайте только, ваши уважаемые предки

будут висеть на почетном месте, ими будут любоваться ценители прекрасного и дамы из лучших семейств Новой Англии. Ну и к тому же... вовсе нет нужды уведомлять налоговое управление о нашей маленькой транзакции...

— А разве вам при выезде из страны не надо предъявлять счет на покупку картины?

— Это все ерунда, — немного сообразительности, и это препятствие обойти нетрудно.

— Вы хотите сказать, что дадите мне деньги, я отдам вам леди Гвендолин и мы спрашиваемся?

— Вот именно. Никаких формальностей! Ведь я даже не знаю вашего имени!

— Разве? — Генриетта в это время производила в уме сложные математические расчеты: столько-то надо на ремонт крыши, столько-то заплатить бакалейщику, да и Александру на отдых нужно немало, и еще оставить часть денег на зиму. Конечно, пять тысяч гораздо меньше, чем ей предлагал хозяин фирмы, но ведь здесь она без всяких формальностей получит наличные. Надо соглашаться.

Она протянула ему свою маленькую руку.

— Благодарю вас, мистер Баргрейвс, мы с леди Гвендолин весьма обязаны вам.

Мистер Баргрейвс проводил ее до двери:

— Мне было очень приятно иметь с вами дело, уважаемая леди!

Было видно, что он говорил это искренне.

Несколько часов спустя, когда Баргрейвс еще продолжал любоваться своей покупкой, раздался решительный стук. Он открыл дверь. Перед ним стоял худой пожилой человек с черным зонтом в руках.

— Я имею честь говорить с мистером Баргрейвсом?

— У вас преимущество передо мной — вы знаете мое имя.

Александр протянул ему свою визитную карточку.

— Ромни, что стоит у вас на столе, — моя собственность!

— Но я только что купил его!

— Вы не могли этого сделать, поскольку я его не продавал. — Александр достал из кармана пачку бумаг. — Не угодно ли ознакомиться с описью имущества, оставленного мне в наследство моим отцом? Я его единственный сын, и, как видите, портрет леди Гвендолин работы Ромни находится в этом списке. А вот фотография картины и ее описание. Вы, видимо, не сомневаетесь в ее подлинности, иначе бы не украли ее.

— Но я не крад! Я его честно купил!

— Тогда, может быть, вы покажете мне оплаченный счет? Я так и думал, что у вас его нет! Хочу сообщить вам, сэр, что воровство сурово наказывается в нашей стране! — И Александр строго посмотрел на ошеломленного куратора.

— Как только картина пропала из дома, я связался с лондонскими фирмами по продаже предметов искусства. Когда ваш сообщник обратился в одну из фирм, меня тут же уведомили об этом. Мне сообщили также, что вы звонили в эту фирму и наводили справки о подлинности портрета. Я пришел для того, чтобы показать вам всю пагубность ваших действий. Я не хочу преследовать вас по суду: надеюсь, вы совершили это под влиянием момента, а не потому, что вы закоренелый преступник.

Мистер Баргрейвс в отчаянии заломил руки:

— Но я не крад этот портрет! Я никогда раньше не видел эту старую ведьму! Я с чистой совестью заплатил за картину пять тысяч фунтов!

— Если вы заплатили столь малую часть настоящей цены, то вряд ли сделали это с чистой совестью. Будучи знатоком живописи, вы наверняка сразу поняли, что если эта дама согласилась на пять тысяч фунтов, то дело здесь нечисто. А как, кстати, звали эту даму?

— Я, я не знаю...

— Ну, вот видите, мистер Баргрейвс! — Тонкие губы Александра искривились в иронической улыбке. — Я не знаю, какое впечатление на присяжных произведет ваш рассказ о загадочной даме и покупке картины за пять тысяч фунтов без всякого счета. Но меня, я прямо скажу, вы не убедили. Да мне в общем-то безразлично, кто вы — жулик или скупщик краденого. Так вот — или я немедленно получаю картину обратно, или звоню в Скотленд-Ярд!

— Ну как, трудно тебе было убедить Баргрейвса?

В конце этого полного событий дня Генриетта и Александр наслаждались горячим какао перед пылающим каминном в гостиной родного дома.

— Пожалуй, не очень. Сначала он ерепенился, но в конце концов на моей стороне были все права! Однако должен сказать, он говорил о тебе такие вещи, которые не пристало говорить человеку культурному и образованному!

— Пожалуй, его нельзя слишком строго осуждать. Ведь человек, ведущий ягненка на заклание, не ожидает, что агнец его укусит. Но до чего же все такие люди одинаковы! И как легко найти такого человека, если знать время и место!

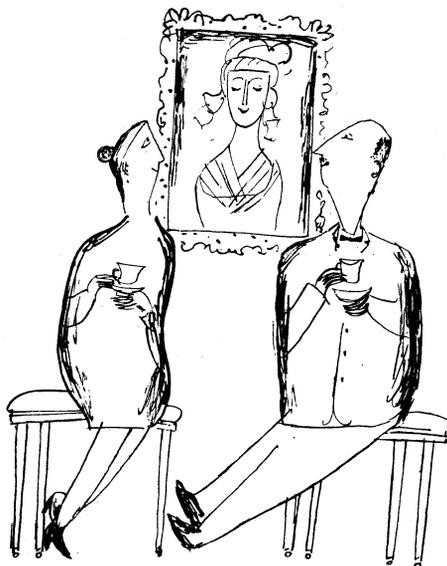
— Ужасно сознавать, — сказал Александр, — что в мире так много негодяев. Давай-ка вспомним, сколько мы встретили любителей легкой наживы. Сорок девять?

— Ошибаешься, друг мой, пятьдесят! — ответила Генриетта. — Боже мой, ведь это наш золотой юбилей!

Она с гордостью оглядела ряды портретов предков, которых они с Александром вырвали из лап хищников, и подняла чашку с какао за здоровье леди Гвендолин, улыбавшейся ей со своего законного почетного места над каминном.

— Сегодня уместно сказать: таскать нам не перетаскать! Давай выпьем за то, чтобы мы дожили до бриллиантового юбилея!

Перевел с английского А. АГАПЬЕВ

Фреска «Праздничный пир, открытая в одной из этрусских гробниц.

Бронзовые фигуры воинов.

Народ, который отказывается говорить

Она умерла в Александрии более двух тысяч лет назад. Семьдесят дней жрецы им одним ведомыми способами пропитывали особыми солями и пахучими смолами тело, которое незримо для людей покинула птица с человеческим лицом — душа уснувшей навсегда. Умершая была знатного и старинного рода, и считалось даже, что предки ее жили в Италии задолго до того, как волчица с Капитолийского холма вскормила своим молоком Ромула и Рема. И поэтому на полосы, которы-

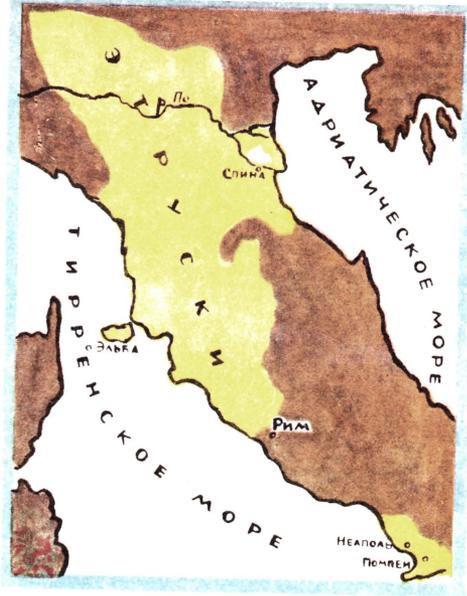
ми надо было обернуть тело женщины, разорвали полотняные листы древней книги с письменами ее предков. Даже александрийские жрецы не знали, что было написано в книге, ибо на этом языке уже давно никто не говорил в землях, завоеванных народом Ромула и Рема, и не было никого, кто сказал бы, как появились на земле Италии люди, оставившие эти письмена, — этруски.

Кто они и откуда? На этот вопрос не могли ответить даже римляне, успевшие перенять у этрусков все, что можно было приспособить к своим верованиям и обычаям, прежде чем уничтожить этот народ.

«Отец истории» Геродот утверждал, что этруски приплыли из Малой Азии в XIII веке до нашей эры и основали свои первые поселения на побережье Тосканы. Другой историк античности, Дионисий Галикарнасский, считал этрусков коренными жителями Италии, возникшими из небытия задолго до того, как греки и финикийцы вышли на арену истории.

И история действительно словно разложила на равные части памятники этрусков: одни из них явно свидетельствуют о приходе этрусков, другие — не менее убедительные — о том, что этруски от века жили в Италии.

Жестокая и мрачная религия этрусков с ее мистическими сопоставлениями чисел, отличная и от чет-

Карта расселения этрусков в период их наивысшего могущества (VII—VI век до нашей эры).

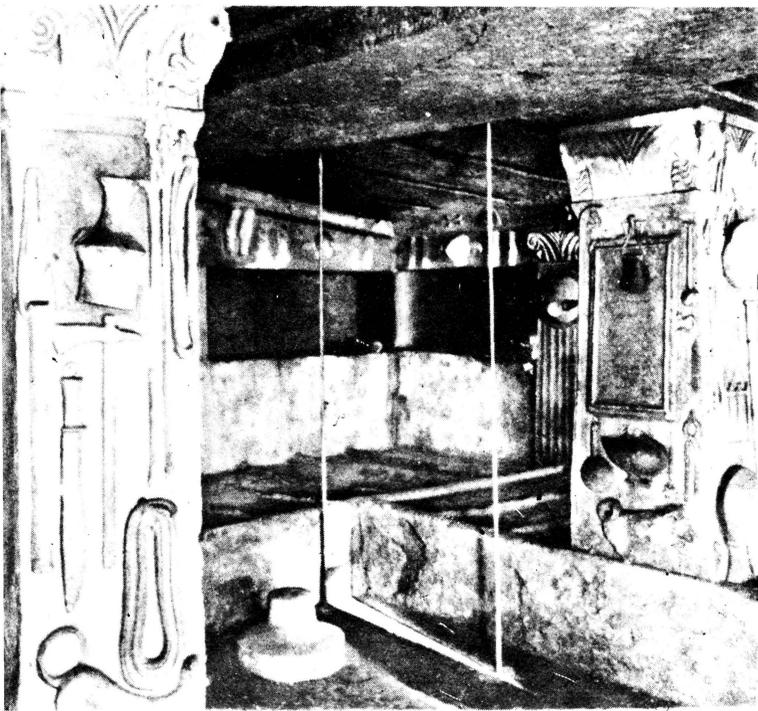
Скульптурный портрет этрусского воина и его супруги на гробнице, раскопанной в городе Цэре.

Бронзовое этрусское зеркало.

Этрусские гробницы точно копировали жилища умерших. Стены и колонны гробниц скульпторы и художники украшали изображениями близких, пиров и развлечений, предметов, которые окружали умершего при жизни. Именно находки в гробницах позволили ученым восстановить образ жизни этого исчезнувшего и замолкнувшего народа.

кой «деловитости» римских обычаев и от гуманно-светлой греческой мифологии, действительно имеет некоторые черты древних малоазийских культов, что, казалось бы, свидетельствует о восточном происхождении этого народа. Но почему тогда эти «выходцы из Малой Азии», земли высокой и развитой цивилизации, долгое время вели в Италии примитивную жизнь и даже переняли греческий алфавит?

Если же предположить, что этруски — коренные жители Италии, то как тогда объяснить неожиданный взлет этрусской культуры, который по своему характеру не мог произойти только в результате самостоятельного развития?

Может быть, этруски пришли из Малой Азии не морем, а сушей, с севера, через Альпы? Но ведь такое продвижение было бы слишком медленным — и возникновение этрусской цивилизации не было бы столь внезапным.

И эти — едва ли не взаимоисключающие — противоречия выстроились в такой запутанный лабиринт, что пройти его не удавалось еще ни одному исследователю. Этруски отказывались говорить, где выход из этого лабиринта. Молчали этрусские надписи на медных зеркалах филигранной работы, на постаментах памятников, на гробницах. Молчала и Книга Мумии, которая спустя тысячелетия попала в руки ученых. Был лишь приблизительно расшифрован смысл написанного в ней — ритуальные формулы, содержащие порядок жертвоприношений тем или иным богам в различные времена года...

И вот недавно в научной печати появляется дерзкое сообщение: «Молчание нарушено. То, что казалось навеки умершим, медленно возвращается к жизни, начинает дышать, шевелиться, стонать, говорить, смеяться...» Так заявил один из крупных современных лингвистов-востоковедов, З. Майяни, утверждающий, что он заставил говорить Книгу Мумии. И она указала ему выход из этрусского лабиринта: прародина этрусков — на берегах среднего Дуная! В языке этрусков — балто-славянские корни!

Опираясь на опыт своих предшественников, кропотливо проанализировав все известные науке этрусские тексты, скрупулезно исследовав все совпадения в написании этрусских слов с древнейшими и современными языками, Майяни утверждает, что этруски пришли в Италию с берегов Дуная и отрогов Карпат. Из поколения в поколение продвигались они все дальше на юг, частично смешиваясь с коренными жителями, воспринимая элементы их культуры, пока не достигли Греции и оттуда уже не переместились в Италию.

Проходит еще несколько столетий, и в Италии появляются уже другие пришельцы — геродотовы «выходцы из Малой Азии». В единый клубок сплетаются отзвуки греческих мифов, восточные обычаи и древние традиции, и рождается то, что потом назовут этрусской цивилизацией... Появятся огромные города, обнесенные крепкими каменными стенами, корабли торговцев и пиратов отправятся на разведку далеких земель, достигнут совершенства в обработке бронзы, железа и золота этрусские мастера, и их изделия не будут иметь себе равных на рынках Средиземноморья. Могущество этрусков возвысится настолько, что даже Рим вынужден будет надолго склонить перед ними свою голову.

ЗАБОТЫ МЕХИКО

Уже более полувека назад геологи предупреждали о том, что Мехико грозит опасность. Отцы города отнеслись к этому иронически. Но в начале 50-х годов после ливневых дождей вода неожиданно затопила центральные районы города. Тогда-то ирония сменилась тревогой. Выяснилось, что эти районы опустились за 20 лет примерно на 6 метров и скорость оседания с каждым годом увеличивается. Старинные здания кренятся наподобие Пизанской падающей башни, и их приходится сносить.

В 1962 году во время сезона дождей жители Мехико пережили немало тревожных минут. Главный канал разбух, а вода все прибывала. Город спасли от катастрофы лишь считанные сантиметры дамбы.

Мехико расположился по дну глубокой долины, замкнутой цепью вулканических гор. Во времена Монтесумы большая часть долины была покрыта системой озер. На одном из островов ацтеки и основали свою столицу — прекрасный город Теночтитлан. С долиной он соединялся тремя дамбами. По бесчисленным каналам и протокам сновали каное и барки.

Конкистадоры захватили город в 1551 году. Сгнав индейцев-рабов, испанцы сровняли с землей величественные храмы и дворцы, засыпали каналы, осушили мелкие озера. На месте Теночтитлана была воздвигнута столица Новой Испании — Мехико. Но с разрушением каналов участились наводнения, ничто уже не ослабляло бурных потоков, несущихся по горным склонам. После нескольких сильных наводнений испанцы построили отводной канал в шесть с половиной километров, а для стока воды из долины прорубили туннель в горах. Но грязь забивала дренажные системы. В 1629 году после сильного ливня, продолжавшегося полтора дня, случилось наводнение, и погибло несколько тысяч человек. Подумывали о переносе столицы в другое место, но слишком много средств было вложено в строительство города, чтобы так просто его покинуть.

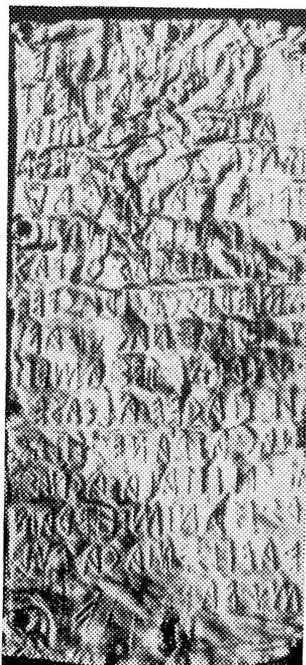
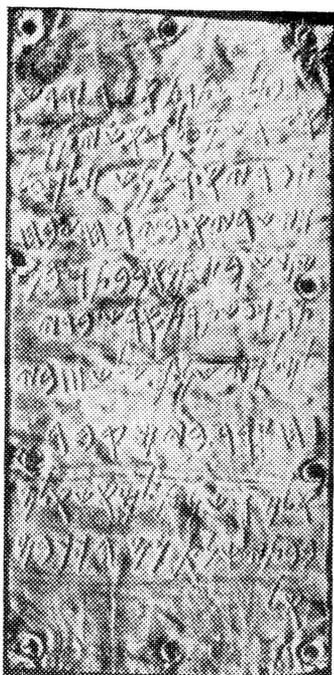
В наше время проблема обострилась. И причина тому — недостаток воды. Грунт, на котором стоит город, напоминает пропитанную водой губку: он состоит из воды на 85 процентов. Поэтому стоит извлечь из почвы кубометр воды, как возникает пустота примерно такого же объема. А городу нужно очень много воды. Сейчас в столице живет около 6 миллионов человек. Чем больше воды высасывают артезианские колодцы, тем быстрее оседает город.

Со всех концов столицы идут тревожные вести. Собор Святой Марии, самый известный из храмов Мехико, осел и покрылся трещинами. Гибель грозит и другим шедеврам архитектуры.

Очевидно, надо разработать какие-то новые принципы строительства. Уже появились дома весьма своеобразной архитектуры: например, здание, которое покоится на громадной стальной коробке. Для этого «фундамента» не рыли котлован — под собственной тяжестью коробка погрузилась в грунт на глубину пяти этажей. Тогда из нее откачали воду и наглухо заклепали. Вес четырнадцатизэтажного здания точно сбалансирован по всей площади. Два раза в год (и после каждого землетрясения) человек с теодолитом проверяет вертикальность конструкции. При необходимости уменьшают или увеличивают уровень воды в водяных баках, которые размещены в специальных отсеках. Восстанавливается правильное положение здания. Но можно ли так строить все дома в городе?..

Существует множество планов спасения мексиканской столицы. Для их реализации нужны средства, и немалые. А время не ждет.

Сокращенный перевод И. ВЕРШИННИНА из журнала «Ридерс дайджест».

Найденные в 1964 году пластинки с параллельными текстами, написанными по-финикийски и по-этруски. Ученые считают, что расшифровка этих текстов прольет свет на происхождение этрусского языка.

...А потом начнется быстрый, но закономерный закат.

Опытнейшие земледельцы, великолепные инженеры, первыми построившие подземные каналы, искусные металлурги, хитроумные изобретатели морского якоря и корабельного тарана, бесстрашные воины окажутся бессильными перед молодым Римом. Бессильными, ибо этруски не смогут отказаться от своих древних традиций, которые уходят в глубь родоплеменных отношений, в то время как Рим уже станет на высшую ступень развития древнего мира — классового рабовладельческого государства... После десятилетней осады римские легионы в 396 году до нашей эры захватят этрусский город-крепость Вейи — и это будет началом конца этрусской цивилизации.

...Пройдут столетия, и листами последней этрусской книги завернут тело женщины, которая, может быть, была последним представителем древнего этрусского рода, давно забывшим своих предков...

Дальнейшие исследования покажут, насколько действен ключ к кладовым тайн этрусков, который нашел Майяни. «Возможно, — пишет сам исследователь, — наверное, более других уверенный в своей правоте, — я просто внес свою лепту и в без того богатую коллекцию недоразумений, которыми усеяна вся дорога этрусологии». Во всяком случае, найден еще один коридор древнего лабиринта. ...И может быть, голос, что послышался исследователю в молчаливой темноте его, действительно то единственное эхо, которое уже столетиями пытались услышать. А может быть, это только игра блестяще эрудированного, рожденного огромными знаниями воображения.

...И не было никакого эха, и по-прежнему этруски останутся в истории народом, который отказывается говорить...
В. ЛЕВИН

ЛИЦОМ К ЛИЦУ С УБИЙЦЕЙ

**ВАЛЬТЕР ХАЙНОВСКИ,
ГЕРХАРД ШОЙМАН**

10 ноября 1965 года нам не пришлось наклеивать себе ни бород, ни нашлепок с искусственными лысынами.

«Майор» Мюллер, ничуть не таясь, сам открыл дверь ателье. Так началась наша «кинооперация».

«Майор» в то время, когда он «работал» в Конго, всегда носил в боковом кармане «вальтер» калибра 7,65 дулом вверх. «Так его легче выхватить», — любезно объяснил он. Теперь он сам попал под «обстрел» двух кинокамер.

Этот головорез (на протяжении последующих нескольких часов он будет называть себя «воином свободного Запада») сам и с помощью своей пресловутой «Команды-52» умертвил несчетное количество людей. Через несколько минут он скажет с улыбкой о своих действиях: «Но ведь это были бунтовщики-коммунисты!» Сам же он сидит сейчас настолько близко от нас, что обе стороны — коммунисты и антикоммунисты — могут заглянуть друг другу в зрачки.

На фасаде невзрачного домика в предместье родезийской столицы Солсбери появилась табличка: «Врач-дантист принимает ежедневно». Однако плечистые пациенты с военной выправкой, зачистившие к «доктору», начинали разговор несколько необычно: — Как насчет надбавки за риск? — Будет ли аванс в твердой валюте?

Секрет раскрывался просто. Под видом врача-дантиста действовал некий Аластер Уикс — одно из доверенных лиц тогдашнего конголезского премьера Моиза Чомбе. Что же касается посетителей с массивными челюстями, то это были ландскнехты, готовые продать душу и тело леопольдвильскому «калифу на час».

Конторы по вербовке пушечного мяса появились не только в Родезии и соседней Южно-Африканской Республике, но и во многих городах Западной Европы. Было это осенью 1964 года, когда Чомбе, которого незадолго перед этим империалистические покровители поставили у власти, лихорадочно вербовал иностранных наемников, чтобы с их помощью задушить повстанческое движение в стране.

Буржуазные газеты запестрели объявлениями такого содержания: «Каждого желающего получить хорошее место просим позвонить по телефону: Йоганнесбург 838-5302». За многие тысячи километров от Африки читатели шведской «Дагенс нюхетер» уведомлялись, что «каждого интересующегося сельскохозяйственными работами в Конго и умеющего стрелять (!) просят позвонить по телефону 033-91388».

Сельскохозяйственные работы... Если бы они знали, какая кровавая жатва ожидает их в охваченном пожаром Конго!.. Впрочем, многие из тех, кто начал вскоре заполнять номера фе-

Смотря в упор на этого антикоммуниста, мы не могли не видеть за его спиной замученных и убитых им людей. Незабываемые человеческие лица. Прекрасные, хотя и искаженные пыткой и страшными муками. Мы знаем три имени: Ила Лале, Марсель Мопепе, Эмманюэль Узонго. Они боролись за осуществление идей

Лумумбы. Нередко с помощью лишь лука и стрел.

В команде Мюллера приходилось по автомату на человека, не считая установленных на «джипах» пулеметов. Не считая безоткатной пушки из США, двух легких броневиков «мерседес» из Западной Германии и двух американских самолетов-ракетоносцев.

Наш фильм не воскресит мертвых. Признаться, когда звукорежиссер перед началом съемки обвил вокруг шеи Конго-Мюллера черный шнур с микрофоном,

стоят гораздо больше, чем его труп. Речь шла о том, чтобы в лице этого человека посадить на скамью подсудимых систему, которая рождает и пестует подобных мюллеров.

10 ноября 1965 года в ателье на окраине Мюнхена состоялось закрытое заседание суда. Потом, решили мы, общественность будет не только допущена в зал, но и сама вынесет приговор Мюллеру и всем тем, кто стоит за его спиной. Общественность всего мира...

Об этом свидетельствовали бесчисленные 'фотографии, как будто по команде запестрели на страницах иллюстрированных журналов от Гамбурга до Мюнхена. За ним прошла уже целая волна репортажей о Мюллере; репортажей, изобиловавших такими подробностями, которым — после известных процессов над фашистскими извергами из концлагерей,— казалось, уже никогда не найдется места на страницах немецких изданий.

Тогда же у нас возник план создания обличительного документального фильма о «Команде-52». На студии «Дефа» в отделе хроники, развернулась работа по сбору фактов и материалов — деталь за деталью, кадр за кадром.

Мы нашли себе неожиданных помощников в лице нескольких немцев, прошедших почти весь путь с «Командой-52» и снабдивших нас бесценными материалами. На нашем магнитофоне были записаны разговоры между немецкими наемниками во время попок в Конго и даже «исповеди» самого Мюллера.

Но самую большую помощь мы получили от деятелей конголезского освободительного движения. Наряду с письмами и документами убитых западногерманских наемников патриоты доставили нам перехваченную ими почту «Команды-52».

На последнем этапе работы над фильмом «Команда-52» мы получили от конголезских друзей неожиданное сообщение, что Мюллер покинул Конго, вылетев в отпуск из тогдашнего Леопольдвилья в Западную Европу.

Тут же у нас почти молниеносно созрело решение — попытаться заполучить этого Мюллера «живьем» перед микрофоном и камерами. Причем сделать это надо было не позже 16 ноября 1965 года — в этот день в Лейпциге должна была состояться премьера фильма «Команда-52».

По роду своей деятельности нам пришлось за последние годы просмотреть не одну тысячу метров пленки и сотни фотографий, запечатлевших военные преступления и массовые злодеяния времен нацизма. Среди этого материала есть сцены, ужасающе похожие друг на друга, несмотря на то, что они были сняты в разных странах. Убийцы фотографировались и снимались для кино рядом со своими жертвами. Они стояли, смеясь, скалясь, ухмыляясь, с пистолетом, топором, веревкой или кнутом в руке. Часто на

шенебельного леопольдвильского отеля «Мемлинг», вполне представляли характер «работы», для которой их наняли и собрали в знойной конголезской столице. За плечами у них был Индокитай, Алжир — иными словами, пожарища, разграбленные города и деревни, трупы расстрелянных женщин, стариков, детей...

Свой «опыт» ведения колоннальных войн иностранные ландскнехты начали применять теперь в многострадальном, истерзанном Конго.

«Кто же они, эти белые наемники, которые за наличные убивают африканцев? Авантюристы, убийцы, солдаты?» — спрашивали корреспонденты западногерманского журнала «Штерн», своими глазами наблюдавшие «подвиги» белых наемников. И сами отвечали на собственный вопрос: «И то, и другое, и третье».

Человечество, познавшее Освенцим и Лидице, Орадур и Гернику, вновь оказалось очевидцем преступлений выродков, сделавших своей повседневной профессией убийство.

Об этих злодеяниях свидетельствуют неопровержимые документы — фотографии, письма, киноплёнка — да и признания самих участников массовых зверств в Конго. Одно из таких свидетельств — сенсационное интервью небезызвестного Зигфрида Мюллера, которое удалось заснять двум смелым и находчивым кинодокументалистам из ГДР — Вальтеру Хайновски и Герхарду Шойману. Об истории четырехчасовой беседы с убийцей, не подозревавшим, что своей болтовней он впечатывает себя и своих покровителей к позорному столбу, киножурналисты рассказали в книге, перевод которой в скором времени выходит в издательстве «Молодая гвардия». В публикуемом отрывке авторы рассказывают, как им удалось

пронтервьюировать «улыбающегося убийцу».

Кто же этот наемник, получивший печально-знаменитое прозвище Конго-Мюллер? Даже среди головорезов бывший капитан гитлеровской армии, никогда не снимающий со своей пятнистой куртки «Железный крест» первого класса, прославился особой жестокостью. Что ж, у фашистского недобитка «солидный стаж» в этом деле. Недаром он любит похвастаться тем, что с 1939 года участвует во всех войнах, которые происходят «в нашем веселом мире».

Капитан Мюллер оставил кровавые следы и на советской земле, где принимал активное участие в карательных операциях против партизан. После крушения «тысячелетнего рейха» Мюллеру пришлось временно укрыться в тени. Он поступил на работу в одну рекламную фирму, потом в американскую вспомогательную полицию. В погоне за звонкой монетой махнул в Южную Африку, где верные дружки того же лошоба, что и он, подсказали ему дорожку к вербовочному пункту иностранного легиона...

Прошли годы. Многие сподручные Мюллера по палаческому ремеслу нашли свой закономерный конец на африканской земле. Самому майору, как и его «шефу» — экс-премьеру Чомбе, удалось унести ноги. Однако паутина заговоров и интриг вновь плетется против Конголезской Республики. Вновь по заданию Чомбе и К^о вербуются наемники. Их тренируют, тщательно готовят к новым операциям, чтобы в «подходящий момент» попытаться повторить все сначала.

Но история не повторяется. У конголезского народа, всех африканцев свой справедливый счет к наемным убийцам. Они не уйдут от ответа.

Б. ПИЛЯЦКИН

у нас мелькнула мысль и о физическом возмездии. Но нам надо было держать себя в руках, надо было скрывать волнение и, пользуясь терминологией самого Мюллера, «закраться», чтобы не сорвать намеченной «операции». Мы говорили себе, что показания убийцы, зафиксированные на киноплёнке и магнитофонной ленте,

В конце 1964 года начали просачиваться первые сведения о «Команде-52». Во главе этого отряда стоял немец. У него было самое наинемецкое имя: Мюллер. К тому же еще: Зигфрид. В его кармане лежал западногерманский паспорт, а на своем кителе он с гордостью носил «Железный крест» первого класса со свасти-

монтажном столе, останавливая эти сцены, мы всматривались через лупу в лица немцев. Что это были за люди? Мы хотели это знать. Уже доказано: многие из этих убийц получили так называемое гуманитарное образование; они вели дневники и писали стихи, они играли на фортепиано и были милы со своими детьми. Они любили собак. Эти мерзавцы не обидели бы даже божьей коровки.

Среди фотографий Зигфрида Мюллера есть одна, где он сфотографирован, смеющийся, с одним из казенных конголезских патриотов, которому по его приказу отрубили «сначала левую, а затем правую руку». У Мюллера — аттестат об окончании гимназии, он владеет несколькими языками. Его фотоальбомы со вкусом оформлены графически, украшены виньетками и орнаментом. Мюллер немного играет на фортепиано, он большой ценитель Моцарта. К примеру, он знает наизусть начальные такты всех моцартовских квартетов. Он балует свою 13-летнюю дочь Марлис, дарит ей шоколад и платья. Он любит свою собаку. И, надо полагать, вполне способен умилиться божьей коровке.

Удастся ли нам поставить этого Мюллера к микрофону и камере? Он только что завершил один из «важнейших этапов» своей жизни, а именно — свою «Операцию Конго». Из дюжины мюллеров вдруг получился единственный и неповторимый Конго-Мюллер, начинавший конкурировать с Джеймсом Бондом и другими идолами западной милитаристской пропаганды.

Таким образом, мы уже хорошо знали Конго-Мюллера еще до того, как впервые увидели его в лицо. Оставалось «смоделировать» всю игру, продумать шаг за шагом все возможные повороты событий, скрупулезно взвесить все шансы «Операции Мюллер».

Исходная позиция: Мюллера, у которого за плечами «важный жизненный этап», посещают кинематографисты, говорящие по-немецки. Его операции в Конго уже достаточно широко и разносторонне освещены, отсюда опасность: Мюллер, хорошо знакомый с кухней западной прессы, может спросить: почему мы пришли только сейчас? (Действительно, впоследствии он спросил: «Но ведь события в Конго давно уж исчезли со страниц газет?») Наш встречный аргумент: мы готовим большую серию о «сов-

ременной войне»; в этой серии наряду с Мюллером выступят и другие авторитеты. Актуальность, следовательно, отодвинулась на задний план. Мюллер — представляли мы — должен почувствовать себя польщенным. Этот аргумент был мотивирован еще и тем, что мы были знакомы с «теоретическими писаниями» Мюллера по его книге «Современный ландскнехт».

Западногерманские пропагандисты внимательно следили за тем, чтобы о Конго-Мюллере не появилось ни единой строчки, которая могла бы придать «герою» и его деяниям политическую окраску и ввести его, так сказать, в политический ландшафт Федеративной Республики.

...На воротах добротного дома № 15 по Фридрихштрассе в городке Ланген (между Франкфуртом-на-Майне и Дармштадтом) мы не обнаружили фамилии «Мюллер». Однако адрес был верен.

Метрах в восьмистах от дома мы установили камеру и микрофон. Мы задавали вопросы, отвечали жители Лангена:

— Вам что-нибудь говорит имя Конго-Мюллер?

— Конго-Мюллер? Это солдат, он отсюда, из Лангена. Отправился в Конго, там воевал.

— Конго-Мюллер? Конечно слышал о нем. Это... постойте, это человек, который воевал в Конго за этого... как его?.. Да, да, за Чомбе.

— Правильно.

— А теперь я не знаю, куда он делся. По-моему, он все еще живет здесь, в Лангене. Вроде бы собирался во Вьетнам. Помнится, он — или кто другой — набирал людей, чтобы отправиться с ними во Вьетнам.

— А, это Ко-Мю! Живет на Фридрихштрассе, 15. Третий дом отсюда.

— Его девочка ходит мимо нас в школу, а он живет, если пойдете вверх по улице, за высоким домом... Но сейчас его, кажется, нет. Уехал.

И так далее в том же духе. Жители Лангена отлично знают дорогу к Конго-Мюллеру. И охотно показывали ее нам — так же участливо, как показывали бы незнакомцу, где находится почта. Если бы мы задали вопрос, какая марка стирального порошка лучше, возможно бы возник спор,

кто-то высказал бы и свое мнение. Но марка Конго-Мюллер их не волновала. Она просто зафиксировалась в памяти. Тот, кто годами потребляет с экранов кино и телевизоров бурду из искусственных «героев» типа Джеймса Бонда, оживителя трупов Франкенштейна и чудовища Дракулы, тот и реального Ко-Мю проглатывает как должное и обыденное — без особых размышлений и эмоций.

В доме тестя, владельца небольшой типографии, Мюллер занимается со своей женой Эльфридой и дочуркой Эвелин-Марлис целый этаж. Нам открыла дверь блондинка лет сорока, которой, пожалуй, следовало бы несколько больше заботиться о своей фигуре. Жена убийцы.

Она предложила нам пройти в гостиную. Здесь нам и предстал Мюллер, но... пока лишь на фото. Знакомый снимок из Конго — «майор» с захваченными у противника луком и стрелами. Жена очень сожалеет, что мы не застали его дома. «Мой муж отдыхает во Франции». Она идет на кухню приготовить кофе гостям. На столе лежит письмо от Мюллера. Замечаем обратный адрес: Плато Сен-Мишель в Вансе, Приморские Альпы.

Незадолго до того пресса сообщила, что Конго-Мюллер появился на фестивальной премьере французского фильма о легионерах в Индокитае, надев свою конголезскую военную форму и нацепив на грудь «Железный крест» со свастикой. Разразился скандал, который принес Мюллеру новое «паблисити». Позднее мы услышали от него самого, что он стал героем этого скандала по подкаске западногерманских журналистов.

Итак, начинается разговор с женой убийцы: мы хотели бы получить фотографии ее супруга, которые еще не печатались в газетах, — так объяснили мы свое появление. Наша просьба ее явно обрадовала. Она принесла полную фотографий коробку из-под печенья, а кроме того более двадцати фотоальбомов. Спускаются сумерки, жена убийцы включает торшер. Абажур не из человеческого кожи, и сидит перед нами не Ильза Кох, а Эльфрида Мюллер. И все же она чем-то на нее похожа — эдакое новое издание освенцимской надзирательницы в федеральной обложке.

Она кладет на стол фотоальбом «Мятеж в Конго»; обращает

наше внимание на аккуратно наклеенный паспорт конголезского каменщика Эмманюэля Узонго. Ее наманикюренный бледный палец с обручальным кольцом задерживается на темном пятне: «Это кровь». Затем скользит к наклеенной под паспортом фотографии. На дороге в джунглях лежит труп: «Его пристрелили, сказал мой муж». Справка и фото убитого обрамлены рамкой из черных заштрихованных человечков: «Зигфрид обожает рисовать, это его хобби».

— Скажите, фрау Мюллер, здесь, в Лангене, есть люди, которые недолюбливают вас в связи с деятельностью вашего мужа?

— О боже, конечно, есть и такие. Но, к счастью, большинство к нам очень хорошо относится. Ведь мы уже давно живем в Лангене. Многие обращаются к моему мужу по-дружески: Ко-Мю — это сокращенно от Конго-Мюллер.

Жена убийцы убеждена, что ее муж герой. И как еще одно доказательство, она показывает нам две его медали и грамоты, полученные в период службы во вспомогательных отрядах американских вооруженных сил в Германии. Затем она вдруг вскакивает и приносит из соседней комнаты письмо. Ее муж после публикации его фотографий и репортажей о нем в журналах получал, к сожалению, и угрожающие письма. Одна женщина из Гамбурга писала ему: «Конго-Мюллер, я надеюсь, что в тебя скоро попадет стрела африканца». (Для нас примечательно, что ни один из западногерманских журналов не опубликовал это письмо.)

Когда мы к удовольствию жены убийцы расплачивались наличными за фотографии, она, скромно потупив взор, задала самый важный для нас вопрос: «Нет ли у вас желания повидаться с моим мужем?»

У нас было такое желание.

Через несколько дней после возвращения Мюллера мы сидели в фешенебельном ресторане, уплетая нежную лососину и жаркое из козули, и Ко-Мю самодовольно рассказывал, как ему «додается» от международной прессы. Он вытащил из бумажника несколько фотографий — Зигфрид в полном боевом облачении перед весьма экзотическим кустарником.

— О, последние фотографии из Конго?

— Да нет — это снято совсем недавно, в Париже. У ЮПИ¹, — засмеялся он, — не было моих фотографий. Ну вот, они меня поставили перед каким-то кустом в Булонском лесу и щелкнули, ха-ха!

— Военная форма у вас была с собой?

— Конечно. Я офицер. Никогда не знаешь, что может приключиться. Форма всегда должна быть при себе.

Быстренько прикинув в уме свои ресурсы, мы предлагаем за интервью в «цивильном варианте» половину запланированной нами для этой цели суммы. А уж «двойную оплату», то есть полностью ту сумму, которая планировалась на оплату Мюллеру, мы готовы уплатить только за «военноизготовленный вариант». Ответ не заставил себя ждать — перекинувшись коротким взглядом с женой, Мюллер отчеканил: «В военной форме!»

Мюллер явился в ателье в пятином комбинезоне парашютиста. Звезда, «шпалы» и меч — знаки различия конголезского майора — украшали его погоны. Аксельбанты, положенные, собственно, лишь к парадному мундиру, кокетливо дополняли этот впечатляющий наряд. «Я являюсь воином свободного Запада». Пояс сделан из полотна: «Кожу очень быстро покрывает плесень в тропиках». Блестящая массивная пряжка из латуни. На груди «Железный крест» первого класса — со свастики. На ногах высокие американские ботинки со шнуровкой, на нелегитимно толстой нейлоновой подметке: «Очень хороши против змей, скорпионов и прочих гадов». А во время одной из пауз он сказал режиссеру, балагурия: «Если я вам наступлю своей подошвой на живот, то, будьте уверены, вы быстренько выпустите воздух, ха-ха!»

«Одежда делает человека», — гласит весьма сомнительная поговорка. Но в данном случае одежда действительно сделала нам Конго-Мюллера. Расстаться с далеко не импозантным, средненьким «штафиркой», каким выглядел Мюллер в ресторане, и вновь увидеть его марширующим

по ателье в военной форме — это был этюд редкой впечатляющей силы.

Поразительная метаморфоза: его улыбочка, которая при обычном гражданском костюме выглядит скорее как проявление неловкости или смущения, становится вдруг хищной, опасной, а в глазах появляются коварные огоньки. В процессе интервью у нас часто возникало ощущение, что самый запах надетого Мюллером обмундирования действует на него возбуждающе, напоминающая об «операциях» в Конго, о всех этих «мы их прикончили» и «мы их умиротворили».

Итак, «операция» началась точно в намеченное время, минута в минуту.

Когда Конго-Мюллер переступил порог ателье, камеры уже бесшумно работали и микрофоны были включены. Мюллер несколько ошеломленно посмотрел на обе нацеленные на него камеры, на оператора, прищурился от непривычно яркого света. Большое впечатление на него должен был произвести «режиссер», действовавший по типичному западному образцу: Хайновски, рыча, носился по студии, отдавал бесчисленные распоряжения, все перед ним дрожало. Конго-Мюллер тоже сразу же попал под командование режиссера. «Садитесь на этот стул», «Так!», «Голову чуть левее!», «Смотреть в объектив!» — команды следовали одна за другой, и Мюллер, привычный к их языку, выполнял их немедленно и беспрекословно.

Когда в ателье установилась тишина — хорошо организованная тишина, — мы, дав «майору» возможность потопиться, задаем первый вопрос. Он был не совсем по теме интервью: перед дуэлью у микрофона Мюллеру надлежало решить, какой напиток он предпочитает. Ему был предоставлен довольно широкий ассортимент — минеральная вода, кока-кола, чай, кофе, коньяк, виски, водка и «Перно» стояли наготове, как признаки подчеркнутого внимания к гостю, которому предстоит долгая съемка.

С лунатической уверенностью Мюллер, почти не глядя, ухватился за свое «Перно». Разумеется, мы знали, что он должен быть неравнодушен к этой крепкой анисовой водке: ведь «Перно», слегка разбавленное содовой, — издавна традиционное питье во всех колониальных войсках. В течение четырехчасового интервью

¹ ЮПИ — американское агентство Юнайтед Пресс Интернейшнл. — Прим. ред.

содержимое бутылки заметно побавилось. Когда у Мюллера начал заплетаться язык и звукооператор умоляюще посмотрел на режиссера, в интервью последовал совершенно естественный вопрос об отношении Мюллера к алкоголю. Ответ Мюллера перед камерой был весьма выразителен: да, в Конго он привык к пьянству. Колоритный штрих в общей картине. И тем не менее, когда «Перно» в бутылке оставалось уже на донышке, Мюллер полностью отдавал себе отчет в том, что он говорит.

Мюллеру дали микрофон. Другой микрофон был у Герхарда Шоймана.

Дуэль началась.

Целый год готовились мы к этому четырехчасовому разговору. Были продуманы сотни вопросов. Более половины из них остались незадаанными, так как разговор пошел своим путем. Его неожиданные повороты открывали новые возможности, и многие из подготовленных вопросов оказались попросту ненужными.

В диалоге пришлось прежде всего следить за тем, чтобы обращенные к Мюллеру вопросы были достаточно привычны для него по фразеологии, дабы не вызвать у него подозрений. С другой стороны, наша профессиональная гордость не позволяла нам прибегать к формулировкам и выражениям, несвойственным социалистической прессе.

Главная трудность в интервью состояла в следующем: мы знали, пожалуй, «слишком много» о предмете разговора. Пару раз у Мюллера вспыхивало подозрение: откуда, например, спрашивающий знает столько немецких имен из «Команды-52»?

Задача состояла в том, чтобы задать вопрос в другой редакции и в другой связи, порою используя эффект неожиданности.

В течение всей «кинооперации» мы твердо удерживали инициативу в своих руках. А Мюллер сидел на своем стуле с выражением готовности отвечать на все вопросы. «Теоретическая» подготовка, проведенная до встречи в ателье, полностью оправдала себя: мы смогли дать понять этому воинствующему антикоммунисту, что в нас он впервые нашел собеседников, которые принима-

ют его всерьез и отводят ему достойное, отвечающее его собственным представлениям место в обществе. Наконец-то он получил возможность откровенно изложить свою «идеологию» перед микрофоном, наконец-то он мог с чувством собственного достоинства предстать перед объективом камеры в качестве убежденного «воина свободного Запада»!

Из первой беседы в ресторане мы узнали, что самолюбие Мюллера было задето, когда западногерманское телевидение из политических соображений представило его зрителям как «одинокую фигуру», «побочное явление» и т. п. «Я ведь говорил в интервью по телевидению совсем другое!» — жаловался он нам. Но в монтажной мюнхенской телестудии все идеологические высказывания Мюллера пали жертвой редакторских ножниц. Цензура в западногерманских центрах пропаганды не может допустить, чтобы Мюллер упоминал о своих связях с офицерами бундесвера и с американскими генералами или о благодарственном письме, полученном от Франца-Йозефа Штрауса. Мюллер не имел, таким образом, возможности развернуться полностью. Мы великодушно предоставили ему эту возможность. Порой уже казалось, что он жаждет именно тех вопросов, которые мы для него наметили. Мы, собственно, лишь компенсировали в своем интервью то, что «упустили» наши западногерманские коллеги.

Разумеется, по словам Мюллера, все протекало в Конго исключительно мирно и более или менее безобидно. Убивать, собственно, не приходилось «ни разу». (Мюллер: «Честно говоря, в этом просто не было необходимости!»)

В этом месте мы позволим себе прервать рассказ об интервью с Мюллером, чтобы дополнить его высказывания магнитофонной записью, сделанной в Конго, непосредственно на месте преступления.

МЮЛЛЕР: Я думаю, человек семнадцать в этой атаке мы ухлопали.

— ...Лейтенант Лоув взял «джип» с тремя солдатами, и за короткое время они уложили человек сорок.

— ...Чтобы наша команда брала в плен раненых? Такого не бывало. Здесь только убивают.

— ...Здесь никогда не знаешь точно, противник ли это, или просто беженец, или, скажем, чело-

век вышел посмотреть, куда подалась его зубная щетка. Это было неясно. И для ясности мы его уложили.

— ...Да, жестокое обращение здесь необходимо. Ну, скажем, допрашиваешь кого-то. Обязательно надо дать ему как следует. Иначе не выбьешь правду. А после того как выбьешь, что дальше делать? Ведь он повстанец, а повстанец вообще стоит вне закона — и его расстреливают. Это абсолютно естественно. Вообще-то здесь незначим брать в плен, но если уж случается, то частенько разделяют по частям. Сначала отрубают правую ногу, потом левую...

Лейтенант Мази, подчиненный Мюллера, оказывается, вовсе не «вываривал» черепа, а, по словам «майора», всего лишь «обмывал их», вот и все. Конечно, трудно быть точным. Но надо: это так по-прусски. Зачем болтать и преувеличивать? И Мюллер рассказывал нам, что двое журналистов из мюнхенского журнала «Квик», побывавших в Конго, действительно хотели захватить с собой по черепу в качестве сувенира. Они сфотографировали лейтенанта, когда он обмывал для них черепа, и — ради сенсации, чтобы пощекотать нервы читателей, — дали под фотографией подпись: «Головы хорошо вывариваются». Но в действительности эти головы «всего только» обмывались. Надо быть точным.

...По окончании работы мы распрощались с Зигфридом Фридрихом Генрихом Мюллером довольно быстро. Тем не менее нам хватило времени на то, чтобы заключить с ним самый настоящий, по всем правилам оформленный договор, представляющий нам все права на использование и демонстрацию отснятого материала. И не напрасно...

Вскоре после показа фильма западноберлинская газета «Таргешпигель» с желчной злобой попыталась поставить под сомнение подлинность нашей картины, заявив, что «ни один опытный воjak» не стал бы вести себя так, как Мюллер.

Так вот, не кто другой, как «опытнейший» Конго-Мюллер собственноручной подписью подтвердил, что все, что было выше, сделано по всем правилам.

Перевели с немецкого
М. ОСИПОВА и Ю. КЛЕМАНОВ

«НЕ ДАТЬ ЕМУ ПОГИБНУТЬ!»

Мы плыли по морю в Арктике. В современной Арктике с ее мощными ледоколами, самолетами, вертолетами, способными сесть на самую крохотную льдину, надежными рациями, поселками городского типа на ледовых берегах, фермами, парниками, аэродромами и еще тысячу вещей, характерных для нашего Севера 60-х годов XX века.

И новейшими камерами снимали кадры для фильма о полете, катастрофе, поисках и спасении экспедиции Нобиле — об истории исключительной, драматической, несущей в себе так много поучительного и просто по-человечески трогательного.

И вот мы на месте действия.

Парадокс для нас неожиданный: вроде бы в Москве на студии «Мосфильм» сидят героического «Красина» среди торосов выдесл мне яснее, чем теперь, когда я ношуся на вертолете над этими самыми торосами. И, выбирая из них подходящие, такие, которые потом окружают одинокую фигуру с поднятыми руками — Руала Амундсена, прощающегося со своим пилотом, я никак не мог вообразить, что я в самолете Гильбо, а не в смешной стрекозе, к виду которой мы все никак не привыкнем.

На ледоколе нас окружает повседневная организованная суета, если можно так выразиться, налаженный быт. Обыденность. Мы, конечно, знаем, что Север полон необычного: может быть, и сейчас где-то оно происходит. Но не здесь. Не на «Киеве». Наш ледокол делает обычный грузо-пассажирский рейс. Он ведет за собой нефтеналивное судно «Огре».

И вдруг неожиданное, словно бы из кадров собственного фильма, свалилось на нас.

В Арктике судьба людская чаще всего оповещает о себе радиogramмой.

Радиogramма была получена в 13 час. 45 мин. с грузового судна «Мста». (Ледокол «Капитан Мелехов» вел его, как мы свою «Огре», где-то на другом конце Карского моря.) На «Мсте» тяжело заболел матрос, необходима срочная и сложная операция. Оборудование для такой операции есть только на нашем ледоколе.

14 час. 30 мин. Наш вертолет готов лететь за больным. Но начинается пурга. О посылке вертолета не может быть и речи. Остается одно — двинуться навстречу «Мелехову» и «Мсте».

15 час. Идем полным ходом — насколько это позволяет обстановка — на восток. За кормой бьется на буксире «Огре» — ее нельзя оставлять во льдах одну.

Четыре корабля изменили свой маршрут. Сбит напряженный ритм Великого Северного пути. Но иначе нельзя.

Где-то впереди — в одном из маленьких арктических поселков — ждут необходимые им грузы полярники. Но там люди могут ждать, а человек, ожидающий спасения, нет.

В штурманской решают задачу о встрече судов, вышедших из разных точек навстречу друг другу. Задача не простая здесь, во льдах. Мы очень торопимся, но огромное расстояние, сокращается все медленнее, а льды по курсу становятся все более мощными. Дело осложняется еще и тем, что наш хирург ушел в отпуск, и сейчас его заменяет совсем молодой врач-педиатр Анатолий Курятов. Он безумно волнуется, и его легко понять. Выбора

нет — оперировать нужно. Это неожиданный экзамен, который можно сдать только на «отлично».

18 час. 30 мин. Анатолий не отходит от радио. Он беспрерывно справляется о состоянии больного. Ему сообщают, что давление уже 70 на 35.

Человек погибает...

Анатолий просит связать его с «Ленинградом», который проводит корабли за сотни миль отсюда — во льдах Охотского моря. Там — настоящий хирург, и пока есть время, нужно срочно взять урок хирургии.

0 час. 35 мин. На экране локатора две светящиеся точки: это «Мелехов» и «Мста».

Мы в географическом центре Карского моря, вокруг только льды и пурга — четыре гиганта собрались здесь, чтобы своими телами оградить человека от беды, страдания и смерти.

1 час. 40 мин. Наступает такая странная всеобъемлющая тишина, что шум моторов, работающих на холостых оборотах, не нарушает ее, а как бы становится ее частью. В коридоре у операционной собираются люди.

Те, у кого кончилась вахта, становятся на новую — у дверей операционной. Молча ждут.

2 часа. Я иду в радиорубку. Здесь царит голос. Среди чистоты, сияющей металлом техники, среди машин и безлюдья живет голос без плоти и образа, голос, который издавала руководит операцией. Он советуется, требует, повторяет, настаивает. Там, в операционной, этот голос не даст ошибиться руке Анатолия.

3 час. 45 мин. Анатолий, бледный, но спокойный, уходит в штурманскую: операция закончилась. Теперь больного срочно нужно доставить в стационарную клинику. И вот мы снова считаем мили и часы.

5 часов. С самолета сброшена калка с ледовой обстановкой. Она предупреждает, что впереди — мощные скопления льда.

7 часов. Тусклый полярный рассвет застает нас еще в пути. Уже в самой бухте на нас обрушивается шторм. Он мешает пришвартоваться, рвутся толстые стальные тросы, волны сбивают с ног людей. Но вот и это — последнее препятствие — преодолено.

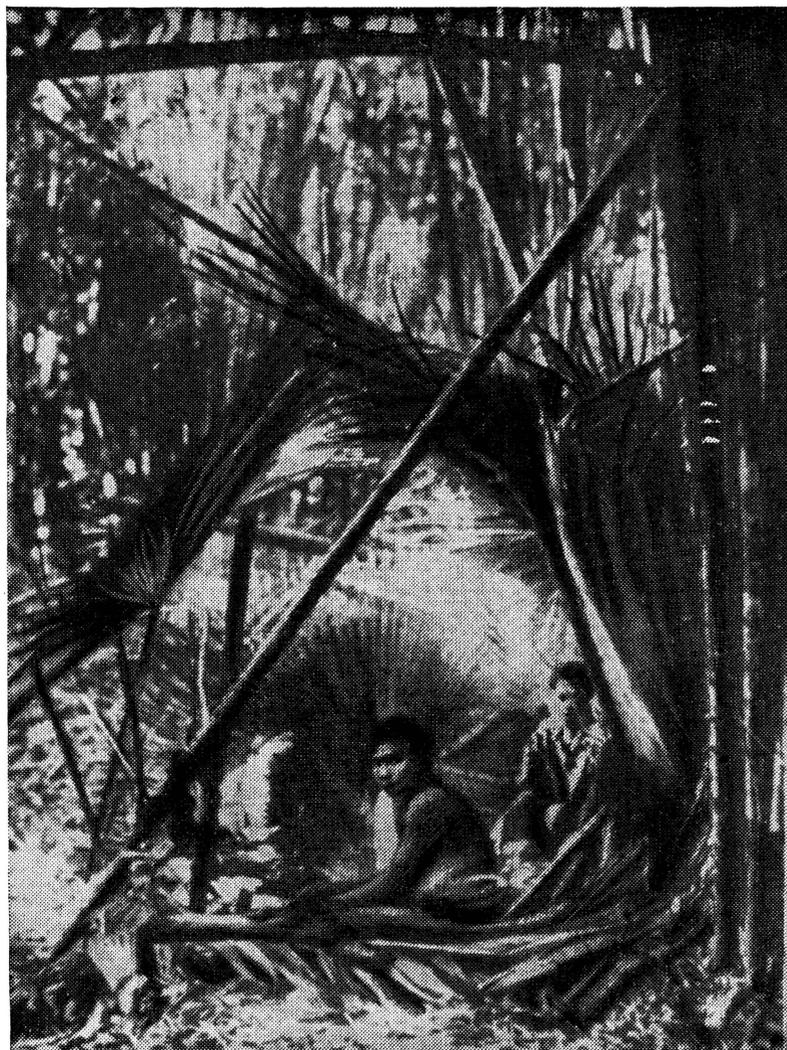
8 час. 37 мин. Десять матросов во главе с судовым врачом, пригибаясь к земле под порывами штормового ветра, несут носилки, прикрытые брезентом. Когда на мол падает волна, матросы с носилками замирают, чтобы через секунду, выждав, идти дальше. Это похоже на вынос раненого с поля боя под непрерывным огнем. Волны обрушиваются на мол то спереди, то сзади, но им не удается настигнуть уходящую от них добычу.

Теперь бой будет продолжен в больнице, бой за человека, который не должен погибнуть.

Всего несколько часов отделяли нас от того момента, когда мы в последний раз занимались своей обычной работой: снимали и спорили, старались «вжиться в тему». Одна лишь ночь. В эту ночь мы стали не только авторами, а словно бы участниками собственного фильма. Жаль лишь, что зритель этого не увидит, ибо камеры в таких случаях не пускаются в ход...

Д. ВЕНИЦКИЙ, наш спец. корр.

ИЛИ РАССКАЗ О ТАИЛАНДСКОМ
ЧИНОВНИКЕ, ВОЛЕЮ НАЧАЛЬ-
СТВА ОТПРАВЛЕННОМ В ДИКИЕ
ДЕБРИ НА ПОИСКИ «ЛЕСНЫХ
ЛЮДЕЙ».

Л. МИНЦ

«Так называемые Духи желтых листьев, бродящие в джунглях провинций Нан, Пре, Чианграй и у истоков реки Намва и замеченные последний раз на территории королевства Танланд в 1964 году... — гласила официальная бумага, полученная из Бангкока. — Найти их, пересчитать, описать занятия».

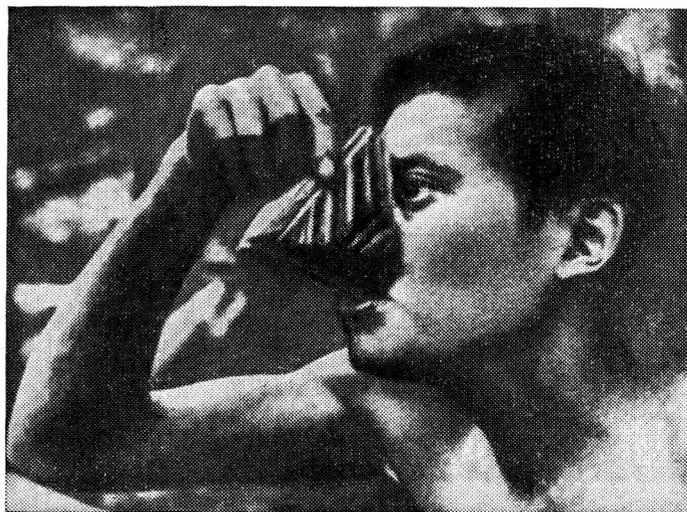
Чего им там нейдет, в столице! А ведь здесь, наверное, водятся змеи...

Читтампонг (в который раз уже!) споткнулся о толстый корень, чертыхнулся и отер со лба пот.

Его проводник Бун Ма, охотник-мео, низкорослый мускулистый парень, обернулся:

— Устали, господин?

Фото из книги П. Бурхарда «Духи желтых листьев» (Варшава, 1965 г.).

его с собой в лес, чтобы показать, как ставить силки и где искать воду для питья.

Возвращались они долой вдоль ручья. Вышли на небольшую поляну. Прямо перед ними стоял какой-то шалаш, даже не шалаш, а просто несколько переплетенных веток с пожелтевшей листвой. Рядом — следы костра, вокруг рассыпана зола.

И ни души.

— Что это? — спросил Бун Ма.

— Пи-Тонг-Луанг, — ответил отец. На языке мео это значит Духи желтых листьев.

— Духи? — Бун Ма в испуге прижался к отцу.

— Не бойся, — успокоил его отец, — это такие же люди, как мы, только они живут в лесу.

В тот раз Бун Ма не увидел лесных людей. Но вскоре они сами пришли в деревню.

Все деревни мео окружены частокором для защиты от врагов и диких зверей. Духи желтых листьев подошли к частокору и остановились, терпеливо ожидая, пока их заметят.

Открылись ворота из массивных бревен, и обитатели джунглей гуськом вошли в деревню.

От хижины к хижине неслось:

— Пи-Тонг-Луанг! Пришли Духи желтых листьев!

Бун Ма вместе с братьями выбежал из хижины. Духов было трое — двое мужчин и мальчик, чуть постарше самого Бун Ма.

Мальчик был совсем голый, бедра мужчин опоясывали выцветшие тряпки. Не обращая внимания на шум, Духи прошли на деревенскую площадь. Из заплечных корзин они вытащили свой нехитрый товар — воск диких пчел, смолу, циновки — и разложили на земле.

Тот, кто хотел обменяться с ними, клал рядом немного риса, соль, табак, тряпки, завернутые в листья катышки опиума.

Когда обмен закончился, лесные люди встали и быстрым шагом направились к воротам. Деревня с ее хижинами на высоких сваях, с площадью, где так много чужих людей, явно пугала их.

Бун Ма вместе с друзьями-мальчишками бежал за ними до ворот, потом влез на ограду и смотрел, как они, не оглядываясь, быстро уходили к лесу.

— С тех пор, господин, я видел их много раз. И в лесу с ними бывал, они привыкли ко мне. Они себя называют «юмбри» — люди леса, значит.

К стоянке юмбри чиновник и его проводник вышли уже к концу дня. Люди леса были напуганы видом Читтампонга, такого не похожего ни на горцев — мео, ни на лао — земледельцев долин. Но Бун Ма, которого они хорошо знали, успокоил их.

Женщины натащили целую кучу сухих листьев и веточек. Один из мужчин, должно быть старший в роде, высек искру, ударяя кремнем о камень, и раздул огонь.

Читтампонг настолько устал, что едва проводник соорудил шалаш для ночлега, сразу забрался туда и забылся беспокойным сном. Сквозь сон доносились крики обезьян, стрекот цикад и голоса лесных людей.

Потом голоса смолкли, в шалаш влез Бун Ма, поворочался немного и затих, очевидно, тоже заснул.

Огонь тлел всю ночь. Время от времени кто-нибудь из юмбри вставал и подбрасывал пару сучьев в костер.

На рассвете женщины поднялись первыми и принялись раздувать огонь. Потом они налили в обрубки толстых бамбуковых стволов воду и положили туда заготовленные с вечера корни. Бамбуковые трубки они приладили над костром. Когда трубки обуглятся — еда готова. Такую посуду можно использовать только один раз. Но более долговечная утварь и не нужна людям джунглей — она мешала бы им в походах по чащобам.

Проснулись и мужчины, подсели к костру. Свернутые листья заменили им посуду.

Читтампонг с любопытством рассматривал этих людей. Их было семеро. Двое мужчин — молодой и старый, три женщины, мальчик и грудная девочка.

У юмбри, таких же невысоких, как лао и мео, была светлокоричневая кожа, густые, черные, слегка волнистые волосы. Черты лица — мелкие и приятные. Поражали глаза, огромные, блестящие, неподвижные. Уши у юмбри были продырявлены, и в отверстия вставлены свернутые сухие

А про себя подумал: «Эти городские совсем не умеют ходить по лесу, спотыкаются на каждом шагу, всюду им мерещатся змеи. А ведь у господина чиновника такие толстые ботинки — никакая змея не прокусит».

— Ты точно знаешь, что они где-то поблизости?

— Конечно, господин. На берегу реки зола от костра была совсем свежая. Они не могли далеко уйти. Я знаю, где они обычно бродят.

— Тебе случалось видеть их раньше?

— Конечно, господин. Иногда они даже приходят к нам в деревню и в Нам-Зу тоже.

— А почему вы их зовете Духами желтых листьев?

— Они ведь прячутся в шалашах из желтых листьев, а если кто чужой приблизится, исчезают так быстро, что и не заметишь. Прямо как духи.

Бун Ма услышал о Духах желтых листьев вскоре после большой войны, когда он был совсем маленьким. Отец впервые взял

листья. У одной женщины красовались в ушах кусочки бамбука.

Все они были без одежды.

За спиной у женщин укреплены длинные корзины. В руках у мужчин — заостренные бамбуковые палки.

— Пойдем с ними, — сказал Читтампонг.

— Пойдем, господин, — согласился Бун Ма.

Они шли очень медленно. Юмбри внимательно глядели себе под ноги — искали съедобные растения. На первый взгляд казалось, что они бредут, не выбирая направления, но вскоре Читтампонг сообразил, что юмбри по каким-то признакам, известным лишь им, отыскивают поляны, где растут дикий ямс и таро.

Вот мужчины-юмбри, переброшившись отрывистыми фразами, присели на корточки у какого-то отверстия в земле. Потом один из них исчез в кустах и вернулся, держа в руках три обрубка бамбука, наполненные водой. Второй внимательно исследовал землю неподалеку от отверстия и, очевидно, нашел то, что требовалось, потому что поднял руку, давая знак первому. Тогда первый стал лить в отверстие воду. Какой-то зверек выскочил из земли, юмбри молниеносно схватил его и столь же молниеносно свернул голову.

Добыча отправилась в корзину. Люди джунглей продолжали свой путь.

С необычайным проворством пробирались они через густейшие заросли. Даже Бун Ма мог позавидовать им.

Ночевали на одной из полян. Воткнув в землю несколько веток, юмбри набросали сверху ворох желтых опавших листьев.

При свете костра дневную добычу разделили на две неравные части: большую — чтобы съесть сейчас, меньшую — утром.

Обуглились бамбуковые трубки, каждый член семьи (они называют ее «меюм», объяснил Бун Ма) получил свою долю. Бун Ма тоже приготовил ужин — в такой же бамбуковой трубке сварил рис для господина чиновника и для себя. Поделился он и с юмбри.

Однако юмбри все не начинали есть.

Глава семьи разбросал в кустах немного риса, встал на колени и, сложив руки, произнес:

— Съешьте эту еду, тигры, и оставьте нас в покое.

И все юмбри стали на колени и повторили:

— Съешьте эту еду и оставьте нас в покое.

После этого принялись за трапезу.

Наевшись, довольные, они отдыхали после трудного дня скитаний.

При свете костра Читтампонг приводил в порядок свои записи.

— Спроси, как его имя, — обратился он к Бун Ма. — И его. И ее.

— Отец, — отвечал старый юмбри. — Жена, сын, жена сына.

— А имя, имя?

Юмбри не понимал.

— Отец, — твердил он, показывая на себя, — сын, жена...

Не добившись ответа, Читтампонг оставил его в покое. Надо было еще многое записать.

Юмбри и Бун Ма тихо переговаривались о чем-то. Молодой юмбри зажал между пальцами несколько обрубков бамбука и начал легонько постукивать по ним палочкой. Эта музыка радовала юмбри. На их лицах было написано блаженство.

Густая лиловая ночь окутала лес.

Музыке людей джунглей вторил разноголосый концерт — крики птиц смешались с резкими воплями обезьян, неумолчно трещали мириады насекомых.

Все это привычно Духам желтых листьев. Это их мир, окружающий юмбри с рождения до смерти. В джунглях юмбри не боятся ничего, кроме «баа» — злых духов да тигра.

(«Еще недавно в семье было трое мужчин, одного утащил тигр», — записал Читтампонг со слов Бун Ма.)

Ночному концерту нет конца. Легкий ветерок покачивает кроны деревьев. Внезапно в хор вмешался протяжный вой, пронзительный и тоскливый.

— У-ааах... — И снова через минуту — уааах...

И сразу смолкли звери джунглей. Лишь сучья потрескивали в костре, бессмысленно стрекотали цикады да продолжали квакать лягушки.

Охваченные ужасом, юмбри замерли, прижавшись друг к другу.

Снова послышался вой, на этот раз откуда-то издадала. Наверное, другой тигр, услышав призыв, подавал голос.

Юмбри сидели, не шелохнувшись, потом тихо заползли в свой шалаш.

«Ни дома, ни имущества — лишь скитания по джунглям, поиски пищи, вечный страх перед тиграми... Печальные Духи желтых листьев, — подумал Читтампонг. — Скорей бы домой!»

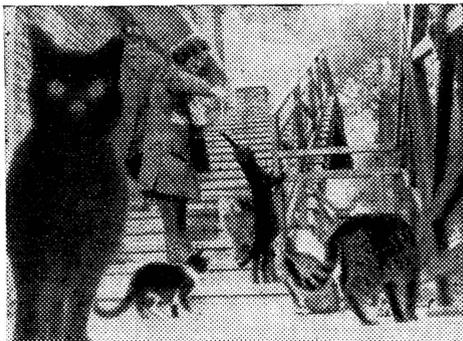
КОММЕНТИРУЕТ СТАРШИЙ НАУЧНЫЙ СОТРУДНИК ИНСТИТУТА ЭТНОГРАФИИ АН СССР Г. Г. СТРАТОНОВИЧ:

«Людьми леса» называет себя затерянное в джунглях Таиланда племя, которое долгое время было известно под названием «Духи желтых листьев» (так называют их соседи: охотники-мео и земледельцы-лао). Многие в образе жизни этого народа и поныне остается загадкой. Ведь до недавнего времени никто из ученых не видел их.

Ученые предполагают, что предки нынешних юмбри — древнейшие обитатели Индокитайского полуострова. Некогда они жили в деревнях, возделывали поля, короче говоря, стояли на гораздо более высокой ступени развития, чем их потомки, сегодняшние юмбри. На протяжении тысячелетий одна за другой катились по Индокитайскому полуострову волны пришельцев с севера. Последние такие переселения отмечены еще в нашем веке. В кровавой борьбе коренное население оттеснялось все дальше и дальше в малопригодные для жизни джунгли. Вечные поиски пищи заставили юмбри скитаться по дебрям. Постоянный страх перед врагами научил их искусству мгновенно растворяться в зарослях при малейшей опасности. Постепенно утрачивались культурные навыки: незачем строить дом, если его все равно сожгут, сеять рис, если урожай захватит неприязнь. Юмбри превратились в собирателей, живущих только тем, что дает им лес. Такая утрата культуры называется «вторичной дикостью».

Этнографам известны и другие народы, утратившие, подобно юмбри свои культурные навыки. Таков, например, народ рук в северо-западном Вьетнаме. Двести лет изоляции в горных джунглях превратили их к началу нашего века в первобытных людей. Ныне люди племени рук переселились в долину, научились обрабатывать землю. К ним пришли врачи и учителя.

Трудно сказать, как сложится дальнейшая судьба Духов желтых листьев. Во всяком случае, в условиях современного Таиланда они по-прежнему обречены влачить печальное существование.

КОШКИ, КОЛИЗЕИ И ФИЛАНТРОПЫ

Не первый год идет жестокая баталия между римским Обществом защиты животных и отцами Вечного города. Спор идет о... кошках, которые тысячами населяют развалины Колизея. Общество требует средств, чтобы кормить беспризорных животных, а муниципалитет регулярно отказывает. Так что пока заботу об обитателях Колизея взяли на себя любители, а точнее любительницы кошек.

НИКАКИХ «НО»

Доказательство, представленное Фрэнсисом Фордом в лондонский суд по делам о разводах, решило исход процесса. Форд предложил вниманию судей магнитофонную пленку, на которой был записан его полтора-два часа разговор с супругой. Миссис Форд за время разговора не сделала ни секундной передышки, а десять «но», которые сумел вставить ее супруг, были решительно и незамедлительно пресечены. Суд удовлетворил просьбу м-ра Форда о разводе.

С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ «ОБРАЗЦОВОГО»...

В инструкции для «образцового аргентинского полицейского» записано: «Автомобилист, никогда не превышающий скорости, аккуратно притормаживающий перед каждым перекрестком и незамедлительно останавливающийся на красный свет, подозрительен. Два шанса против одного — он или не имеет прав, или же угнал чужой автомобиль».

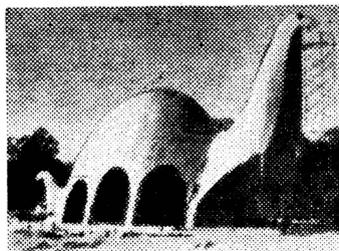
СЕРАЯ ЧУМА

Чилийские зоологи стоят перед загадкой, а крестьяне некоторых провинций — перед угрозой разорения. Миллионы мышей, покинув свои норы в Андах, спустились в плодородные долины вокруг Сант-Яго. Ученые предполагают, что это переселение вызвано землетрясением в горах.

Там, где прошли колонны мышей, на полях не остается ничего. Ни огненные заграждения, ни другие средства не в силах удержать серых бестий. Они уничтожили уже 1300 гектаров посевов.

ЗАХОДИТЕ НА ЧАЙ

Для привлечения настойких прихожан в церковь придумано уже не мало способов. Голландские протестанты прибегли, пожалуй, к одному из самых распространенных в наши дни: они поместили объявления в газетах. Объявления гласили: «Приглашаем на субботнюю службу. Гарантируем свободное место для стоянки машины. После службы подается чай».

ГАРАЖ В ДИНОЗАВРЕ

Этот динозавр стоит на шоссе недалеко от города Санкт-Петербурга, штат Флорида, США. Динозавр оказался в высшей степени полезным животным — в нем разместили гараж. Сделан огромный ящик из железобетона.

ДУБЛЕР

Во время футбольного матча во французском городе Меце один из игроков получил тяжелое повреждение. Его унесли с поля. Однако через несколько минут он вернулся как ни в чем не бывало. Когда матч окончился, выяснилось, что незадачливого футболиста подменил его брат-близнец. Результаты игры были объявлены недействительными. Разоблаченный двойник приговорен к тюремному заключению на три месяца.

ЛУЧШИЙ ПОДАРОК

Фрэнк Мольт из английского города Эйлсбери получил по случаю ухода на пенсию трогательный подарок: оплаченное место на кладбище. Так муниципалитет отметил его многолетнюю беспопытную службу в качестве кладбищенского сторожа. «Я счастлив, — сказал Мольт. — Как удачно, что мой участок расположен рядом со сторожкой, где я провел столько лет!»

ГАЛАНТНОСТЬ ПО СХОДНОЙ ЧЕНЕ

Женщины в Западном Берлине довольно опасно ходят в позднее время по городу. Совсем недавно было создано общество, члены которого дежурят на улицах и сопровождают одиноких женщин. За каждый час такой прогулки джентльмен, разделивший одиночество дамы, получает 5 марок. Билет в театр или кино, а также ужин в ресторане — тоже за счет дамы.

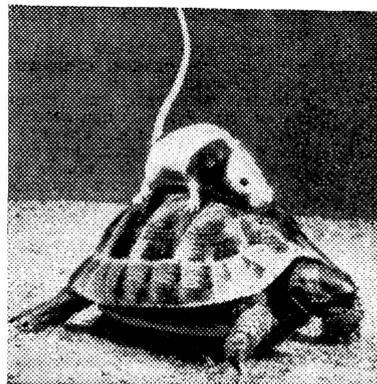

ПОВЫШЕНИЕ КВАЛИФИКАЦИИ

Владельцы картавых или заикающихся попугаев отныне могут быть спокойны. В Сиднее открыта школа дикции и исправления речи для попугаев. Первые 87 учеников уже поступили в школу.

ВРЕМЯ ЧУЖОЙ СЛАВЫ

Квартира норвежской писательницы Луизы Стекихт, автора многих книг о животных, — своеобразный зоопарк на дому. Собаки, кошки, черепахи, мыши свободно бродят по квартире и, как утверждает хозяйка, живут в большой дружбе. Японским мышам писательница посвятила свою последнюю книгу. Мыши возгордились и теперь свысока смотрят на других животных. Одна из них пришла к выводу, что передвигаться на своих четырех ей уже негоже. Теперь она ездит на черепахе. Та не возражает: как же отказать знаменитости.

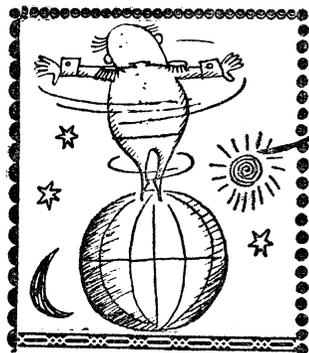
КЛУБ КРУГОСВЕТНЫХ МОРЕПЛАВАТЕЛЕЙ

Среди многочисленных американских клубов одним из наиболее замечательных является «Клуб кругосветных мореплавателей», насчитывающий всего 140 человек.

Клуб имеет членов во всех столицах мира. Их обязанностью является, между прочим, оказание гостеприимства проезжающим через их страны путешественникам.

Недавно происходили выборы нового члена клуба — адмирала Роберта Пири. И хотя открывший Северный полюс был единогласно принят, ему было поставлено на вид, что хотя он и был на Северном полюсе, но кругосветного путешествия не совершил. Пири возразил, что, будучи на полюсе, он неоднократно описывал круги, поворачиваясь на своих носках и объезжая таким образом кругом Землю.

Один из членов клуба, Фрэнк Каффи, одиннадцать раз совершил объезд земного шара.

СОВРЕМЕННОЕ ХОЗЯЙСТВО ИЗ БУМАГИ

Американский журнал, посвященный писчебумажному делу, дал недавно интересный очерк, показывающий, что можно оборудовать полный дом исключительно предметами из бумаги.

Применение бумаги для выделки картонок, чемоданов, сундуков и т. п. общеизвестно.

Менее известно, что в настоящее время из бумаги готовят «пузырь» для колбасы, что эта колбаса имеет хороший вкус, пересылается в бумажной упаковке, может храниться в бумажных ледяных шкапах и сервироваться на бумажных тарелках.

На столе могут лежать бумажные салфетки. Серебро можно перебить в бумажном тазу и вытереть бумажным полотенцем. Стулья могут фабриковаться из бумаги, равно как склянки, кружки, блюда и т. п.

Любопытно иной раз заглянуть в старые журналы. С их пожелтевших страниц веет неповторимым ароматом той эпохи, когда кинематограф считался чудом, когда мысль о том, что из бумаги можно делать салфетки, казалась фантастической. Мы предлагаем читателям несколько заметок, взятых из номеров «Вокруг света» более чем полувековой давности. Многие из них наверняка покажутся вам наивными, зато другие выглядят вполне свежими.

Из бумаги же можно делать одежду. Прощую зиму в Европе из бумаги выработывались теплые чулки для солдат.

Фабрикация бумажных цветов разрослась до размеров крупной индустрии. Из бумаги делаются даже поля для шляп.

КИНЕМАТОГРАФ В КАЧЕСТВЕ ДИРИЖЕРА

Было время, когда сравнительно немногочисленные счастливицы могли наслаждаться пением какого-нибудь знаменитого певца. Ныне граммофон изменил это. Хотя граммофон не может вполне заменить живое пение, все же суррогат, даваемый им, настолько совершенен, что можно сказать, что искусство величайших певцов мира в настоящее время стало общим достоянием.

Нельзя ли было бы устроить так, чтобы широкая публика могла бы также наслаждаться хоть частью того очарования, которое исходит от палочки великих дирижеров? Само собой понятно, что средством для этого должен служить кинематограф — другое величайшее изобретение наших дней.

Идея здесь та, чтобы кинематографически снять какого-нибудь знаменитого дирижера в то время, как он дирижирует оркестром, а потом этот фильм должен заменить живого дирижера при исполнении той же самой вещи. «Кинематографический дирижер» должен дирижировать оркестром с большого экрана, помещенного так, чтобы весь оркестр мог хорошо видеть его.

КАК ЯПОНЦЫ ОТНОСЯТСЯ К ИНОСТРАНЦАМ

В Японии много глухих уголков, куда не заглядывают европейцы, но вежливость и предупредительность японского правительства так велика, что всюду в общественных местах вывешиваются плакаты с руководством, как обращаться с иностранцами. Вот что стоит, между прочим, на этих плакатах.

«Нужно помнить, что в общественных местах и театрах английские леди не снимают шляп.

Английские мужья и жены имеют обыкновение ходить на улице под руку.

Если иностранец вынимает часы, это значит, что он спешит куда-то по делу и, следовательно, вам пора уходить.

Ошибочно думать, что иностранцы всегда охотно отвечают на просьбу одолжить денег».

Хорошо было бы, если бы все народы усвоили такую вежливость по отношению к иностранцам.

Рисунки В. ЧИЖИКОВА

НОВЫЕ ЧУДЕСА

В древнем мире существовало семь чудес света. Мир прожил с тех пор более 2000 лет, и его не удивить теперь этими чудесами. Все они превзойдены по величине, искусству и смелости сооружения многими современными постройками.

Один журнал в Чикаго устроил анкету по вопросу о том, что в настоящее время считать чудом света.

Полученные ответы указали следующие семь чудес двадцатого века: беспроволочный телеграф, телефон, аэроплан, ради, антитоксины, спектральный анализ, лучи X (или Рентгена).

Как видим, современные чудеса — творения исключительно научной мысли.

ПАРИКМАХЕРСКАЯ НА АЭРОПЛАНЕ

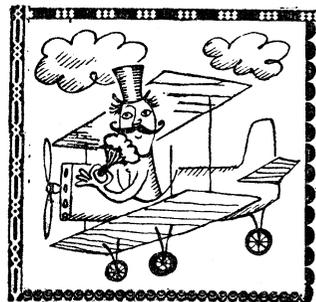
Курьезная история произошла недавно около Вены.

Авиатор Коншель держал пари, что он, поднявшись в воздух, один, без всякой посторонней помощи, в воздухе... выбреется. Пари его было принято и заключено на 500 крон.

Наступил указанный Коншелем день. На аэродроме Асперн собралась огромная толпа авиаторов, спортсменов и просто любопытных. Не прошло нескольких минут, как из ангара был вывезен на поле аэроплан, на котором поместился сам Коншель. Он взял с собой все бритвенные принадлежности и быстро поднялся без пассажира на высоту 1000 метров.

Во время второго круга над полем он намылился и даже уже начал бриться. Тут же перед ним находилось маленькое зеркальце, позволявшее все время наблюдать за бритьем. Коншель произвел все манипуляции бритья, весьма спокойно, управляя в то же время аэропланом посредством ног. Аэроплан летел довольно медленно и ровно.

Спустя 21 минуту Коншель красиво спланировал и приземлился. Когда он вышел из гондолы аэроплана, лицо его было начисто выбрито, и, таким образом, пари было выиграно.

С острова Четверга¹ мне захотелось перебраться на Новую Гвинею. Единственный путь к острову лежал через Арафурское море, пересечь которое вполне можно было на паруснике какого-нибудь местного ловца жемчуга. Дела у них шли неважно, и множество маленьких опрятных суденышек стояло на якоре в бухте. Я нанял на месяц шкипера, изнывавшего от безделья, и обо всем с ним договорился. Он, в свою очередь, нашел четверых туземцев с островов Торрессова пролива (судно было водоизмещением всего в девятнадцать тонн). Затем мы закупили все консервы, которые нам удалось обнаружить в местной лавке. Когда до отплытия оставалось всего день или два, ко мне подошел хозяин нескольких судов для ловли жемчуга и спросил, не соглашусь ли я доставить на остров Трибукет пару мешков с мукой и рисом, а также несколько журналов и передать их живущему там отшельнику.

Я наострил уши. Оказалось, что на этом уединенном острове вот уже тридцать лет живет человек, живет совсем один, и время от времени, когда подвывается оказия, сердобольные люди посылают ему продукты и другие необходимые вещи. Сам он говорит, что он датчанин, но в Торрессовом проливе все зовут отшельника не иначе, как Немец Гарри. История его появления на острове необычна. Тридцать лет тому назад, когда он служил матросом на парусном судне, его корабль потерпел крушение в этих предательских водах. Экипажу удалось спастись на двух шлюпках, которые после долгих злоключений добрались до уединенного острова Трибукет. Остров этот расположен в стороне от морских путей, и прошло три года, прежде чем спасшихся обнаружили. Шестнадцать человек высадились на острове, но к тому времени, когда, наконец, на них наткнулась шхуна, загнанная сюда штормом, в живых осталось только пятеро. Переждав под прикрытием берега шторм, капитан шхуны взял четверых на борт и доставил их в Сидней, а пятый — Немец Гарри — категорически отказался покинуть остров. Он сказал, что за прошедшие три года он насмотрелся таких ужасных вещей, что теперь испытывает страх и отвращение к людям и больше не хочет жить вместе с ними. Его решение остаться на этом заброшенном в беспредельном просторе океана островке было непоколебимо. И хотя впоследствии ему неоднократно представлялась возможность покинуть остров, он так и остался на нем.

Станный человек, странная история. За время нашего плавания по этому пустынному морю я узнал о нем много других подробностей. Торрессов пролив усеян островками, и каждый раз мы останавливались на ночь на подветренной стороне то

¹ На наших картах этот остров называется Терсди. — Прим. ред.

Рисунки С. ПРУСОВА

Рассказ

одного, то другого из них. Не так давно поблизости от острова Трибукет были обнаружены новые жемчужные отмели, и ловцы жемчуга, время от времени промышляющие здесь, привозят Немцу Гарри все необходимое, так что теперь он ни в чем не нуждается. Они доставляют ему газеты, муку, рис, консервы. У него есть вельбот, большой и неуклюжий, на котором он когда-то ловил рыбу, но вот уже несколько лет, как он перестал выходить в море — силы уже не те. Риф, окружающий его остров, изобилует раковинами-жемчужницами, которые он собирает и выменивает у ловцов жемчуга на табак. Иногда попадает отличная жемчужина, за которую ему перепадает приличная сумма. Ходят слухи, что где-то на острове у него зарыт клад, состоящий из великолепных жемчужин. Во время войны¹ ловцы жемчуга не появлялись у острова, и в течение нескольких лет он не видел ни единой живой души. Ему даже начало казаться, что какая-то ужасная эпидемия истребила все человечество и лишь он один остался в живых. Позже его спросили, что он думал в те годы.

— Я решил, что произошло что-то страшное, — ответил он.

У него кончились спички, и, боясь остаться без огня, он спал урывками, день и ночь подкладывая в костер дрова. Провизия тоже кончилась, и Немец Гарри питался курами, которых он развел, рыбой и кокосовыми орехами. Иногда ему удавалось поймать черепаху.

¹ Имеется в виду первая мировая война. — Прим. пер.

В течение четырех последних месяцев каждого года, когда начинался осенний сезон сбора жемчуга, около острова постоянно находилось два-три люггера, промышлявших на жемчужных отмелях. Довольно часто после утомительного дня ловцы жемчуга высаживаются на остров и проводят вечер вместе с ним. Они стараются напоить его и затем расспрашивают о событиях, происшедших на острове после кораблекрушения. Как случилось, что высадилось на остров шестнадцать человек, а через три года в живых осталось только пятеро? Но Немец Гарри хранит гробовое молчание. Пьян ли, трезв ли, он наотрез отказывается говорить на эту тему, а если они настаивают, сердится и уходит.

Прошло четыре или пять дней плавания — не помню точно, — когда, наконец, мы увидели на горизонте крохотное королевство отшельника. К этому времени погода испортилась, и нам пришлось искать убежища на острове, где мы пробыли пару дней. Трибукет — низкий островок, едва приподнимающийся над уровнем моря, около мили в окружности. Он весь порос кокосовыми пальмами и окружен коралловым рифом, так что подойти к нему можно лишь с одной стороны. Да и то в сплошном кольце рифов прохода нет, поэтому нам пришлось встать на якорь примерно в миле от острова. Мы погрузили провиант в шлюпку и начали грести к берегу, преодолевая сильный отлив. Даже за рифовым барьером море было беспокойно, и приходилось постоянно быть настороже. Я увидел маленькую хижину, защищенную деревьями. Когда мы приблизились к берегу, из нее вышел мужчина и медленно побрел нам навстречу. Мы громко поздоровались с ним, но он не ответил. Немцу Гарри было уже

лет за семьдесят, он был совсем лысый, с длинным острым лицом и седой бородой. Походка вразвалку выдавала бывалого моряка. Голубые глаза на темном от загара лице казались совсем бледными. Они были окружены сетью морщин, как будто он провел многие годы, напряженно вглядываясь в бескрайние морские просторы. На нем были парусиновые штаны и фуфайка, заплатанная, но чистая и опрятная. Хижина, в которую он позднее пригласил нас, была крыта гофрированным железом и состояла из одной комнаты. Кровать, самодельные грубые стулья, стол и разные хозяйственные принадлежности — вот и все, что в ней было. Под деревом, что росло перед домиком, — стол и скамейка. С другой стороны дома огороженное место для кур.

Не думаю, что Немец Гарри был рад нашему приезду. Он принял подарки как должное, не сказав ни слова благодарности, и немного поворчал, обнаружив чего-то, в чем нуждался. Старик был молчалив и угрюм. Новости его не интересовали, как и все, что было за пределами его мира. Единственно, чем он был постоянно озабочен, так это судьбой острова. Он называл его «своим курортом» и страшно боялся, что заросли кокосовых пальм привлекут внимание предприимчивого торговца копррой.

Ко мне он тоже отнесся с подозрением и мрачно осведомился, чем я занимаюсь в этих краях. Говорил он, с трудом подбирая слова, обращаясь скорее к себе, чем к нам, и было немного жутковато слушать, как он бормочет что-то под нос, как будто нас и не существует. Но все же и он расчувствовался, когда шкипер рассказал о смерти одного его знакомого и сверстника.

— Старина Чарли умер, какая жалость! Старина Чарли умер, — повторял он без конца.

Я спросил Немца Гарри, читает ли он что-нибудь.

— Очень редко, — ответил он равнодушно.

Похоже, его интересовали только пища, собаки и куры. Казалось бы, долгое общение с природой и морем должно было открыть ему множество заповедных тайн. Этого, однако, не произошло. Немец Гарри был дикарем, ограниченным, сварливым невеждой. Глядя на его морщинистое, неприятное лицо, я испытывал острое желание узнать тайну ужасных переживаний тех трех лет, которые заставили Немца Гарри выбрать добровольное пожизненное заключение. В его выцветших бледных глазах мне хотелось разглядеть эту тайну, которую он унесет с собой в могилу. И мне представился его конец.

Когда-нибудь на остров высадится ловец жемчуга, но на берегу его не будет ждать Немец Гарри, молчаливый и подозрительный. Пришелец подойдет к хижине и там, на кровати, увидит неузнаваемые останки того, кто был некогда человеком. Возможно, он тут же примется разыскивать баснословный клад, бередивший воображение многих искателей приключений. Но мне не верится, что поиски увенчаются успехом. Перед смертью Немец Гарри позаботится о том, чтобы никто не нашел сокровищ, и жемчужины будут гнить в тайнике. Ловец вернется на шхуну, и остров снова станет необитаемым...

Перевели с английского
И. ПОЧИТАЛИН и Б. СЕНЬКИН.

У истории этой есть продолжение. Действительно, жил когда-то человек, описанный Сомерсетом Моэмом. И самое интересное и грустное — что его «робинзонада» закончилась почти так, как предполагал писатель. Об этом рассказал издающийся в Сиднее журнал «Пасифик айлендз мансли» («Ежемесячник тихоокеанских островов»).

Смерть на коралловом острове

Настоящее имя этого человека — Генри Эвольт. Он родился в Дании в 1849 году, так что в 1922 году перед Моэмом стоял 73-летний старик. В шестнадцать лет Генри покинул отчий дом, устроившись юнгой на корабль дальнего плавания. Много лет носило его по свету, пока не настал 1884 год, роковой для Генри Эвольта. Попав на парусник «Жибро», направлявшийся из австралийского порта Ньюкасл в Батавию (ныне Джакарта), тридцатипятилетний моряк не знал, конечно, что это плавание будет для него последним. Наткнувшись во время шторма на риф Уопла в Торресовом проливе, «Жибро» затонул. Эвольту удалось спастись и добраться до острова Терсди. Там его ожидала приятная неожиданность — встреча со старым приятелем, тоже бывалым мореходом по прозвищу Грек Луи.

Шесть лет друзья то рыбачили, то торговали чем попало, курсируя вдоль берегов Новой Гвинеи. В конце концов «компаньоны» сочли за благо обосноваться на крошечном, опоясанном рифами острове Избавления — том самом, который Моэм называет островом Трибукет. Свое оптимистическое название островок этот получил «в благодарность» от капитана парусника «Шах Хормуцеар» Уильяма Бэмптона, который после двух месяцев блуждания по лабиринту грозных рифов Торресева пролива именно здесь увидел, наконец, перед собой открытое море.

Прошло еще девять лет. И вот судьба забросила в это богом забытое место еще одного человека, оборвавшего безмятежное процветание «фирмы». Нового компаньона звали Джозеф Аугустин де Паоли. Авантюризм был, кажется, у де Паоли в крови. Его бросало из одной стороны в другую, пока он не оказался в Новой Каледонии осужденным на вечную каторгу. По дороге, когда транспорт с осужденными остановился в Мельбурне, Паоли удалось бежать и прибиться к Немцу Гарри и Греку Луи. Однажды ночью новый компаньон, бесцеремонно погрузив на парусник все запасы жемчуга, черепаших панцирей и рыбы, отбыл, как говорится, «в неизвестном направлении».

Вскоре Грек Луи тоже покинул остров, и Немец Гарри остался в полном одиночестве. За исключением нескольких месяцев, которые он провел в 1912 году на острове Терсди, его «робинзонада» длилась беспрерывно двадцать восемь лет...

В начале тридцатых годов одному молодому охотнику по имени Джон Эрншоу попал в руки январский номер журнала «Америкэн космополитэн» за 1924 год. Прочитав в нем рассказ Моэма, Эрншоу тотчас вспомнил мартовский день 1928 года, когда он, сам того не ведая, сыграл роль безыменного персонажа, который появляется в последних строчках моэмовского «Немца Гарри».

В 1927 году Эрншоу сдружился с известным в тех краях охотником, новозеландцем Диком Рошем. До первой мировой войны Рош охотился за райской птицей, перьями которой любили украшать свои туалеты модницы многих стран Европы и Америки. Но во время войны Европе стало не до дамских шляпок, и Рош, занявшись было земледелием, завел плантацию кокосовых пальм на побережье Новой Гвинеи. Однако на месте ему не сиделось, и он по-прежнему часто отправлялся в рискованные экспедиции в глубь джунглей.

«Однажды вместе с Диком Рошем, — пишет Джон Эрншоу, — я провел несколько недель в болотах устья реки Бенсбах, буквально кишевших утками и гусями. Одним выстрелом мы укладывали обычно по две-три птицы. Остров Избавления был от нас в каких-нибудь тридцати милях, и мы решили завернуть к нему. Мне не терпелось увидеть Немца Гарри, который к тому времени стал живой легендой от Куктауна до Самарай».

Дважды в год посещая «оцивилизованный» уголок острова Терсди, Дик Рош по пути обязательно навещался к отшельнику. Оказывая старому Гарри небольшие услуги, Рош постепенно завоевал его доверие и дружбу и таким образом узнал подробности его жизни в молодости и его робинзонады.

«...И вот теперь мы ехали туда вдвоем. Целый день мы боролись с сильным юго-восточным пассатом, прежде чем добрались до желанной тверди острова Избавления. Отгороженный от моря кольцом острых рифов, этот клочок земли укрылся от солнца под густыми кронами кокосовых пальм, подставив его палящим лучам лишь узкую полоску ослепительно белого кораллового песка у самой воды. Именно таким представляешь себе в детстве коралловый остров, читая книжки о приключениях и морских пиратах...

Но Немца Гарри не было видно на берегу. Только белая дворняга бегала взад и вперед, захлебываясь от радостного лая. Переполненные самыми мрачными предчувствиями, мы медленно гребли к берегу, туда, где одинокое фиговое дерево ласково раскинуло свои ветви над кучкой ветхих сооружений.

Дворняга с красными, слезящимися глазами не отставала от нас ни на шаг, повизгивая и прыгая от восторга.

Рядом с закопченной печью тут же, на открытом воздухе, стоял грубо сколоченный стол. Аккуратно уставленный нехитрой утварью, он ждал участников вечерней трапезы. Фиговое дерево, словно благословляя этот скромный натюрморт, щедро усыпало его своими пожелтевшими листьями. В двух-трех шагах от стола возвышалась, подобно могильному кургану, огромная куча обглоданных черепаших костей. Впрочем, курган этот был похож и на памятник всем тем обедам и завтракам, которые человек уничтожил за время второй половины своей жизни.

Все дышало таким духом отрешенности и бесконечной тиши, что, подавленные, мы невольно перешли на полусшепот.

В хибарке, стоявшей рядом, царил безупречный порядок. Деревянное ложе покрывало серое одеяло, готовое принять своего владельца на ночлег. Высоко на полке стояла миска с черепашими яйцами и аккуратной горкой лепешек, на которой уже успела повиснуть гирлянда отвратительной зеленой плесени.

ВОКРУГ СВЕТА

№ 6 ИЮНЬ 1967

СОДЕРЖАНИЕ

Л. ФИЛИМОНОВ — Взорванная тишина	2
ЛЕВ УСПЕНСКИЙ — Стриж второго батальона	10
Рисунки по облаку	18
Не стреляйте жар-птицу!	18
Первое путешествие Тутанхамона	19
Л. ЧЕШКОВА — Дунай: волны, берега, мосты	20
МИРОСЛАВ МУРАЗОВ — Будапештские мотивы	22
Грации и геркулесы	26
В. АРСЕНЬЕВ — Мой полустанок	30
БЭН МИНАГАМИ — Море без огней	34
В. КАВЕРИН — Поэзия прозы	42
ГРИГОРИЙ БАКЛАНОВ — Чувства добрые	43
Загадки, проекты, открытия	44, 48
Л. КРИВЕНКО, В. ОРЛОВ — Камни	45
ГАРРИ ГАРРИСОН — Круг недоверия	49
На меридианах Родины	54
Человек с дирижабля «Италия»	56
С. М. МАКЛЕОД — Приключения леди Гвендолин	58
В. ЛЕВИН — Народ, который отказывается говорить	62
Заботы Мехико	65
ВАЛЬТЕР ХАЙНОВСКИ, ГЕРХАРД ШОЙМАН — Лицом к лицу с убийцей	66
Д. ВИНИЦКИЙ — «Не дать ему погибнуть!»	71
Л. МИНЦ — Печальные Духи желтых листьев	72
Пестрый мир	75
СОМЕРСЕТ МОЭМ — Немец Гарри	77
Б. СЕНЬКИН — Смерть на коралловом острове	79
Как заяц обманул гиену. «Ой» и «Ай»	3 стр. обл.

Главный редактор В. С. САПАРИН

Члены редакционной коллегии: В. И. АККУРАТОВ, И. М. ЗАБЕЛИН, М. М. КОНДРАТЬЕВА, В. Л. КУДРЯВЦЕВ, А. А. НОДИЯ (заместитель главного редактора), К. Г. ПАУСТОВСКИЙ, П. Н. РЕШЕТОВ, Ю. Б. САВЕНКОВ (ответственный секретарь), А. И. СОЛОВЬЕВ, В. С. ЧЕРНЕЦОВ, Л. А. ЧЕШКОВА, В. М. ЧИЧКОВ.

Оформление В. Чернецова и Т. Гороховской

Рукописи не возвращаются. Технический редактор А. Бугрова

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВЛКСМ «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

Наш адрес: Москва, А-30, Суцеская, 21. Телефон для справок Д 1-15-00, доб. 2-29; отделы: «Наша Родина» — 4-09; иностранный — 2-85; литературы — 3-58, 3-93; науки — 3-38; писем — 2-68; иллюстраций — 3-16; приложение «Искатель» — 4-10.

А09002. Подп. к печ. 20/V 1967 г. Бум. 84×108¹/₁₆. Печ. л. 5(8,4). Уч.-изд. л. 12,0. Тираж 2 600 000 экз. Заказ 659. Цена 60 коп.

Типография изд-ва ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия», Москва, А-30, Суцеская, 21.

Открыв стравший тут же старый корабельный сундучок, мы обнаружили в нем бережно сложенные фланелевые брюки и рубашку. Долгие годы их берегли для какого-то особого дня...

Крик одного из наших матросов-малайцев заставил нас поспешить к противоположной стороне лачуги. Возле дверного проема, наполовину провалившись сквозь прогнившие доски пола, лежал труп человека. Время и беспощадное тропическое солнце стерли всякое сходство с когда-то крепким моряком. Вытянутые руки, казалось, цеплялись за землю.

Шиферная дощечка на стене сохранила единственную весточку от умершего. Корявая рука вывела: «Январь 1928 г.» — и числа от 1 до 31. На этом самодельном календаре каждое число, от 1 до 25 было перечеркнуто. Это значило, что последний раз Немец Гарри сделал пометку на своем календаре уже два месяца назад.

Как ни ломали мы голову, причина его смерти осталась для нас загадкой. На левой руке не хватало кисти, на правой ноге — ступни. Возможно, это след нападения акулы; не исключено также, что он умер от внезапного приступа какой-то болезни, а руку и ногу отгрызла позднее собака.

Мы похоронили старого Гарри в теплом белом песке под огромным фиговым деревом, и, пока опускали его тело, малайцы-проводники стояли рядом и бормотали вполголоса свои непонятные молитвы...

...Прошло несколько лет, прежде чем Эрншоу решил написать автору «Немца Гарри». Моэм, переезжавший в то время с места на место, ответил не скоро — лишь в середине 1937 года. Вот что он писал:

«...Я прочел Ваше письмо с огромным интересом. Разумеется, я был рад услышать о судьбе героя моего небольшого рассказа. Ваше письмо — уже само по себе рассказ, и я думаю, что он не может не расшевелить воображение любого читателя».

Б. СЕНЬКИН

На первой странице обложки: **МЕКСИКА**. И поныне на любом народном празднике можно увидеть традиционные индейские танцы. Один из них — танец в честь верховного божества ацтеков Кецалкоатля — «Пернатого змея», покровителя древнего города Чолулы.

Сказки
народа
Фильме

КАК ЗАЯЦ ОБМАНУЛ ГИЕНУ

Однажды, когда дома были одни дети, пришел в чужое хозяйство заяц и сказал: «Ваш отец велел вам привязать меня в абрикосовом саду, там, где деревья погуше, чтобы я пропалывал». Дети сделали, как он сказал. Заяц досыта наелся абрикосов, а вечером позвал детей и сказал, чтобы они его отвязали. И так было несколько дней.

Наконец отец увидел, что натворил в его саду заяц, удивился и спросил детей, в чем дело. Те все рассказали ему. Тогда отец сказал: «Если завтра опять придет этот заяц, не отвязывайте его до моего прихода».

На следующий день заяц пришел снова, и дети опять привязали его в саду. А когда наступил вечер, они отказались отвязать его. Вернулся отец, отвязал зайца, отвел его к дому

и привязал его к веранде. А детям приказал вскипятить воду, чтобы облить кипятком зайца.

Когда вода грелась, шла мимо гиена. Увидев котелки, стоящие на огне, она спросила зайца, что тут происходит. Тот ответил: «Да вот решили они приготовить для меня мясо». Гиена стала просить зайца, чтобы он привязал вместо себя ее. «Ты с ума сошла! — ответил ей заяц. — Разве я могу упустить такой случай!» Но гиена так канючила, что зайцу пришлось уступить. Гиена отвязала зайца, а он привязал ее на свое место.

Один из сыновей хозяина вышел

посмотреть, на месте ли заяц, и очень удивился, увидев гиену. Он закричал: «Отец, заяц вырос». Отец сказал: «Ах так! Ну тогда прибавьте воды». Когда вода вскипела, он выплеснул ее на гиену. Та взвыла от боли. Отец отвязал ее, и гиена помчалась прочь. Шкура висела на ней клочьями. Не переставая выть, гиена добежала до леса. Тут появился заяц. Гиена набросилась на него с криком: «Сейчас ты умрешь! Выбирай, куда тебя бросить: в омут или в пырей?» Заяц ответил: «Ради аллаха, не бросай меня в пырей!» — «Вот туда-то я тебя и брошу!» — сказала гиена и бросила зайца в пырей. Заяц тотчас же вскочил на ноги и сказал: «Да благославит тебя аллах! Я тебе очень благодарен. Именно здесь я вырос. Ты сумела вернуть меня туда, откуда я вышел».

Рисунки В. ВАКИДИНА

ОЙ И АЙ

Жил один обманщик, злой человек, и обманывал он только бедных людей.

Однажды он взял к себе на работу юношу.

— Если будешь хорошо работать, — сказал ему обманщик, — я заплачу тебе 800 монет. Но при одном условии. Накануне дня платежа я пошлю тебя за двумя вещами. Если ты мне их принесешь, я заплачу тебе, если не принесешь — пеняй на себя. Ну как? Согласен?

Юноша, не раздумывая долго, дал согласие, потому что хотел заработать денег. Он работал хорошо. Наступил

последний день месяца, он пришел к своему хозяину и сказал:

— Месяц кончился. Вы довольны моей работой?

— Если говорить правду, очень доволен.

— Тогда говорите, какие две вещи я должен вам принести. И заплатите мне.

Злой человек сказал, смеясь:

— Принеси мне «Ой» и «Ай», я сразу заплачу тебе.

Юноша задумался. Он не знал, где найти «Ой» и «Ай». Но он тоже был хитрым и потому думал недолго. Он

побежал в лес, нашел там скорпиона и паука, положил их в черную бутылку и принес ее своему хозяину. Протянув бутылку, он сказал:

— Откройте бутылку, суньте туда палец, и вы достанете «Ой» и «Ай».

Хозяин сунул палец в бутылку, скорпион укусил его.

— Ой! — вскрикнул хозяин. Юноша засмеялся:

— Вот вы и получили «Ой». А теперь суньте туда палец еще раз, может быть, вы получите и «Ай».

Но злому обманщику было достаточно одного «Ой». Он заплатил юноше, и тот ушел довольный.

Перевела с языка фула Г. БЕЛОВОЛОВА

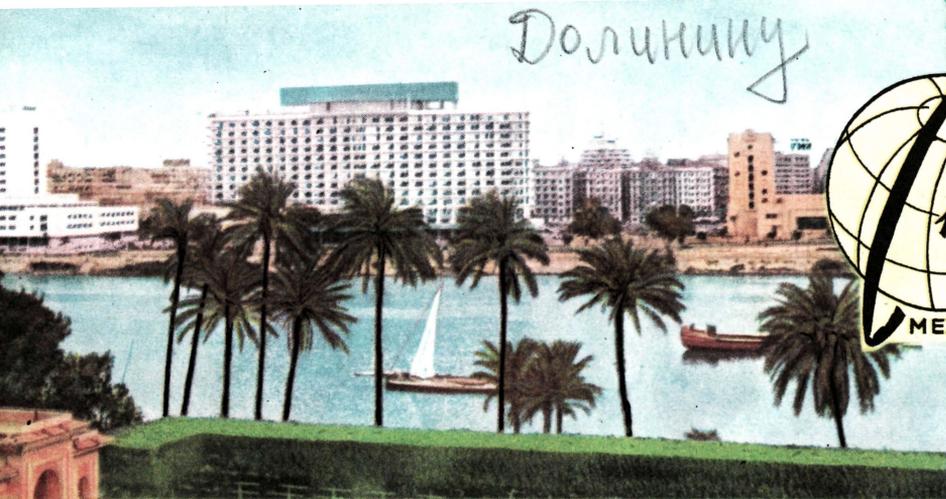
Долгину

Цена 60 коп.

Индекс 70142

БЮРО
МЕЖДУНАРОДНОГО
МОЛОДЕЖНОГО
ТУРИЗМА
СССР

**СОВЕТСКИЕ ЮНОШИ И ДЕВУШКИ ПО ПУТЕВКАМ «СПУТНИКА»
ПОСЕТЯТ ОБЪЕДИНЕННУЮ АРАБСКУЮ РЕСПУБЛИКУ.**

